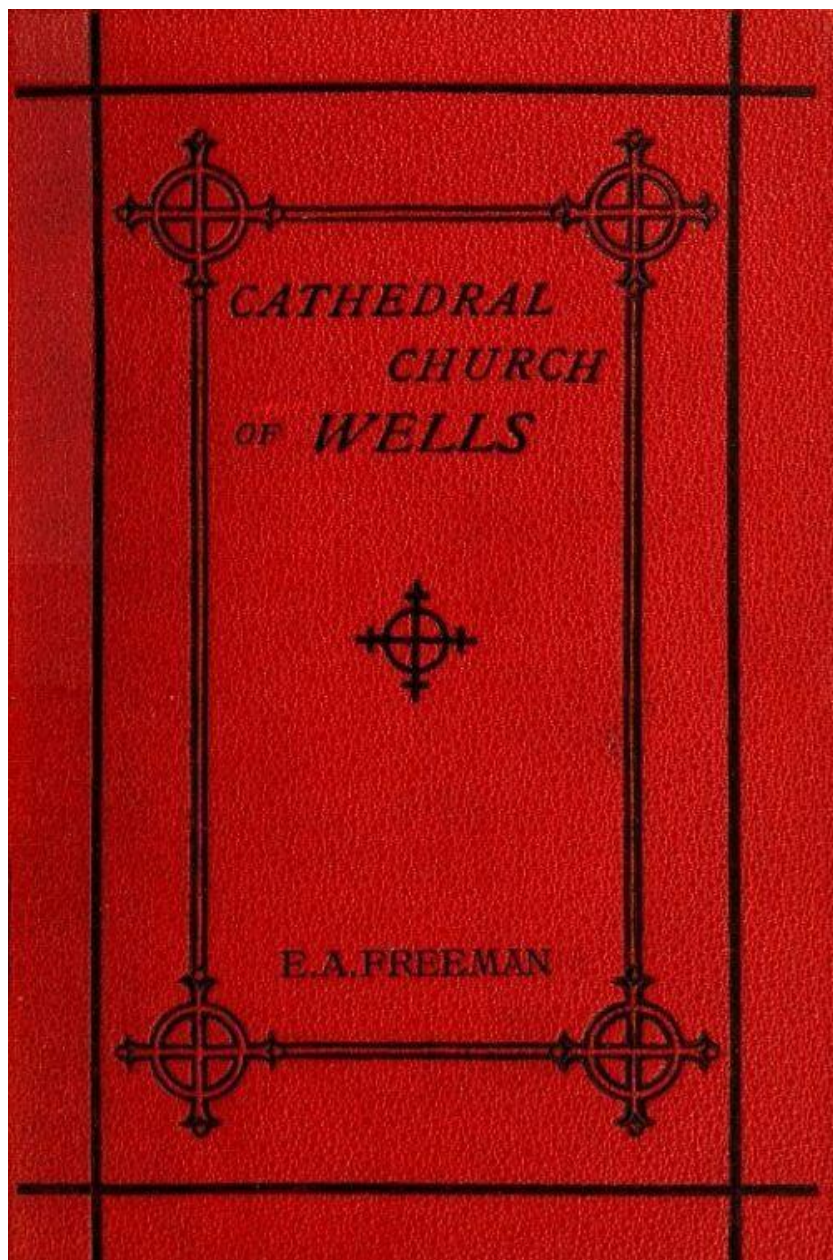

История кафедральной церкви Уэллса как иллюстрация истории кафедральных церквей Старого Основания

Эдвард А. Фримен

Электронная книга проекта Гутенберга по истории кафедральной церкви Уэллса

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История кафедральной церкви уэллса

Автор: Эдвард А. Фримен

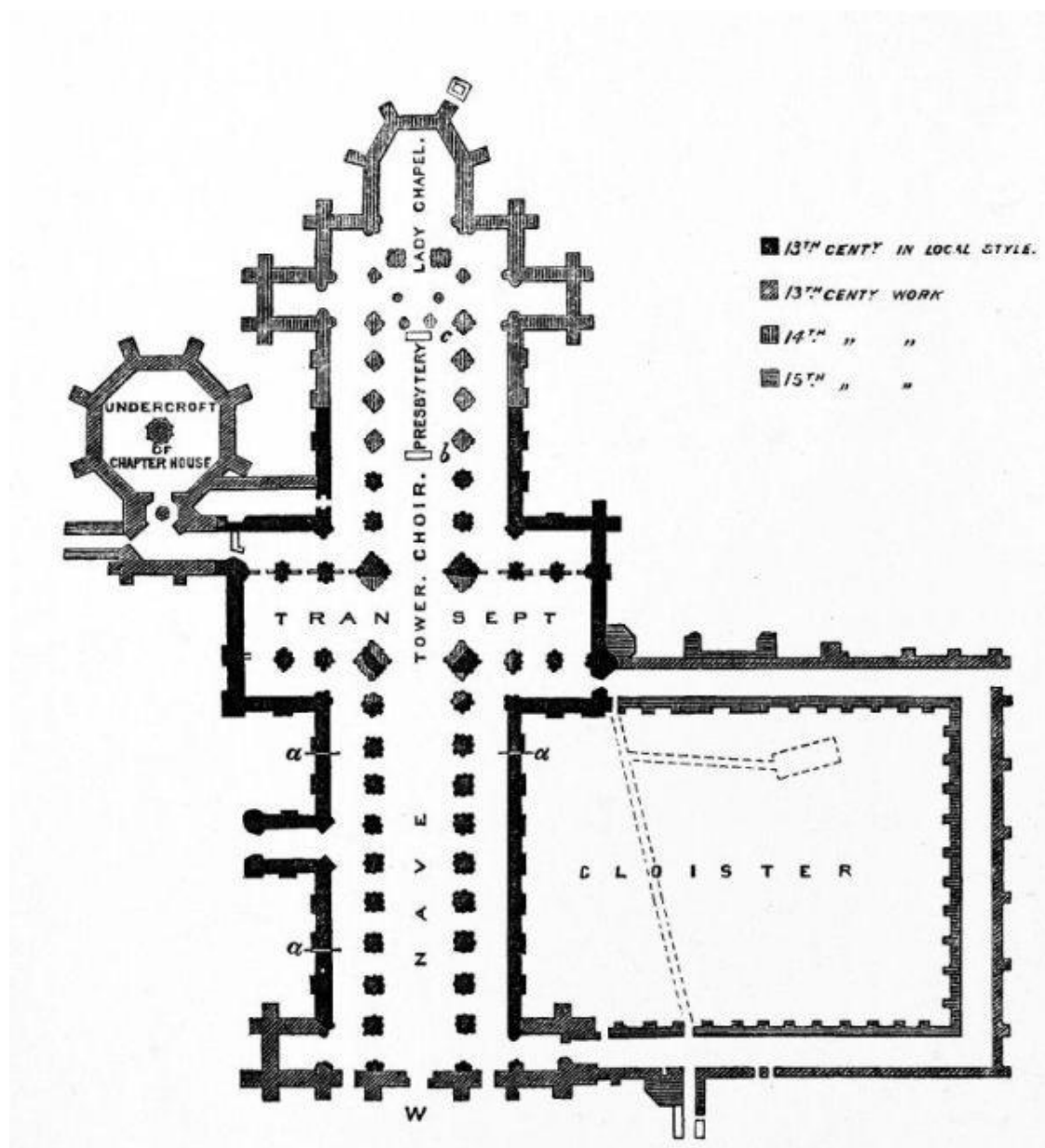
Дата выхода: 18 апреля 2014 г. [Электронная книга № 45435]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Лесом Галлоуэем, Греггом Бергквистом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА УЭЛЛСА" ***

ИСТОРИЯ КАФЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ УЭЛЛСА КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИСТОРИИ КАФЕДРАЛЬНЫХ ЦЕРКВЕЙ СТАРОГО ОСНОВАНИЯ.

ЭДВАРД А. ФРИМЕН, магистр искусств,
БЫВШИЙ СОТРУДНИК ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА В ОКСФОРДЕ.

Лондон:

МАКМИЛЛАН И КОМПАНИЯ

1870.

ЛОНДОН:

R. КЛЕЙ, СЫНОВЬЯ И ТЕЙЛОР, ТИПОГРАФИЯ,
БРЕД-СТРИТ-ХИЛЛ.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Лекция I.	1
Лекция II.	42
Лекция III.	105
Примечания	163
Указатель	191

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот небольшой том представляет собой перепечатку, практически без изменений, трех лекций, которые были прочитаны местному обществу в Уэллсе в декабре 1869 и январе 1870 годов и которые были напечатаны в то время в местной газете. Я добавил несколько примечаний и ссылок, но суть, по сути, та же. Тема, похоже, заслуживает большего, чем местное внимание, по нескольким причинам. Я хотел указать на то, каким образом местная и всеобщая история может и должна быть сведена воедино. Как правило, местные историки практически не предпринимают попыток связать историю конкретной церкви, города или района, о которых они пишут, с общей историей страны или даже с общей историей ее собственного класса учреждений. С другой стороны, те, кто изучает историю в более широком смысле, склонны уделять слишком мало внимания истории конкретных мест. Здесь я попытался отнестись к истории Церкви Уэллса как к вкладу в общую историю Церкви и Королевства Англии, и особенно к истории Кафедральных церквей Старого основания. У меня также есть особая цель привлечь внимание к происхождению и истории этих фондов, к их первоначальным объектам и их современному искажению. Совершенно невозможно, чтобы наши соборные учреждения могли еще долго оставаться в том состоянии, в котором они сейчас находятся, в состоянии, которое не удовлетворяет ни одну партию. Если они не будут исправлены своими друзьями, они вряд ли не будут уничтожены своими врагами. Неуклюжая попытка реформы, предпринятая тридцать лет назад, была предпринята при полном незнании истории и природы институтов. Вместо того, чтобы реформировать их, она просто искалечила их. Наши Кафедральные церкви

действительно значительно улучшились за эти тридцать лет; но это произошло почти полностью потому, что они участвовали в общем улучшении, а вовсе не благодаря изменениям, которые были специально призваны улучшить их. Я хочу указать на общие принципы первоначальных основателей как на модель, к которой следует вернуться Старым Устоям, а Новые Устои реформировать по их образцу.

То, что я сейчас написал, конечно, всего лишь набросок, который вовсе не претендует на то, чтобы быть полной историей церкви Уэллс, ни архитектурной, ни документальной. Я надеялся, что профессор Уиллис разрешит мне использовать материалы обоих видов, на которых он основывал свои лекции в 1851 и 1863 годах. Но, похоже, он бережет их для общей работы, которой так долго ждали студенты-архитекторы. Поэтому я был предоставлен своим собственным ресурсам, то есть в том, что касается документов, обычным печатным изданиям в *Anglia Sacra*, *Monasticon* других местах. Но остается надеяться, что рано или поздно документы, которые хранятся в рукописях в Уэллсе и других местах, могут быть предоставлены для исторических целей. Некоторые из наших пластинок capitular превосходно подошли бы для места в серии, выпущенной the Master of the Rolls.

Я привел исторический план местности, но масштаб книги не позволял использовать какие-либо строго архитектурные иллюстрации, в то время как казалось излишним давать какие-либо просто живописные виды здания, гравюры и фотографии которого так распространены.

Сомерлиз, Уэллс,
18 мая 1870 г..

СПИСОК ЕПИСКОПОВ.

ЕПИСКОПЫ СОМЕРСЕТШИРА Или УЭЛЛСА.

	Посвящение.	Смерть или Перевод
Этельхельм	909	914[1]
Вульфхельм	914	923[1]
Эльфхия	923	937?
Вульфхельм	938	955?
Брихтельм	956	973
Супneward	973	975
Сигар	975	997
Эльфвейн	997	998?
Лайфинг	999	1012[1]

Этельвейн] [2]	1013	1023?
Брихтвейн }	1013	1023?
Вместе с	1027	1033
Дудуком	1033	1060
Гизой	1061	1088

ЕПИСКОПАМИ БАТА.

Джон де Виллула	1088	1122
Годфри	1123	1135
Роберт	1136	1166
Реджинальд	1174	1191 [3]

ЕПИСКОПЫ БАТА И ГЛАСТОНБЕРИ.

Сэврик	1192	1205
--------	------	------

ЕПИСКОПЫ БАТА И УЭЛЛСА.

Jocelin скважин	1206	1242
Роджер	1244	1247
Уильям кнопку	1248	1264
Уолтер Жиффар	1265	1266 [4]
Уильям кнопку	1267	1274
Роберт Бернелл	1275	1292
Уильяма марта	1293	1302
Уолтер Hasleshaw	1302	1308
Джон Drokenford	1309	1329
Ральф Шрусбери	1329	1363
Джон Барнет	1363 [5]	1366 [6]
Джон Harewell	1367	1386
Уолтер Skirlaw	1386 [7]	1388 [8]
Ральф Erghum	1388 [9]	1400
Генри Боуэт	1401	1407 [10]
Николай Bubwith	1407 [11]	1424
Джон Стаффорд	1425	1443 [12]
Томас Бекингтон	1443	1465
Роберт бронирование гостиниц stillington, так	1466	1491
Ричард Фокс	1492 [13]	1494 [14]
Оливер Кинг	1495 [15]	1503

Адриана де Кастелло	1504[16]	1518[17]
Томас Вулси	1518[18]	1523[19]
Джон Кларк	1523	1541
Уильям Найт	1541	1547
Уильям Барлоу	1549[20]	1554[21]
Гилберт Борн	1554	1559[22]
Гилберт Беркли	1560	1581
Томас Годвин	1584	1590[23]
Джон по-прежнему	1593	1608
Джеймс Монтегю	1608	1616[24]
Артур Лейк	1616	1626
Уильям Лод	1626[25]	1628[26]
Леонард гостинице тауе	1628	1629
Уолтер керл	1629[27]	1632[28]
Уильям Пирс	1632[29]	1670
Роберт Крейтон	1670	1672
Петр конюшни	1673	1684[30]
Томас Кен	1685	1690[31]
Ричард Киддер	1691	1703
Джордж Хупер	1704[32]	1727
Джон Винн	1727[32]	1743
Эдвард Уиллис	1743[33]	1773
Чарльз Мосс	1774[33]	1802
Ричард бидон	1802[34]	1824
Джордж Генри закон	1824[35]	1845
Хон. Ричард Бэгот	1845[36]	1854
Роберт Джон Лорд Окленд	1854[37]	1869[38]
Лорд Артур Чарльз Херви	1869	

ИСТОРИЯ КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА УЭЛЛСА.

ЛЕКЦИЯ I.

Тема, которую я выбрал для этого курса лекций, всегда должна представлять наибольший интерес для нас, живущих в этом городе и окрестностях. В любом месте, которое может похвастаться кафедральным собором, этот кафедральный собор обычно является главным объектом интереса, как в качестве его нынешнего украшения, так и в качестве главного центра его прошлой истории. Но в Уэллсе кафедральный собор и его принадлежности представляют еще большее значение. Их интерес не только первичен, но и всепоглощающ. Они не только главное украшение этого места; они и есть само место. Они являются не только центром прошлой истории города; их история - это история города. Из других наших городов некоторые могут проследить долгую историю как города, независимые от своих церковных основ. Некоторые из них были жилищами королей еще до того, как Англия стала единым королевством. Некоторые из них веками были центрами торговли или мануфактур; их история - это история бюргеров, стремившихся к своей свободе и получивших ее, история, которая в малом повторяет ту же самую историю ранней борьбы и более поздних злоупотреблений, которая составляет историю стольких великих государств. Другие имеют долгую военную историю; их название сразу наводит на мысль о битвах и осадах, и они до сих пор могут демонстрировать стены и замки как живые памятники волнующих сцен давно минувших времен. В других случаях даже церковное превосходство кафедрального собора может быть оспорено каким-либо другим церковным зданием. Епископат и его церковь могут быть сравнительно современными институтами, и их может полностью затмить какое-то другое учреждение, более древнее по дате основания, возможно, более древнее по своей фактической структуре. Так, в Оксфорде кафедральный собор почти затерялся среди зданий университета и его крупнейшего колледжа. В Честере его ранг может быть оспорен величественными фрагментами более древнего собора Святого Иоанна. В Бристоле кафедральный собор, даже когда его восстановят в прежних пропорциях, по-прежнему будет иметь, по крайней мере, равного конкурента в самой величественной приходской церкви Англии. В этих городах епископство, его церковь и ее капитул - учреждения вчерашнего дня; сами города были великими и знаменитыми за века до того, как были основаны. Итак, в Эксетере, хотя епископство возникло гораздо раньше, все же Эксетер был знаменитым городом, сыгравшим свою роль в истории задолго до того, как о епископах Эксетера стали слышать. Даже в Винчестере подавляющему величию Старого собора приходится конкурировать с более ранними и поздними интересами королевского дворца, разрушенного аббатства, уникального дома благородной бедности[39] и старейшей из великих и все еще живущих школ Англии. Только Солсбери в нашей части Англии и Дарем на крайнем севере имеют историю, которая в какой-то мере напоминает историю Уэллса. Как и Уэллс, Солсбери и Дарем - города, выросшие вокруг кафедрального собора. Но они выросли — полагаю, это не будет оскорблением, если я так скажу, — и приобрели большее временное значение, чем наш собственный город. Если взять привычный стандарт, то никто никогда не предлагал вычеркнуть ни один из них из списка парламентских округов. Уэллс стоит особняком среди городов собственно Англии как город, который существует только в своей кафедральной церкви и через нее, вся история которого - история его кафедральной церкви. Епископат был для нас тем же, чем аббатство было для наших соседей в Гластонбери, чем церковь сначала аббатов, а затем епископов была в других местах для Эли и Питерборо. Я говорю, что вся история Уэллса - это история епископства и его

церкви. О происхождении и основании города, в отличие от основания церкви, ничего не известно. Название Уэллс впервые упоминается как место, где стояла церковь Святого Андрея, и его название редко появляется в более поздней истории, кроме как в связи с делами его церкви. Это никогда не было королевским жилищем; это никогда не было местом коммерческого значения; это никогда не было местом военной мощи. Как и у других городов, у него есть своя муниципальная история, но его муниципальная история - это просто придаток к его церковной истории; привилегии района были просто предоставлены в качестве грантов от епископа. Здесь есть своя приходская церковь, стоящая так же высоко среди зданий своего класса, как и сам кафедральный собор. Эта приходская церковь имеет приходской устав, который в некоторых моментах уникален. Но приходская церковь - это просто придаток к соборной церкви; это церковь бюргеров, которые пришли жить под сенью собора и защитой его духовного владыки. И он всегда сохранял тесную, иногда, возможно, слишком тесную, связь с собором и его Капитулом. Таким образом, история церкви - это история города; ни сражения, ни осады, ни парламенты не нарушают спокойного течения ее жизни; название города едва ли нашло отражение в нашей гражданской и военной истории. Его название действительно встречается среди смут семнадцатого века, на страницах "Кларендона" и "Маколея", но оно появляется в связи с событиями, значение которых было в основном местным. И даже здесь проявляется церковный интерес; самое поразительное событие, связанное с Уэллсом в истории восстания Монмута, - это ущерб, причиненный собору, и то, как лорд Грей предотвратил дальнейший ущерб и осквернение. И в наши дни, когда парламентское существование этого города стало предметом оживленной парламентской дискуссии, даже тогда церковные интересы все еще были превыше всего. Старая битва между постоянными и светскими жителями снова разгорелась из-за трупов в двух небольших парламентских округах. Мне нет нужды напоминать вам, что претензии старого светского фонда были решительно выдвинуты одним из наших собственных членов. Но монашеское влияние было слишком сильно для нас; мантия Дунстана и Этельвальда легла на плечи сэра Джона Пакингтона, и притязания павшего аббатства Ившем были предпочтительнее притязаниям существующего Уэллсского собора.^[40]

Таким образом, весь интерес этого города - церковный; но его церковный интерес с одной точки зрения превосходит интерес любой церкви в Англии, — я испытываю сильное искушение сказать, любой церкви в Европе. Путешественник, спускающийся с холма из Шептон-Маллета, по мере приближения к городу смотрит вниз на группу зданий, которым, насколько я знаю, нет равных ни на нашем родном острове, ни за морем. Для большинства из этих объектов, взятых по отдельности, было бы легко найти конкурентов, которые сравнялись бы с ними или превзошли их. Сама церковь, видимая даже с этой наиболее благоприятной точки зрения, не может из-за простого недостатка объема устоять против парящей апсиды Амьена или против окон, расположенных ярус за ярусом в мощном восточном фронте Эли. Монастырь не может сравниться с Глостером или Солсбери; зданию капитула не хватает высоких крыш Йорка и Линкольна; сам дворец находит себе соперника в развалинах собора Святого Давида. Особое очарование и слава Уэллса заключаются в единстве и гармоничной группировке всего остального. Церковь не стоит особняком; она не загромождена неуместными зданиями и в то же время не изолирована от тех зданий, которые являются ее естественным и необходимым дополнением. Дворец, монастырь, часовня Богоматери, хор, капитул - все соединяется в одно неделимое целое. Сериал непрерывно продолжается по этому уникальному мосту, который благодаря чуду изобретательности соединяет саму церковь с самым совершенным зданием своего класса - несравненным домом викариев клоуз. Разбросанные повсюду, мы видим тут и

там старинные дома, их фронтоны, окна или башенки соответствуют стилю и группе более крупных зданий и играют свою роль в создании общей гармонии всего. Вся история этого места разборчиво написана на этой бесподобной группе зданий. Если бы мы могли представить себе церковного историка, спустившегося с облаков, вид этого места сразу сказал бы ему, что он смотрит на английскую кафедральную церковь, на кафедральный собор, в котором всегда служили по светским канонам, на церковь светских канонов, которая сохранила свои древние здания и старинное устройство более безупречно, чем любая другая на острове. Именно к истории этого великого учреждения, как по его структуре, так и по его основанию, я обращаю ваше внимание в настоящем курсе лекций. И, взяв Уэллса в качестве своего текста, я намереваюсь сравнить нашу собственную церковь, схожую по своей структуре и основанию, с другими церквями того же класса. Тема, естественно, делится на три раздела. Я намереваюсь посвятить три беседы умеренной продолжительности ранней, средневековой и современной истории церкви Уэллса.

Ибо тема, подобная той, которую я выбрал, очевидно, является той, на которую можно смотреть с различных точек зрения. Кафедральный собор, подобный нашему, - это не только материальная ткань, произведение архитектуры; это также церковный институт, учреждение, основанное на благо нашей Церкви и нации и сыгравшее свою роль, какой бы она ни была, в общей истории страны. Я намереваюсь рассмотреть это в обоих аспектах, каждый из которых трактуется очень несовершенно, если он полностью исключает другой. Но я не ставлю своей целью рассматривать ни ту, ни другую ветвь предмета в мельчайших подробностях. Мемуары архитектора или антиквара имеют свою ценность, но они совсем не подходят для популярной лекции. Подробная архитектурная экспозиция, если мы хотим, чтобы она была понятной, должна быть дана на месте. Миниатюрные мемуары антиквара, изобилующие именами и датами, часто приносят большую прибыль в печатном виде, но они совсем не подходят для чтения широкой аудитории. Более того, мне было бы очень жаль вторгаться в область человека, на чьи мельчайшие познания в местной истории я не могу претендовать. Моя цель иная. Я хочу рассмотреть историю Уэллсского собора, как здания, так и учреждения, в более общем, так сказать, сравнительном ключе. Я хочу остановиться на положении нашей собственной церкви как одной из групп, указать на то, как она выделяется среди других зданий и других институтов своего класса, и проследить ее связь с общей историей Королевства и Церкви Англии.

В своей первой части этого вечера я намереваюсь рассказать о первых днях церкви Святого Андрея, начиная с того момента, когда ее название впервые прозвучало в истории или летописях, и заканчивая тем временем, когда и материальная структура, и церковный фундамент приняли нечто похожее на их нынешнюю форму. И поскольку эта тема уведет нас в несколько туманные времена и во многие вопросы, которые люди в целом далеки от точного понимания, я надеюсь, что те из моих слушателей, кому знакомо все, что я должен сказать, простят меня, если я буду касаться некоторых вопросов несколько элементарно. Я говорил о церкви Святого Андрея в Уэллсе как о кафедральном храме, как о кафедральном соборе, в котором всегда служили по светским канонам; я говорил о противостоянии между обычным и светским духовенством. Для некоторых из моих слушателей все эти термины имеют одинаковое значение. Боюсь, что для других они могут не натолкнуть на какую-либо определенную идею. Но без определенного представления о них невозможно ясно понять ни общую историю Англии, ни местную историю Уэллса. Пусть тогда мои более информированные слушатели потерпят, если я немного углублюсь в суть вопроса.

Итак, начнем с начала: что мы имеем в виду, когда называем большую из двух древних церквей в этом городе *Кафедральным* собором? Каково значение этого слова? Некоторые люди, кажется, думают, что это означает просто большую церковь, чем обычно — я слышал, что огромное количество церквей в других местах называются *соборами*, которые не имеют права на это название. Иногда людям кажется, что это означает церковь, в которой есть декан и глава, или какой-то особый орган духовенства, или церковь, где каждый день совершаются молитвы, или церковь, где молитвы поются, а не просто читаются. Нет, некоторые люди, кажется, думают, что собор — это вообще не церковь; я слышал, как говорили, что собор не был церковью, но что внутри него была церковь. И я не удивляюсь, что люди так думают, когда они заходят в кафедральный собор и видят, что большая его часть действительно пуста и подметена, но так и не украшена. Однажды я был в большой приходской церкви в Гросмонте в Монмутшире, где человек, впустивший меня, очень гордо сказал мне: "Наша церковь похожа на кафедральный собор". Говоря, что церковь похожа на собор, он имел в виду, что вся паства была забита, забита, втиснута на хоры, в то время как неф стоял пустой и бесполезный. Опять же, нет ничего необычного в том, чтобы услышать, как люди говорят о "соборах и церквях", как будто это два разных вида вещей. И люди, похоже, также думают, что какой-то особый вид богослужения уместен в соборе, чего нет в других местах. Когда в богослужении много пения и игры на органе, они называют это "соборной службой", как будто пение и игра на органе — это нечто особенное, принадлежащее собору в большей степени, чем другим местам.

Теперь все эти последние понятия — просто ошибки. И те, с которых я начал, тоже ошибки, хотя и несколько иным образом. Собор — это просто церковь, особый вид церкви, и вместо того, чтобы быть предметом гордости, это предмет стыда, если неф какой-либо церкви стоит пустой и бесполезной. То, что называется "соборным богослужением", — это просто богослужение, совершаемое наилучшим и наиболее торжественным образом, способом, которому другие церкви, возможно, не всегда могут следовать во всем, но которому они должны стараться следовать настолько близко, насколько это возможно. С другой стороны, очень правильно, что соборная церковь должна быть больше и прекраснее других церквей, что к ней должно принадлежать большее количество духовенства и что они должны совершать богослужение таким образом, чтобы быть светом и примером для других церквей. Тем не менее, ни одна из этих вещей не лежит в основе вопроса; ни одна из этих вещей не делает разницы между собором и другой церковью. Разница в том, что в нем находится трон или официальное сиденье епископа. На греческом и латыни это сиденье называется *cathedra*, — слово, которое в английском сокращается до *chair*, — а церковь, в которой оно находится, называется *ecclesia cathedralis*, *соборная церковь*. *Cathedral* короче говоря, это прилагательное, а не субстантив, и его использование в качестве субстантива всегда довольно неуклюже и неряшливо. Определенные церкви, а именно те, в которых находится престол епископа, являются *соборными* церквями, поскольку церкви, в которых нет престола епископа, но в которых есть Капитул или Коллегия духовенства, являются *коллегиальными* церквями, в то время как большая масса церквей — это просто *приходские* церкви, церкви, предназначенные для использования одним приходом и только с одним приходским священником.

Таким образом, сущность соборной церкви заключается в том, что она является, помимо всех других церквей, церковью епископа. Именно в церкви находится его официальная резиденция, и именно вступая во владение этой официальной резиденцией, епископ, как мы вскоре увидим, когда наш новоизбранный епископ появится среди нас, вступает во владение своим Епископством.^[41] С этого места церковь и город, в котором она стоит, называются Епископской

кафедрой. И от этого престола епископ берет свой титул. Таким образом, мы называем этот город Уэллс престолом епископа, епископа Бата и Уэллса. Епископа называют епископом Бата, а также Уэллса, потому что в этой епархии, в отличие от большинства других, было две кафедральные церкви. Епископ имел свой трон в церкви Святого Петра в Бате, а также в церкви Святого Андрея в Уэллсе. Но со времен Генриха Восьмого церковь Бата не считалась кафедральным собором, и епископ был возведен на престол только в церкви Уэллса.

Теперь вы можете спросить, как получилось, что, хотя из всех церквей епархии кафедральная церковь является в первую очередь церковью епископа, церковью, которая особенно принадлежит ему, и откуда он берет свой титул, именно в кафедральной церкви у него меньше власти, чем в любой другой церкви, что все управление кафедральной церковью, кажется, перешло от епископа в руки декана и капитула. Независимость Декана и Капитула, когда она заходит так далеко, как сейчас, несомненно, является злоупотреблением и аномалией, и как это произошло, я покажу по ходу дела. Вы также можете спросить, как случилось, что кафедра епископа этой епархии располагалась в Уэллсе, а не где-либо еще. Ибо именно в Уэллсе он был установлен в первую очередь, и только спустя почти двести лет после основания епископства Бат стал кафедральным собором.

Чтобы понять, как это произошло, мы должны вернуться к дням первой проповеди Евангелия англичанам. В тех частях Западной Европы, которые впервые стали христианскими, например, в Италии, Галлии и Испании, города были в то время почти всем, открытая местность имела очень малое значение. Таким образом, Евангелие было впервые проповедано жителям городов, и города стали почти полностью христианскими в то время, когда население страны все еще было в основном язычниками. Отсюда слово *язычник* — по-латыни *паганус*, - которое сначала означало только крестьянина в отличие от горожанина, стало означать язычника или поклоняющегося ложным богам. Теперь, при таком положении вещей, епископ был в высшей степени епископом города; город был его домом и домом его первоначальной паствы; лишь постепенно он стал иметь много общего с людьми за пределами города, и, когда он сделал это, границы его епархии были установлены пределами гражданской юрисдикции города, епископом которого он был. В Англии, да и вообще на Британских островах в целом, положение вещей было совсем иным. Страна была разделена между многими князьями; крупных городов было всего несколько, и те, что там были, не имели никакой власти над населением окружающей их страны. Поэтому в Англии сначала в каждом королевстве обычно был епископ; он устанавливал свой трон, свой *епископский стул*, как это называлось, в какой-то конкретной церкви своей епархии, которая, таким образом, становилась его особым домом и кафедральным собором; но он не был епископом города в том особом смысле, в каком итальянский или даже галльский епископ был епископом города. На самом деле во многих английских епархиях епископ даже не брал свой титул по названию города, где стояла его кафедральная церковь, а назывался по названию страны в целом, или, скорее, по имени племени, которое ее населяло. Таким образом, вплоть до нормандского завоевания епископа этой епархии называли не епископом Уэллса, а епископом суморов, племени, от которого Сомерсетшир получил свое название.

Итак, епископство Суморосет не было одним из старейших епископств, одним из тех, которые были основаны при первой проповеди Евангелия в Англии. Когда Августин прибыл в Британию в 597 году, лишь очень небольшая часть Сомерсетшира вообще была английской; валлийцы Корнуолла все еще владели всей землей от Края до Края Топора. Таким образом, Уэллс, если

Уэллс существовал, находился в пределах границы с Уэльсом, в то время как Вуки находился в пределах границы с Англией. Когда западные саксы стали христианами в 635 году, для всего королевства, как обычно, был назначен епископ. Его называли епископом западносаксонским, и его *епископский стул* после некоторых изменений был перенесен в королевский город Винчестер.[42] Через некоторое время, по мере распространения христианства и роста Западносаксонского королевства за счет завоеваний валлийцев, эта великая епархия была разделена в 705 году.[43] Один епископ остался в Винчестере; у другого был свой *епископский стул* в Шерборне, и его епархия включала графства Дорсетас, Вилсетас и Суморосетас, а также Беркшир, графство, которое, в отличие от трех других, не было названо в честь народа. Во времена Эдварда Старшего, в 909 году, эта епархия снова была разделена; сумерсеты теперь получили епископа в свое распоряжение, и его *епископский стул* был помещен там, где он находится до сих пор, в церкви Святого Андрея в Уэллсе.[44]

Теперь мы сразу переходим к вопросу, почему резиденцией епископства был выбран Уэллс? Я думаю, вы легко поймете, что ни сейчас, ни тогда в Англии не было ни одной епархии, где епископ более тщательно стремился бы быть епископом всей епархии, а не просто епископом одного города. В Сомерсетшире не было ни тогда, ни сейчас ни одного города, одновременно превосходящего по размерам любой из своих соседей и удобно расположенного в центре графства. Тогда, как и сейчас, двумя величайшими городами графства, должно быть, были древнеримский город Бат на одном конце и чисто английский городок Тонтон на другом. Тонтон был основан королем Ине между 710 и 722 годами как пограничная крепость против валлийцев, после того как он продвинул английскую границу так далеко на запад, что сейчас проходит граница Сомерсетшира.[45] Ни одно из этих мест не подходило на роль центра епархии. Бриджуотер, расположенный в центре города, был построен лишь несколько веков спустя. Гластонбери, который находится еще в центре города, вряд ли можно было сделать епископством, потому что в нем располагался величайший монастырь Запада. Кроме того, Гластонбери в те дни был на редкость недоступным местом. Он стоял на острове, и добраться до него можно было только на лодках, так что, если бы епископ не был совсем отшельником, он был бы там совсем не к месту. Некоторые епископы устраивали свои кафедры в местах подобного рода, но ясно, что такое устройство было во всех отношениях неудобным, и такой мудрый король, как Эдвард Старший, вряд ли одобрил бы это. И мы можем быть уверены, что монахи Гластонбери были бы тогда, как и много лет спустя, категорически против того, чтобы их главой был епископ, а не их собственный аббат. Я полагаю, что Уэллс был выбран потому, что в Уэллсе уже была группа светских священников, прикрепленных к церкви Святого Андрея.

Вся история Уэллса до времен Эдварда Старшего чрезвычайно неясна, и многое в ней, несомненно, является легендой. Есть история о том, как король Ине основал епископство в Конгрессбери, которое в настоящее время было перенесено в Уэллс, и список епископов приводится между Ине и Эдвардом. Существует также документ, который выдает себя за хартию короля Киневульфа от 766 года, в которой не говорится ни о каком епископе в Уэллсе, но подразумевается существование какого-либо церковного учреждения. Но, к несчастью, история с Конгрессом в Конгрессбери не опирается на авторитетные источники, а хартия Синевульфа, несомненно, поддельна. Но из того, что хартия поддельна по форме, не всегда следует, что ее содержание неисторично. И я тем более склонен придавать этому некоторую ценность, потому что, хотя это подразумевает существование какого-то церковного учреждения, это не подразумевает существования епископства. Собирая все воедино и помня сильную и последовательную традицию, которая связывает имя Ине с церковью Уэллса, я

склонен думать, что до основания епископства Эдвардом в Уэллсе должна была существовать какая-то группа священников, вероятно, из фонда Ине.[46] Если тогда, где-то около 705 года, мы действительно нашли церковь в Уэллсе с прикрепленными к ней священниками, мы можем хорошо понять, почему Уэллс был выбран резиденцией нового епископства в 909 году. Светские каноники фонда Ине могли бы принять епископа в качестве своего главы и стать его *Капитулом*, чего монахи Гластонбери не смогли бы сделать так хорошо. Если это так, то капитул Уэллса действительно более древнее учреждение, чем епископат. Нынешняя форма Капитула, как я сейчас покажу, сравнительно современна; но если это так, то священники Уэллса в той или иной форме на двести лет старше епископа. С этой точки зрения Эдвард Старший сделал с церковью Уэллса в точности то, что было сделано с церквями Рипона и Манчестера в наше время. Обе эти церкви были *коллегиальными*; в Рипоне были декан и пребендарии; в Манчестере - Староста и стипендиаты. Во время правления нашей нынешней королевы в этих двух церквях были основаны епископства; из *коллегиальных* они превратились в *кафедральный* собор, а коллегиальные органы стали Капитулами новых епископов. Аналогичным образом представляется вероятным, что церковь Святого Андрея в Уэллсе, основанная королем Ином как коллегиальная церковь, была преобразована королем Эдвардсом Старшим в кафедральный собор. Таким образом, можно сказать, что у церкви Святого Андрея было два основателя: король Ине основал Капитул, король Эдвард - Епископство. Теперь, возможно, кто-то из вас прочитал объявление, которое было вывешено на двери хора на прошлой неделе, призывающее всех членов Капитула присутствовать на выборах нового епископа. Возможно, вы видели *congé d'élire* королевы, постановление, разрешающее Капитулу избрать епископа. В этом *послании* королева называет свои права на церковь Уэллса своими "правами учредителя". Иными словами, это права, которые она унаследовала как преемница короля Ине, не только как преемница, но и как прямой потомок короля Эдварда Старшего.

Давайте теперь попробуем представить себе положение вещей в Уэллсе и его окрестностях в любое из этих ранних периодов. В некоторых отношениях облик страны сильно изменился; в других, тесно связанных с ними, влияние тогдашнего положения вещей сохраняется и по сей день. Путешественник, который во времена Ине смотрел вниз с высоты Мендипа, смотрел вниз на землю, которую совсем недавно отняли у ее старых британских владельцев. В результате ожесточенных боев, длившихся около ста двадцати лет, английская граница была перенесена от Топора почти до нынешних границ графства.[47] Тонтон был пограничной крепостью, недавно возведенной против постепенно отступающих, но все еще часто угрожающих валлийцев. Если взгляду попадались холмы Девона или, возможно, даже холмы Западного Сомерсета, он выглядел ничуть не хуже, чем когда смотрел через Ла-Манш на холмы Гвента и Моргануга, на чужую и враждебную землю.[48] Великолепные природные особенности страны, конечно, были такими же, как и сейчас. Скалы Чеддер и Эббер, отвесный мыс Брин, островная скала Крутого Холма, небольшие холмы, разбросанные тут и там, а также сопка Брент и Тор Архангела, возвышающиеся над своими собратьями, - объекты, которые не меняются. Но во времена Ине мы должны помнить, что эти холмы были настоящими островами. Низменность представляла собой обширное болото; места обитания человека были ограничены теми грядами и изолированными высотами, где почва была достаточно высокой, чтобы быть безопасной от приливов и наводнений. Сам Мендип был диким лесным краем, населенным только охотничьими животными, и мы должны помнить, что охотникам тех дней приходилось бороться с действительно грозными врагами. Пещерный лев действительно давным-давно исчез, но мы не можем сомневаться, что волк все еще охотился на стада, а дикий кабан все еще

опустошал поля людей, которые стремились подчинить эту землю. Жители, несомненно, по-прежнему были в основном старого британского происхождения, с ними больше не обращались как с дикими зверями или непоправимыми врагами, но им разрешалось сидеть как подданным, хотя и низшего класса, под властью западно-саксонского короля.^[49] Но английское влияние быстро распространялось; между днями Ине и днями Эдварда язык, законы и нравы завоевателей распространились сами собой, и ко времени второго основания Уэллса Сомерсетшир, должно быть, был в основном английской землей. Данные номенклатуры показывают нам, что большинство ныне занятых мест, большинство старых городов и деревень были заселены в период между этими двумя датами, и население, должно быть, тогда, как и сейчас, было густо рассеяно по островным возвышенностям округа. Мне нет нужды говорить вам, что люди до сих пор живут в основном вдоль тех старых линий обитания. Вдоль склонов Мендипа и противоположных хребтов деревни и дома расположены плотно друг к другу, в то время как равнинная земля внизу, хотя и стала богатством страны, остается почти так же мало обжитой человеком, как и в те дни, когда она представляла собой одно непроходимое болото. И на земле, которая, таким образом, быстро становилась частью наследия англичан, благочестие и проникательность английских королей заложили два особых центра религии и цивилизации, щедро наделенных богатствами этой земли для общего блага всех. На острове Авалон, острове Гластонбери, все еще существовало великое аббатство, богатое и благодетельствованное как завоевателями, так и побежденными, единственное великое учреждение, которое выстояло нетронутым во время бури английского завоевания, единственная великая нить, которая связывает нашу расу с расой, которая была до нас, и которая связывает Церковь последних трехсот лет с более ранними днями христианства в Британии. Там, на их острове, монахи и паломники все еще молились в той первобытной церкви из дерева и лозы, которую время и завоевания пока решили пощадить.^[50] К северу от старого британского монастыря, не одинокого на острове, а уютно устроившегося в тени самой большой горной гряды, росло молодое церковное учреждение, основание завоевателей. Церковь и город чисто английского и христианского происхождения, не претендующие на римских или британских предшественников, возвышающиеся у подножия Мендипа, получили свое название не от легенд древних времен, не от преданий о богах и героях, а от самой заметной природной особенности этого места и от святого покровителя, в честь которого был освящен молодой фонд. В то время как происхождение аббатства теряется во мраке седой древности, в то время как его название Авалон стало именем легенды, названием скорее какой-то воображаемой сказочной страны, чем реального уголка земли, никакие традиции, никакие легенды не украсили рождение и ранние годы церкви и города, которые получили свое название, столь же понятное английскому слуху сейчас, как и тогда, от святых источников Святого Андрея.

Таким образом, два церковных основания, два центра цивилизации были заложены в непосредственной близости друг от друга; но нас сейчас интересует история только одного из них. Я должен следовать рассказу не о монахах Гластонбери, а о светских священниках Уэллса. И здесь, возможно, необходимо более полно изложить точное значение этих слов и сказать кое-что о двух различных классах духовенства в те дни, разногласия между которыми раздирали на части всю страну в то время, которое было немного позже основания нашего епископства. Некоторые люди, кажется, воображают, что все духовенство в старые времена было монахами. Я слышал, как люди говорили о монахах даже в нашей церкви Уэллса, где никогда не было монаха. Действительно, иногда кажется, что они воображают, что не только все духовенство, но и все человечество были монахами; по крайней мере, редко кто-нибудь видит

старый дом, будь то пасторский дом, усадьба или любой другой, но кто-нибудь обязательно скажет нам, что когда-то в нем жили монахи. Трудно заставить людей понять, что в те дни, как и сейчас, были священнослужители, настоятели приходов и каноники соборных или коллегиальных церквей, жившие, как и сейчас, в своих собственных домах и в прежние времена нередко состоявшие в браке. Это было светское духовенство, духовенство, живущее в мире. Монахи, с другой стороны, *обычное* духовенство, те, кто живет в соответствии с правилами, изначально были людьми, которые вместо того, чтобы жить в миру и заботиться о душах других, ушли из мира, чтобы заботиться о своих собственных душах. Нет необходимости в том, чтобы монах был священником или чтобы он вообще состоял в священном сане, а все первые монахи были мирянами. Однако постепенно монахи приняли священный сан, и они сделали много хорошего во многих местах, обучая и цивилизуя людей, проповедуя и сочиняя книги, и, не в последнюю очередь, обрабатывая землю. Но при всем этом они скорее забывали о своих собственных монашеских обязанностях и брали на себя обязанности светских священников. Главное различие между ними заключалось в том, что монахи связывали себя тремя обетами: бедности, целомудрия и послушания, в то время как светское духовенство не давало обетов, а просто было обязано, как и сейчас, подчиняться тому, что могло быть законом Церкви в то время. Из этих двух классов духовенства некоторые из наших ранних королей и епископов предпочитали один, а некоторые - другой. Но всякий раз, когда основывалась новая епархия, епископ окружал себя группой духовенства того или иного сорта. Вы, наверное, помните, что когда был основан епископат, скажем, западносаксонский, кафедральный собор был первой церковью, которая была построена и наделена имуществом. Епископ Западно-саксонский имел свой дом в Винчестере вместе с группой монахов или духовенства, которые были его особыми спутниками и советниками, его помощниками в поддержании богослужения в кафедральном соборе и в распространении Евангелия в других частях епархии. Постепенно церкви и монастыри строились в других местах, и для их обслуживания назначались монахи и духовенство, но особая группа монахов или духовенства всегда оставалась при соборной церкви, чтобы быть особыми спутниками епископа и поддерживать соборную церковь в качестве образца для всей епархии. Таково происхождение Глав наших кафедральных церквей. Духовенство кафедрального собора иногда было завсегдатаями, а иногда мирянами; и поскольку люди считали монахов более святыми, чем мирян, мирян выгнали из нескольких соборов и других церквей, а на их место поставили монахов. Следовательно, в нескольких наших соборах служили монахи вплоть до времен Генриха Восьмого, когда все монастыри были упразднены, а кафедральные монастыри, как в Кентербери, Винчестере и других местах, были преобразованы в капитулы светских канонов. Но в других церквях, как в нашей собственной церкви в Уэллсе и в соседних церквях Эксетера и Солсбери, светские каноны всегда соблюдались и по сей день. И это существенно отличает внешний вид наших зданий в Уэллсе от зданий во многих других городах. Здесь, в Уэллсе, мы собрали самую прекрасную коллекцию хозяйственных построек, окружающих кафедральный собор, которую можно увидеть где угодно. Нет такого места, где сохранилось бы так много старинных домов, которые в основном используются по своему первоначальному назначению. Епископ по-прежнему живет во Дворце; декан по-прежнему живет в благочинии; каноники, викарии и другие должностные лица по-прежнему живут в основном в домах, в которых они должны были жить. Но это потому, что в Уэллсе всегда были светские священники, каждый из которых жил в своем собственном доме. Вряд ли нужно говорить, что в монастыре все было совсем по-другому. Монахи не жили каждый в своем доме; они жили сообща, с общей трапезной, в которой можно было обедать, и общим общежитием, в котором можно было спать. Таким образом, когда во времена Генриха Восьмого

монахи были изгнаны и снова введены светские каноны, монастырские здания больше негодились, а домов для новых каноников не нашлось. Поэтому им приходилось строить дома, насколько это было возможно, из обычных монастырских построек. Но, конечно, этого нельзя было сделать, не сильно испортив их как произведения архитектуры. Таким образом, в то время как в Эли, Питерборо и других церквях, в которых служили монахи, все еще сохранились очень прекрасные фрагменты монастырских построек, нет той серии зданий, каждое из которых все еще использовалось по своему первоначальному назначению, которую мы имеем в Уэллсе. Я хотел бы, чтобы этот замечательный сериал был лучше понят и ценится больше, чем он есть на самом деле. Я могу вспомнить, если никто другой не помнит, как не так давно в Норт-Либерти был бессмысленно снесен прекрасный пребендал-холл. Некоторые из тех, чьей обязанностью было поддерживать это в порядке, говорили, что никогда этого не видели. Я это видел, это мог видеть любой проходящий мимо, и каждый человек со вкусом знал об этом и сожалел об этом. Что ж, этого больше нет, и я полагаю, что дом органиста, которому так часто угрожали, скоро тоже исчезнет. Таким образом, исторические памятники нашей страны гибнут день ото дня. Мы должны внимательно следить за собой, иначе наш город может потерять, почти незаметно для всех, тот отличительный характер, который делает его уникальным среди городов Англии.

Именно тогда Уэллс стал тем, чем он является до сих пор, - резиденцией Сомерсетширского епископства. Епископ имел свой престол в церкви Святого Андрея, и духовенство, прикрепленное к этой церкви, было его особыми спутниками и советниками, одним словом, его Капитулом. Таким образом, у нас есть церковь и ее служители, но церковь еще не приняла свою нынешнюю форму, а ее служители еще не приняли свою нынешнюю конституцию. О ткани в том виде, в каком она была в десятом веке, я ничего не могу вам сказать. Не сохранилось и следа строительства, относящегося к столь ранней дате: в то время как в других местах у нас есть величественные здания одиннадцатого и двенадцатого веков, в Уэллсе у нас практически ничего нет ранее тринадцатого. Но было бы совершенной ошибкой воображать, что наши предки в десятом веке были совершенно неспособны строить или что их постройки всегда были деревянными. У нас есть описания церквей того времени и еще более ранних, которые показывают, что у нас были тогда здания значительных размеров и тщательно продуманной планировки.^[51] И мы знаем, что в том же столетии святой Дунстан построил каменную церковь в Гластонбери к востоку от старой деревянной церкви британских времен.^[52] Церкви Уэллса и Гластонбери, должно быть, были построены в старом романском стиле Англии, который преобладал до того, как в одиннадцатом веке были внесены значительные улучшения в норманнско-романский стиль. Вы должны представить себе эту старую церковь Святого Андрея намного меньше, ниже и проще, чем церковь, которая у нас есть сейчас, с массивными круглыми арками и маленькими окнами с круглыми головками, но с одной или несколькими высокими, стройными, незастекленными башнями, имитирующими колокольни Италии. Я не думаю, что у нас в Сомерсетшире есть хоть одна башня такого типа, но в других частях Англии их довольно много. В графстве Бартон в Нортгемптоншире есть дворянин, и не один в городе Линкольн.

О фундаменте, пристроенном к церкви в настоящее время, можно сказать немного. Духовенство собора еще не сформировало корпорацию, отличную от епископа, и сложная система должностных лиц, которая существует до сих пор, еще не началась. Количество канонов, вероятно, не было фиксированным; в следующем столетии мы случайно услышали, что их было всего четыре или пять. У них не было общих построек, кроме церкви, и они, без сомнения, жили каждый в своем собственном доме.^[53] Доходы церкви, по-видимому, были

невелики. Церемония, которая произошла среди нас на прошлой неделе, может заставить некоторых из вас задаться вопросом, имели ли уже каноники Святого Андрея право избирать епископа. Это вопрос, на который было бы трудно ответить. Я не готов к какому-либо подробному отчету о назначении епископа этого конкретного престола в десятом или одиннадцатом веке. Но несомненно, что способ назначения епископов в те дни был очень неопределенным.^[54] Ясно, что ни один епископ не мог быть рукоположен без согласия короля, и что формально епископство было присвоено документом, подписанным королем. Но фактический выбор епископа, по-видимому, был сделан несколькими способами. Иногда мы слышим о монахах или канониках, выбирающих, кого они пожелают, а затем идущих к королю и его Витанам или Мудрецам, великому собранию нации, просить подтверждения своего выбора. Это подтверждение иногда давалось, а иногда отклонялось. Иногда мы прямо читаем, что король разрешал монахам или каноникам свободно избирать. Это именно то, что произошло бы сейчас, если бы *почтовое послание* затерялось по дороге и *поздравление* пришло само собой.^[55] В других случаях мы читаем о короле в одиночку или о короле и его витане, назначающих, казалось бы, без какой-либо ссылки на монахов или каноны. Истина заключается в том, что в те дни Церковь и нация были в большей степени двумя аспектами одного тела, чем когда-либо с тех пор, и что те вопросы относительно точных пределов гражданской и церковной власти, которые в той или иной форме продолжались со времен Уильяма Руфуса до настоящего времени, еще не возникали.

Таким образом, в нашей церкви Уэллса не произошло ничего особо запоминающегося, начиная со времен Этельхельма первого епископа, который был назначен в 909 году, и заканчивая Дудуком, который был епископом с 1033 по 1060 год.^[56] В церкви до сих пор можно увидеть могилы с именами нескольких епископов тех дней. Но все они созданы в тринадцатом веке, и, если названия, данные им, заслуживают доверия, епископ Джослин, когда перестраивал церковь, должно быть, соорудил новые гробницы для своих предшественников, что иногда и делалось. Но когда мы добираемся до Дудука, мы приближаемся к вещам, о которых следует помнить; мы приближаемся к реальной местной истории самой Уэллсской церкви, которую до сих пор было трудно отличить от общей истории Церкви в Англии. Дудук был первым епископом, который не был англичанином; он был саксонцем. Конечно, в каком-то смысле епископов до него можно было назвать саксами, то есть западносаксами, подданными короля Западных саксов и, вероятно, в большинстве случаев сами были западносаксонской крови. Но Дудук был саксом из древнесаксонской земли в Германии, древней земли наших отцов, и это всегда было значением слова "саксонец" в истории тех времен.^[57] Этот епископ Дудук был в большом фаворе как у короля Кнута, так и впоследствии у Эдварда Исповедника. И его имя сразу же подводит нас к истории, которая связывает нашу уэллсскую церковь с величайшим англичанином тех дней, хотя и таким образом, который навлек незаслуженное поругание на его имя. Осмелюсь сказать, некоторые из вас читали историю о том, как Гарольд разграбил церковь Уэллса, изгнал епископа, довел каноников до нищенства и многое другое. Однако, я прочту вам историю в том виде, в каком она изложена в "Истории Сомерсетшира" Коллинсона. Он говорит о следующем епископе Гизе, о котором я расскажу подробнее чуть позже.

По прибытии в свою епархию он обнаружил церковные владения в плачевном состоянии; ибо Гарольд граф Уэссексский, после того как его отец, Годвин граф Кентский, был изгнан из королевства и лишен всех своих поместий в этом графстве королем Эдуардом, *который даровал их церкви Уэллса*, пиратским образом вторгся в эти края, собрал пожертвования со

своих бывших арендаторов, лишил церковь всех ее украшений, изгнал каноников, вторгся в их владения и переделал их в свое пользование. Епископ Гизо тщетно упрекал короля за это возмутительное обращение, но получил от королевы, которая была сестрой Гарольда, поместья Марк и Мадгли в качестве незначительной компенсации за ущерб, нанесенный его епископству. Вскоре после этого [после 1060 г.] *Гарольд был восстановлен в благосклонности короля Эдуарда и назначен его капитан-генералом*; после чего он, в свою очередь, *добился изгнания Гизо*, а когда тот вступил на престол, вернул себе большую часть тех поместий, которых был лишен. *Епископ Гизо оставался в изгнании до смерти Гарольда* и восшествия на престол Завоевателя, который на второй год своего правления вернул все владения Гарольда церкви Уэллса, за исключением нескольких небольших участков, которые были переданы монастырю Глостер; взамен этого он передал поместье и адвокусуна в Яттоне, а также поместье Уиншем". ("История Сомерсетшира", iii. 378.)

Итак, все это, как обычно бывает с тем, что мы читаем в историях графств и книгах подобного рода, является чистым вымыслом, но очень любопытно и поучительно увидеть, как возник этот вымысел. Мы можем проследить каждый шаг. Коллинсон улучшил описание в Каталоге епископов епископа Годвина, который был написан во времена Елизаветы.^[58] Годвин улучшил латинскую историю Уэллса, написанную каноником Уэллсом в пятнадцатом веке, который является одним из наших главных авторитетов по всем местным вопросам.^[59] Каноник Уэллса, в свою очередь, улучшил первоначальный отчет, приведенный епископом Гизой, заинтересованным лицом. У нас нет отчета со стороны Гарольда, но у нас есть современная версия с другой стороны, и она, безусловно, немало отличается от версии, представленной нашим уважаемым местным антикваром. Все о том, что поместья Гарольда были переданы церкви Уэллса, все о том, что он захватил поместья церкви, все о том, что Гиза была изгнана, а каноники изгнаны, - все это чистая выдумка, которая постепенно разрослась между временами Гизы и Коллинсона. Об этом свидетельствует собственный отчет Гизы, который напечатан в Церковных документах Хантера.^[60] Король Кнут передал Дудуку два лордства Банвелл и Конгрессбери не как владение своего престола, а как частное поместье. Эти земли, вместе с некоторыми украшениями и реликвиями, Дудук хотел оставить престолу. Но после его смерти ими завладел Гарольд, граф округа. Вот и все обвинение. Гиза не обвиняет Гарольда в том, что он забрал что-либо, когда-либо принадлежавшее епархии, а лишь в том, что он воспрепятствовал исполнению воли Дудука в пользу епархии. Таким образом, у нас есть обвинение Гизы, но у нас нет ответа Гарольда. Этот ответ, как я полагаю, заключался бы в том, что, поскольку Дудук был иностранцем, умирающим без наследников, он не имел права составлять завещание, но его имущество переходило к королю или графу как его представителю. Я не могу с уверенностью сказать, везде ли это было бы хорошим законом, но в некоторых местах это определенно было бы хорошим законом, и это сразу наводит на мысль о вразумительном объяснении поведения Гарольда. Но церковники в те дни всегда считали, что Церковь всегда должна выигрывать и никогда не проигрывать, и мы находим другие случаи, когда мирян, подавших судебные иски против церковных органов, обзывают почти так же жестко, как если бы они ограбили Церковь обманом или насилием.^[61] Гиза не говорит, что он жаловался королю или предпринимал какие-либо попытки судебного преследования по этому делу; но он обращался к Гарольду в частном порядке и угрожал ему отлучением от церкви. Вы должны помнить, что все это касается только движимого имущества и земель в Банвелле и Конгрессбери, которые до смерти Дудука никогда не принадлежали ни Гарольду, ни Уэллсской

церкви. К Уайншему Гарольд не имел никакого отношения; по словам Гизы, его светлость был ошибочно задержан на престоле человеком по имени Эльфсиге. Гиза никогда не была изгнана, и так случилось, что единственное распоряжение Гарольда, которое у нас есть, адресовано Гизе, заверяющее его в своей дружбе и подтверждающее его и его епархию во всех их владениях.[62] Сам Гиза добавляет, что Гарольд после своего избрания на корону пообещал восстановить две светлости, а также сделать другие подарки. Сделать это ему помешало то, что Гиза называет Божьим судом над ним, то есть Завоевание Англии.[63]

Это очень замечательная история, поскольку она показывает, как сказки растут, подобно снежным комам, катящимся по земле, и как опасно принимать на веру слова поздних и неосторожных авторов. Вы сразу видите, насколько сильно отличается рассказ самого Гизы о своих деяниях от рассказа Коллинсона. Каноник Уэллса и епископ Годвин передают историю в промежуточных формах. Я настоятельно рекомендую тем, кто может добраться до книг, сравнить все четыре рассказа вместе. Лучшего примера развития легенды и быть не может.

Этот епископ Гиза, сменивший Дудука в 1060 году, был выдающимся человеком в нашей местной истории. Как и Дудук, он был иностранцем. Как и несколько других епископов того времени, он был родом из Лотарингии или Лотарингии. Но вы должны помнить, что название Лотарингия тогда означало не только Верхнюю Лотарингию, которая сейчас является частью Франции, но и Нижнюю Лотарингию, большая часть которой сейчас является частью Королевства Бельгия. Короче говоря, Гиза был тем, кого мы сейчас назвали бы бельгийцем, и он, вероятно, говорил на древнем языке тех краев, одном из языков Континента, наиболее похожем на наш собственный. Он жалуется, что, когда он приехал в свою епархию, то обнаружил, что его церковь убога, а ее доходы невелики; настолько, что четверем или пяти каноникам, которые там были, приходилось просить милостыню.[64] Конечно, мне нет необходимости говорить, что это преувеличенный способ говорить; но мы вполне можем поверить, что, как и многие бедные священнослужители, они были рады любой помощи, которую им оказывали доброжелательные люди. Стоит отметить, что другой епископ того же времени и той же страны, Герман, епископ Вильсетский, жаловался, что доходы его церкви в Рамсбери были настолько малы, что они вообще не могли содержать ни монахов, ни каноников. Герман исправил положение одним способом, присоединив епископство Дорсетшир или Шерборн к епископству Уилтшир и Беркшир, и в конце концов он перенес свою кафедру в Солсбери, то есть, конечно, в Олд-Сарум, откуда она впоследствии была снова перенесена в новый город с таким названием.[65] Гиза принялся за работу по увеличению доходов своей церкви, покупая и попрошайничая во всех направлениях. Король Эдвард подарил ему Уэдмор; его жена, леди Эдгит — помните, что настоящий титул жены западносаксонского короля был не королева, а Леди - подарила ему Марк и Мадж—Ли; Вильгельм Завоеватель подарил ему спорные владения Банвелл и Уайншем, а он купил Комб и земли в Литтоне и Ворместоре, или Ворминстере.[66] Таким образом, он смог хорошо позаботиться о своих канониках; вы, несомненно, помните, что многие места, о которых я только что говорил, и по сей день носят свои названия в честь пребендов в церкви Уэллса. Он также значительно увеличил количество каноников, но он сделал нечто большее. Среди вещей, на которые он жалуется, это то, что у каноников Уэллса до него не было монастыря или трапезной. Это означает, что они не жили сообща, а жили, на манер английских светских священников, каждый в своем собственном доме. Поэтому они не нуждались ни в общей трапезной, ни в обеденном зале, ни в монастыре. В монастыре клуатр является одной из самых важных частей здания; это центр всего, все остальные части собираются вокруг него; и он всегда строится в одном определенном месте и

одной определенной формы, а именно в квадрате к северу или югу от нефа церкви. Короче говоря, в монастыре монастырь - это необходимость; в светской церкви это роскошь, вещь, которую лучше оставить в покое. Поэтому в наших светских церквях мы иногда находим монастырь, а иногда и нет, и, когда он был, он мог быть построен любой формы и в любом положении, которое можно было бы счесть подходящим. Но в Лотарингии, стране Гизы, светские каноны были гораздо строже, чем в Англии. Они не были монахами, потому что не давали обетов; но они жили гораздо больше по монашески, располагаясь в общей трапезной и общем общежитии или спальне и руководствуясь очень строгими правилами, которые были составлены Хродегангом, епископом Меца в Верхней Лотарингии. [67] Вы увидите, что главной целью всего этого было помешать им вступить в брак, что часто делали английские светские священники, живущие каждый в своем собственном доме. Главной целью Гизы было привнести эту дисциплину, дисциплину, как он говорит, своей страны, в свою церковь в Уэллсе. Именно этим примерно в то же время занимались несколько епископов в других местах. Примерно за сто лет до этого Адальберо, архиепископ Реймса, сделал то же самое в своей церкви, метрополии Франции. [68] Но Реймс, как вы можете заметить, хотя и находится во Франции и является главной церковью Франции, находится достаточно близко к границам Лотарингии, чтобы оказаться в пределах досягаемости лотарингского влияния. Итак, в нашей собственной стране в это самое время Леофрик, епископ Эксетерский, вводил ту же дисциплину в своей церкви. [69] Но мы обнаруживаем, что Леофрик, хотя по происхождению англичанин или, возможно, скорее, валлиец из Корнуолла, вырос в Лотарингии. Кажется, что такого рода перемены всегда происходят в Лотарингии, в той или иной форме. И у нас есть достаточно доказательств того, что англичанам это не понравилось, поскольку изменения, внесенные Гизой и Леофриком, не продлились очень долго ни в Уэллсе, ни в Эксетере. Гиза, однако, отстаивал свою точку зрения на тот момент. Он построил монастырь, трапезную и все другие здания, которые были необходимы для его целей, и заставил каноников жить по лотарингскому обычаю. Их главным начальником он назначил некоего Исаака, одного из их собственного тела, которого они сами выбрали. Его называли ректором, и его главным занятием было заботиться о мирских заботах церкви.

В этом рассказе есть много вещей, заслуживающих пристального внимания. Во-первых, обратите внимание на полную власть епископа в его собственной церкви; Гиза, кажется, делает все, что ему заблагорассудится. Нам не нужно предполагать, что он сделал то, что он сделал, не получив согласия своего Капитула в той или иной форме; но очевидно, что епископ по-прежнему был, мягко говоря, главной движущей силой во всем. Можно также склониться к мысли, что до времен Гизы каноники не имели никакой собственности, отличной от собственности епископа. Большая часть его новых приобретений была передана в пользу каноников; но из "Судного дня" явствует, что все, чем они владели на момент Опроса, находилось в ведении епископа. [70] Во-вторых, обратите внимание на очень важное изменение, которое Gisa внесла в устав церкви Уэллса, введя лотарингскую дисциплину. Он не изгонял, как некоторые другие прелаты, своих каноников и не ставил на их место монахов, и все же он не заставлял своих каноников, как это делалось в некоторых других местах, принимать монашеские обеты. Каноники Уэллса после его изменений по-прежнему оставались светскими священниками, а не постоянными посетителями. Но все изменения, которые он внес, были в монашеском направлении. Они привнесли что-то от строгости монашеской дисциплины в общество людей, которые до сих пор жили гораздо свободнее. Я не могу отделаться от мысли,

что правление Хродеганга было всего лишь небольшим концом клина, и что вскоре оно, если не Гизой, то каким-нибудь епископом-реформатором, превратилось бы в правление святого Бенедикта. Но следующий епископ не был епископом-реформатором, и страх перед тем, что каноники Уэллса будут смещены, чтобы освободить место для монахов, или что их самих превратят в монахов, счастливо миновал. Гиза, без сомнения, был хорошим человеком, прилежным и добросовестным епископом, хотя некоторые из его поступков были такими, которые мы, англичане, вряд ли одобрим. Наконец, пробыв епископом двадцать восемь лет, он умер в 1088 году и был похоронен под аркой в стене с северной стороны главного алтаря, поскольку его предшественник Дудук находился с южной стороны.^[71] Это замечание важно; оно показывает, что Гиза, среди всех своих работ другого рода, не перестраивал саму церковь; говоря об арке в стене, оно также показывает, что в восточной части церкви не было проходов.

Следующий епископ был человеком совсем другого сорта. Я не знаю, почитают ли его в Бате, но у нас в Уэллсе определенно нет причин ценить его память. Вы, наверное, помните, что, поскольку Гиза был епископом с 1060 по 1088 год, нормандское завоевание Англии произошло в его время. Одним из результатов этого события стало то, что все епископства и аббатства Англии постепенно заполнились чужаками, причем гораздо большими чужаками для Англии, чем были Дудук и Гиза. Новые епископы и аббаты, как и новые графы, почти все были норманнами или французами, которые, как я подозреваю, редко учились говорить по-английски. Первым епископом Сомерсетшира после завоевания был Джон де Виллула, француз из Тура, который был назначен Уильямом Руфусом. Примерно в это же время возникло великое движение, начавшееся при Эдуарде Исповеднике и продолжавшееся при Вильгельме Завоевателе, за перенос престолов или *епископских кафедр* епископов из меньших городов в более крупные. Так, в нашей части Англии епископ Леофрик во времена короля Эдуарда перенес объединенный престол Девоншира и Корнуолла из Кредитона в Эксетер, а во времена короля Вильгельма епископ Герман перенес объединенный престол Дорсетшира и Уилтшира из Рамсбери и Шерборна в Солсбери. Под Солсбери вы, конечно, помните, что я имею в виду Старый Сарум, а не Новый. Историк Уильям Малмсберийский, который писал при Генрихе Первом, называет это изменение переносом епископств из деревень или маленьких городков в города. И среди деревень или маленьких городков, из которых были удалены Епископства, я с сожалением должен сказать, что он причисляет наш город Уэллс.^[72] Ибо первое, что сделал новый епископ Иоанн, это перенес свой епископский стул из церкви Святого Андрея в Уэллсе в церковь Святого Петра в Бате, на что Уильям Малмсберийский замечает, что Эндрю, хотя и был старшим братом, был вынужден уступить место своему младшему брату Саймону.^[73] Бат был тогда, как и сейчас, гораздо большим городом, чем Уэллс, и был городом-крепостью, которым Уэллс никогда не был. Это был старинный римский город, который был взят западными саксами в 577 году, задолго до того, как Сомерсетшир к югу от Акса стал английским.^[74] Церковь Святого Петра там была основана Оффой, королем Мерсии, по светским канонам, но король Эдгар, как и во многих других церквях, поместил вместо нее монахов, и с тех пор Бат был знаменитым монастырем. Итак, если епископский престол обязательно должен располагаться в крупнейшем городе епархии, то Бат, несомненно, был подходящим местом, но у него был недостаток в том, что он находился гораздо менее в центре, чем Уэллс, и, как мы все знаем, находился в самом отдаленном уголке епархии. Аббатство Бат как раз тогда освободилось из-за смерти аббата Эльфсига, англичанина, который ухитрился сохранить свой пост на протяжении всего правления Вильгельма Завоевателя; поэтому епископ Джон убедил короля Уильяма Руфуса даровать аббатство Бат для увеличения епископства Сомерсетшир.^[75] Это было

сделано хартией 1088 года, которая была подтверждена двумя хартиями Генриха Первого в 1100 и 1111 годах. В следующем году епископ выпросил или купил у короля весь город Бат, который недавно был сожжен. Результатом этих изменений стало то, что аббатство Бат было присоединено к епископству. Отдельного настоятеля больше не было, но епископ был настоятелем; церковь Святого Петра стала его кафедральным собором, а ее настоятель и монахи - его Капитулом. Епископ также, по своему разрешению или покупке у короля, стал временным правителем города. Епископ Иоанн, получив таким образом во владение Бат и все, что было в нем, духовное и светское, правил там поначалу несколько сурово. Он был, как я уже сказал, иностранцем; он также был искусным врачом и любил ученых людей всех мастей. Монахов из Бата, без сомнения, в основном англичан, он презирал как невежественных варваров; поэтому он притеснял их и очень сокращал им жизнь, пока впоследствии, как нам говорят, не раскаялся и не вернул им их имущество обратно.^[76] Он также перестроил церковь Бата, которая теперь стала его кафедральным собором, и значительно обогатил ее украшениями и тому подобным, а затем, пробыв епископом тридцать шесть лет, умер и был похоронен в 1124 году.

Но нас больше интересует, что происходило в Уэллсе все это время. Престол был полностью отнят, настолько, что в одной из хартий Генриха Первого говорится о том, что престол всего Сомерсетшира был перенесен в Бат из городка под названием Уэллс. Я полагаю, что епископ Бата теперь смотрел на Уэллса просто как на одну из светлостей престола, точно так же, как на Банвелл, Эверкрич, Вуки или любой другой, где у епископов были дома и где они время от времени жили. Итак, среди других своих деяний епископ Джон построил себе дом в Уэллсе. Но способ, которым он нашел себе место и материалы, был несколько примечательным. Ибо это было сделано путем сноса всех зданий, построенных Гизой для использования Канонами, и строительства своего собственного дома на месте.^[77] Теперь это показывает, что либо церковь, либо Епископский дворец сменили свое место со времен Иоанна Турского. Ибо мы можем быть уверены, что Гиза построил свой монастырь, трапезную и дортуар рядом с церковью, точно так же, как они были бы в монастыре. Следовательно, если Джон построил свой дом на их месте, он, должно быть, был намного ближе к церкви, чем нынешний дворец. Ничего не осталось ни от церкви, ни от дворца в том виде, в каком они стояли тогда, и наиболее вероятно, что местоположение дворца было изменено, и что канонические здания Гизы и усадьба Джона стояли там, где сейчас находятся монастырь, библиотека и т.д. Но я подумал, что стоит упомянуть об этом, потому что при перестройке церкви не было большой редкостью строить новую церковь немного в стороне от старой.^[78] Причиной этого было то, что служба могла продолжаться в старой церкви, пока строилась новая; и когда новая церковь была закончена, старую снесли и вместо нее использовали новую. Поэтому вполне возможно, что наш нынешний собор стоит не совсем на том же месте, что и церковь, которая стояла во времена Гизы и Иоанна. Но в целом шансы в другую сторону.

Каноники Уэллса, таким образом, были изгнаны из зданий, построенных для них Гизой, и вынуждены были жить в городе, где только могли.^[79] Великий и ученый епископ Бата не заботился о них, или, скорее, он всячески их баловал. Часть их поместий, оценивавшаяся тогда в тридцать фунтов в год, находилась во владении управляющего епископа по имени Хильдеберт, который, по-видимому, также приходился ему братом и занимал должность проректора канонов. После смерти Хильдеберта поместье, с согласия епископа, перешло в наследственное владение его сыну Джону, которого называют архидьяконом и ректором.^[80] Насколько я понимаю, поместье стало своего рода конфискацией; Хильдеберт, Джон и их наследники

владели поместьем и платили каноникам фиксированную арендную плату. Ибо, хотя мы читаем о том, что поместье было отобрано у Церкви, мы также случайно читаем, что проректор Джон платил каждому канонику по шестьдесят шиллингов ежегодно.^[81] Это, по-видимому, показывает, что было десять каноников, между которыми должны были быть разделены тридцать фунтов. Но поскольку мы читаем, что, когда епископ Роберт вернул собственность, он выплатил каждому канонику по сто шиллингов, может показаться, что имущество выросло в цене, но Джон просто выплатил каноникам их старые стипендии, забрав себе излишек, который, без сомнения, должен был быть использован либо для повышения стипендий существующих каноников, либо для увеличения их числа. Это тот вид злоупотреблений, на который мы постоянно обращаем внимание во всевозможных учреждениях, и мы видим, что, во всяком случае, это не новое злоупотребление. Каноники в их собственном зачаточном состоянии обращались с провостами во многом так же, как каноники в дни своего расцвета в разных местах обращались с Младшими канониками, Певчими, мальчиками-грамматиками и Бедными рыцарями. Особенность заключается в том, что должность ректора стала наследственной и облагалась только этой фиксированной платой, точно так же, как дом священника-мирянина облагается платой викарию.

Тогда я думаю, что, как бы к нему ни относились наши соседи из Бата, мы в Уэллсе имеем право назвать епископа Иоанна Турского злейшим врагом, который был у нашей церкви с восьмого по шестнадцатый век. Нам говорят, что он раскаялся, но, должно быть, это было безрезультатное покаяние, поскольку он ничего не возместил.^[82] Или мы можем сказать, что его раскаяние было географическим, поскольку сохранился документ, в котором он возвращает монахам Бата все, что отнял у них, но нет никаких признаков того, что он что-либо вернул канонам Уэллса.^[83] Тем не менее, его действия имели один эффект; лотарингская дисциплина была нарушена навсегда, и светские священники Уэллса больше никогда не были вынуждены спать в общем общежитии или обедать в общей трапезной. Таким образом, Иоанн косвенно помог поставить дела на ту основу, которую они приобрели при следующем епископе, кроме первого, и которая в своих основных чертах сохранилась и по сей день. Это епископ по имени Роберт, епископат которого является естественной границей первой части моей темы. До сих пор мне приходилось иметь дело с церковью и Капитулом Уэллса, но вряд ли с той церковью и Капитулом, которые существуют в настоящее время. Мне приходилось говорить о раннем зарождении вещей, тканей и институтов, которые были далеки от полного развития. С Робертом начинается новая эра в архитектурных, столичных и муниципальных вопросах. Он был основателем во всех смыслах этого слова. Он перестроил ткани обеих своих церквей. Он урегулировал отношения между этими двумя церквями в том виде, в каком они оставались до ликвидации монастыря Бат в шестнадцатом веке. Он дал капитулу Уэллса новую конституцию, которую, с некоторыми изменениями в деталях, он сохраняет до сих пор. И последнее, но не менее важное: он дал первую учредительную грамоту бюргерам, которые постепенно стали жить под сенью собора. Поэтому его можно рассматривать как основателя Уэллса, церкви и города в том виде, в каком они существуют сейчас. Таким образом, правление этого достопамятного прелата знаменует собой первый этап в моем повествовании; поэтому сейчас я завершу свою первую лекцию и оставлю подробный отчет о важном епископстве Роберта, чтобы он послужил началом моего изложения средневековой истории Уэллсской церкви в отличие от ранней.

ЛЕКЦИЯ II.

В своей предыдущей лекции я сделал все возможное, чтобы проследить историю церкви Уэллса с самых ранних дней. Мы видели его небольшое зарождение, колонию жрецов, обосновавшуюся на недавно завоеванной земле, с их домом, расположенным в небольшом оазисе между дикой горной местностью с одной стороны и бескрайними болотами с другой. Там выросла их церковь, и вокруг нее собрались поселенцы; она превратилась в резиденцию епископа, духовный центр окружающей страны, соперничающий по славе и почитанию с той великой островной церковью, которая стояла как памятник прошедшим дням побежденных, в то время как Уэллс вырос как свидетель присутствия завоевателей. Мы видели, как один прелат иностранного происхождения сразу же значительно увеличил власть и доходы своего престола и попытался подчинить свое духовенство игу иностранного правления, против которого восстали инстинкты англичан. Мы видели, как другой иностранец разрушил работу своего предшественника как во благо, так и во зло; мы видели, как он полностью оставил церковь и город и перенес свою епископскую кафедру в более величественное и безопасное место жительства. Мы видели, как местный фонд снова был возвращен в состояние, более низкое, чем то бедное и немощное, из которого его вывела Gisa. Теперь мы переходим к великому благодетелю, которого мы можем справедливо считать основателем Уэллса таким, какой он есть, человеком, который придал епископату и Капитулу ту форму, с которой мы все знакомы, и который, более того, дал городу его первое муниципальное образование.

На этой последней главе я не буду распространяться. Этот предмет настолько полностью принадлежит другим, как присутствующим, так и отсутствующим, что я почувствовал бы себя попросту незванным гостем, если бы попытался остановиться на нем. Я предпочту продолжить с теми частями карьеры епископа Роберта, которые более непосредственно касаются моей темы, и взглянуть на него в трех аспектах, поскольку его действия касаются соответственно Епископства, Капитулы и структуры церкви.

После смерти Иоанна Турского престолом владел некто Годфри, земляк Гизы из Нижней Лотарингии, и поэтому несколько более близкий к англичанину, чем простой француз вроде Иоанна. Его продвижение по службе было связано с тем, что он был капелланом королевы, второй жены Генриха Первого, Аделизы Левенской, с которой он, несомненно, приехал в Англию.^[84] Он описывается как человек благородного происхождения, мягкий и набожный, но, возможно, простая мягкость не была той добродетелью, которая была наиболее необходима в те дни. Все, что мы слышим о нем, это то, что он пытался вернуть земли каноников у Джона архидьякона, но король Генрих и Роджер, епископ Солсберийский, который в те дни был могущественным человеком, воспрепятствовали ему. Он умер в 1135 году. Затем пришел Роберт. Это был редкий случай, когда епископат в те времена занимал человек, которого в любом смысле можно было назвать англичанином. Как правило, великие церковные должности теперь занимали люди, которые не только не были древнеанглийского происхождения, но даже не были сыновьями норманнов или других чужеземцев, поселившихся в Англии. Абсолютным иностранцам, мужчинам, родившимся на Континенте, обычно предпочитали и то, и другое. Но Роберт был фламандцем по происхождению и родился в Англии. Как уроженец этой страны, происходящий из одного из тех иностранных народов, чья кровь и речь наиболее близки нашей собственной, мы можем приветствовать его как соотечественника в те дни, когда большая часть страны была поделена между людьми, которые даже не говорили на нашем языке. Он был монахом в Льюисе в Сассексе и получил повышение по службе благодаря благосклонности

Генриха Блуа, епископа Винчестерского, знаменитого брата короля Стефана. Генри был аббатом Гластонбери до того, как стал епископом, и, более того, он сохранил аббатство вместе со своим епископством. Говорят, он послал за Робертом, чтобы тот присматривал за делами монастыря; то есть, я полагаю, исполнял обязанности его заместителя после того, как тот стал епископом.[85] Таким образом, мы видим, что удобная практика множественности и то, что кто—то называет "священным принципом делегирования полномочий", то есть занятие двух или более несовместимых должностей и предоставление своих обязанностей выполнять другим или не выполнять их вовсе, — это изобретения, в которых девятнадцатый век был опередлен двенадцатым. Роберт Нонетот из заместителя настоятеля Гластонбери стал епископом Бата, и он, похоже, мужественно взялся за работу, чтобы вывести свою епархию и две ее главные церкви из состояния замешательства, в которое их привели перемены Иоанна Турского. Прежде всего, что касается епископства. Вы, конечно, понимаете, что перенос престола из Уэллса в Бат был произведен без согласия каноников Уэллса, которые имели несомненное право на консультации по этому вопросу. В церковной теории епископ и его Капитул очень похожи на короля и его парламент; ни один из них не может совершить ни одного важного действия без согласия другого. И здесь было сделано то, на что следовало получить согласие Уэллсовского отделения, поскольку у них были отняты их самые драгоценные права. Все это время они ни разу официально не смирились с изменением, и они всегда жаловались на незаконное лишение престола и отстаивали свои собственные права против узурпации монахов Бата. И следует отметить, что это изменение никогда не было одобрено или признано ни одним папой римским. Епископы Сомерсетшира все еще были известны на официальном языке Рима как *Episcopi Fontanenses* или епископы Уэллса, а не как *Episcopi Bathonienses* или епископы Бата. Роберт добился признания епископальной должности Бата, и с этого времени в течение некоторого времени наших епископов обычно называют епископами Бата.[86] Но, по-видимому, это всего лишь сокращенная форма, поскольку стиль епископа Бата и Уэллса, с которым мы все так хорошо знакомы, был найден очень скоро. И не может быть никаких сомнений в том, что спор теперь был разрешен Робертом на таких условиях, что Бат должен иметь преимущество перед Уэллсом, но что епископ должен иметь свой трон в обеих церквях, что он должен быть избран монахами Бата и канониками Уэллса одновременно или заместителями, назначенными двумя Капитулами, и что те епископские акты, которые нуждаются в подтверждении Капитула, должны быть подтверждены как монастырем Бата, так и Капитулом Уэллса.[87] В этой самой комнате висят документы, подтверждение которых вы увидите от обоих этих тел. Таким образом, у епископа Сомерсетширского было две кафедральные церкви, как это было также в случае с епископами Ковентри и Личфилда, и как это было в случае с епископами Глостера и Бристоля с тех пор, как на нашей памяти эти кафедры были объединены. Это соглашение действовало до тех пор, пока соборная церковь Бата не была упразднена при Генрихе Восьмом, после чего Парламентским актом, принятым в 1542 году, капитул Уэллса стал единственным капитулом епископа.[88] Таким образом, по мнению Уэллса, ситуация вернулась во многом к тому же состоянию, в котором она была до смены Джона Турского, за исключением того, что Бат по-прежнему является частью стиля епископа. Но со времен Акта Генриха Восьмого это был просто титул, поскольку епископ не является епископом Бата ни в каком смысле, кроме того, в котором он является епископом Тонтона или любого другого места в епархии. Он избирается только капитулом Уэллса; он возведен на престол только в церкви Уэллса; и когда церковь Святого Петра в Бате была снова построена в царствование Якова Первого, это было не как кафедральный собор, а как простая приходская церковь.

Епископ Роберт, утвердившись таким образом в качестве епископа Бата и Уэллса, имея под своей особой опекой две церкви, приступил к работе по приведению в порядок всех необходимых реформ в обеих из них. Он расширил и достроил церковь в Бате, если на самом деле не отстраивал ее заново с нуля. Я говорю это с сомнением, потому что наши рассказы не совсем совпадают. В небольшой книге под названием "Historiola de Primordiis Episcopatus Somersetensis" говорится, что "он сам распорядился построить церковь Блаженного апостола Петра в Бате за большие деньги".[89] Но история, которую обычно цитируют как "Канон Уэллса", говорит только о том, что "он закончил строительство церкви в Бате, начатое Джоном Турским".[90] Итак, "Историола" - это более ранний авторитет, которому мы обычно должны верить скорее, чем другому, всякий раз, когда между ними есть какая-либо разница. Но, с другой стороны, историй обычно становится больше, а не меньше; гораздо более вероятно, что те, кто повторяет эту историю, будут придавать слишком большое значение подвигам человека, чем слишком малое. Поэтому, когда более поздний автор приписывает Роберту меньше, чем более ранний, возникает соблазн подумать, что более ранний автор преувеличивал или говорил расплывчато, и что у Каноника Уэллса были какие-то веские причины для его исправления. И это тем более заслуживает внимания, что мы обнаружим точно такое же различие, когда обратимся к отчетам двух авторов о том, что Роберт делал в Уэллсе. Действительно, говорят, что церковь и город Бат снова были уничтожены пожаром в 1135 году, и что это сделало восстановление Роберта необходимым. Но фраза "быть уничтоженным пожаром" часто используется очень небрежно по отношению к случаям, когда здание, подобное Йоркскому собору в памяти некоторых людей, было просто сильно повреждено и нуждалось в ремонте, но не нуждалось в полной перестройке. Во всяком случае, независимо от того, был ли Роберт полностью перестроен или только достроен, великая церковь Святого Петра в Бате теперь была доведена до совершенства. Ни на мгновение не думайте, что это церковь аббатства Бат, которая сейчас стоит и которую, я не сомневаюсь, очень многие из вас очень хорошо знают. Церковь Иоанна и Роберта, конечно же, была построена в романском стиле с круглыми арками и в той особой разновидности романского стиля, которая была завезена Эдвардом Исповедником из Нормандии в Англию и которую мы поэтому называем нормандским стилем. Но нынешняя церковь Бата - один из последних образцов нашей новейшей английской готики и той ее особой разновидности, которая формирует местный перпендикулярный стиль Сомерсетшира. Более того, романская церковь была намного больше нынешней, которая занимает только место своего нефа. Один небольшой фрагмент романского здания, арку между южным проходом и южным трансептом, все еще можно увидеть в нынешнем восточном конце. Дело в том, что более поздние епископы Бата и Уэллса были совсем не того же мнения, что Иоанн Турский. Они гораздо больше жили в Уэллсе, чем в Бате, и гораздо больше заботились о церкви Уэллса. Бат действительно был в полном запустении, и к концу пятнадцатого века церковь находилась в сильном упадке. Именно тогда, в 1500 году, епископ Оливер Кинг и приор Берд начали строить нынешнюю церковь в меньших масштабах и в совершенно ином архитектурном стиле. Помимо того, что он сделал с церковью, епископ Роберт построил или перестроил все монастырские здания своего аббатства в Бате, монастырь, трапезную, общежитие и остальное, все, что было необходимо монахам Бата, хотя светские священники Уэллса могли обойтись без них.[91]

Следует отметить, что епископ Роберт, сам монах, когда он начал восстанавливать церковь Уэллса таким образом, о котором я сейчас должен говорить, не делал попыток ввести монахов

вместо светских каноников или даже подчинить каноников той же наполовину монашеской дисциплине, которая была введена Гизой. Все его изменения на самом деле имели тенденцию в прямо противоположном направлении. До сих пор каноны полностью зависели от епископа. Они, по-видимому, не образовали отдельной корпорации, и земли, которыми они владели, когда их не отобрали у них полностью, принадлежали им как арендаторам епископа. Все изменения Роберта имели тенденцию придавать им большую отчетливость и независимость. Первым делом нужно было вернуть земли, которые были отчуждены при попустительстве епископа Джона и которые епископ Годфри тщетно пытался вернуть. Архидьякон Джон, как нам рассказывают, раскаялся на смертном одре и прямо поручил своему брату Реджинальду вернуть земли. Теперь он это сделал; он приехал в Бат и передал все епископу, но вскоре мы увидим, что его личные интересы были сочтены достойными некоторого уважения. Именно сейчас нам сообщают, что вместо шестидесяти шиллингов, которые Иоанн ежегодно выплачивал каждому канонику, епископ смог выплатить им сто шиллингов.[92] И теперь, чтобы предотвратить повторение чего-либо подобного, Роберт поставил структуру и доходы своего Отделения на совершенно новую основу. Каноны стали отдельной корпорацией, отличной от епископа; и, кроме того, каждый Канон стал для некоторых целей единственной отдельной корпорацией, отличной как от епископа, так и от его братьев-каноников. Ибо Роберт первым основал ордена и пребенды церкви Уэллса. Звания - это главные должности Капитула, должности декана, регента, канцлера, казначея и заместителя декана, все эти должности все еще остаются, к которым мы можем добавить должность Проректора, которая все еще сохранялась, и должность заместителя ректора; этих двух больше не существует. Из них благочиние и Регентство, безусловно, были основаны Робертом. Что касается остальных, я не совсем уверен, были ли они основаны Робертом или Джослином.[93] Но в любом случае все, что сделал Джослин в этом вопросе, заключалось в том, чтобы несколько более полно осуществить планы Роберта, и на данном этапе мы можем справедливо обсуждать всю конституцию как единое произведение. Нам не нужно предполагать, что все эти должности были абсолютно новыми; например, всегда должен был существовать регент или кто-то, исполняющий обязанности регента в непосредственном управлении хором. Но в любом случае эти офисы до сих пор не были отдельными и постоянными фондами с особым *статусом* и собственными доходами, которыми они теперь стали. Особенно в лице декана каноники впервые получили главу своего собственного тела, отличную от епископа. Теперь что касается пребендов. Сейчас используется искаженный способ говорить, называя некоторых членов Капитула *Канониками*, как будто это название принадлежит только им, и называя остальную часть тела *Пребендариями*, как будто они были чем-то другим и, я полагаю, чем-то низшим. То, что это простая коррупция, хорошо известно каждому, кто хоть что-нибудь знает об истории этих фондов. Но это также очень ясно выражается в официальных документах по сей день. Всякий раз, когда назначается новый пребендарий, он по-прежнему назначается в "Каноническое сообщество или Пребенду" такого-то; и когда весь Капитул созывается для избрания епископа, все его члены без различия по-прежнему носят титул каноников. Истина в том, что каждый член собора является одновременно каноником и пребендарием. Канон и Пребендарий - это два разных имени для одного и того же человека, которого видят в двух разных образах. Он каноник как член капитула, член корпорации, называемой деканом и капитулом; он также пребендарий, поскольку владеет — или в последующие годы не владеет — определенным пребендом, *præbenda*, или отдельным имуществом, в отношении которого он сам формирует единоличную корпорацию. Священники церкви Святого Андрея всегда были канониками, но впервые они стали пребендариями при епископе Роберте. Ибо именно он первым основал пребенды, или

отдельные поместья. Он разделил собственность каноников на две части. Определенные поместья должны были принадлежать всему организму совместно, как корпорации в целом. Некоторые другие поместья были разделены на более мелкие части или *пребенды*, из которых каждый каноник владел одним как единоличная корпорация. Такие-то земли или десятина были присоединены в качестве пребенды к благочинию, к Регентству и так далее по всему телу; те каноники, которые не имели никакого сана, такие как декан или регент, назывались Пребендариями того места, где лежали их поместья или *трупы*, Ворместор, Бакленд или любой другой. Некоторые поместья, такие как Комб и Уэдмор, были настолько велики, что образовывали несколько пребендов; таким образом, мы получаем титулы, которые звучат так странно: Уэдмор первый, Комб двенадцатый и тому подобное. Таким образом, у каждого каноника оказалось как бы по два существа. Как каноник, он был частью тела, пользовался правами и исполнял обязанности вместе со своими братьями. Как пребендарий, он был независим, владея собственным пребендальским поместьем, как и любой другой владелец бенефиции. Но обратите внимание, что титул каноника, обозначающий должность и долг, явно более почетный титул, чем титул пребендария, который является простым имущественным титулом. И еще раз обратите внимание, что теперь, когда все владения пребендалий переданы Церковным комиссарам, можно справедливо усомниться в том, остались ли вообще пребендарии, за исключением тех немногих, кто был назначен до начала этих изменений. Но в Акте парламента, приведшем к этим изменениям, нет ничего, что хоть как-то касалось бы *статуса* иногороднего Каноника в любом вопросе, кроме вопроса о его собственности. Что я хочу, чтобы вы имели в виду, так это то, что, когда Каноник, не являющийся Резидентом, становится Резидентом, он не превращается, как обычно говорят люди, из Пребендария в Каноника. Раньше он был каноником, и, исключая мое собственное возражение, которое я только что начал, он остается пребендарием и после этого. Как возникло различие между канонами проживания и нерезидентства, я объясню позже.

Таким образом, церковь Уэллса получила новую конституцию от епископа Роберта, которому в этом начинании помогали король Стефан и его бывший покровитель, брат короля Генри, епископ Винчестерский.^[94] Это устройство по сути такое же, как то, которое, по крайней мере теоретически, существует до сих пор, и это то, которое во всех своих основных чертах является общим для Уэллса со всеми другими кафедральными церквями Старого фонда. Соборные церкви Старого основания - это те, в которых всегда действовали светские каноны, которые, следовательно, не были отменены при роспуске монастырей, а непрерывно функционировали с практически той же конституцией вплоть до нашего времени. Таковы, помимо нашей собственной церкви, соседние церкви Солсбери и Эксетера. Таковы в других частях Англии Йорк, Лондон, Линкольн, Личфилд, Херефорд, Чичестер и четыре кафедральных собора Уэльса. Церкви Нового основания - это те, в которых во времена Генриха Восьмого служили монахи, которые поэтому были распущены вместе с другими монастырями, и все они, за исключением Бата и Ковентри, были восстановлены им в качестве глав светских канонов. Такой была наша старая материнская церковь в Винчестере; такой была общая материнская церковь в Кентербери; такими были Рочестер, Норвич, Вустер, Дарем и новые епархии в Эли и Карлайле. К ним также причисляются церкви, которые стали кафедральными, когда Генрих впервые посадил в них епископов: Оксфорд, Питерборо, собор Святого Вербурга в Честере, наши соседи Глостер и Бристоль, а также Вестминстер, который потерял своего епископа при следующем правлении и теперь является всего лишь коллегиальной церковью. И к ним, я полагаю, мы должны снова добавить церкви Рипона и Манчестера, которые в наше время стали кафедральными соборами.

Во всех этих церквях конституция сильно отличается от конституции церквей Старого Основания; среди прочего, в них нет того разнообразия должностных лиц, каждое из которых имеет свои отдельные обязанности и доходы, которые можно найти в Старых Фондах. И влияние Короны гораздо больше в Новых Фондах, чем в Старых. Их деканы всегда назначались короной, и в некоторых из них каноники также назначаются либо Короной, либо лордом-канцлером. В Старых Традициях Сановники и другие каноники, за исключением декана, всегда назначались епископом. В валлийских церквях благочинные также всегда назначались и до сих пор назначаются епископами.^[95] В других каноны избирали своего собственного декана, но постепенно установился обычай, по которому Корона рекомендовала человека, который всегда выбирался. Но в правление нынешней королевы возникли некоторые юридические возражения против человека, рекомендованного короной в капитул Эксетера, так что каноники свободно избрали своего собственного декана, который занимал это место до своей смерти; только тем временем был принят Парламентский акт, наделяющий корону полномочиями назначать как Старые, так и Новые деканаты. Вы легко увидите, что, хотя связь между епископом и его Капитулом повсюду значительно ослабла по сравнению с тем, какой она была когда-то и какой должна быть, она все же гораздо теснее в церквях Старого Основания, чем в церквях Нового.

Именно на мудрую и тщательную градацию должностных лиц, каждое со своей особой функцией, в нашей собственной церкви и в других церквях Старого Основания я хочу особо обратить ваше внимание. Я, конечно, предполагаю, что все они постоянно проживают, так же постоянно, как проживает приходской священник, зарабатывающий на жизнь. Я, конечно, предполагаю, что никто из них не имеет никаких привилегий, кроме своей должности в кафедральном соборе. Эти два условия необходимы для эффективного осуществления древней схемы; именно из-за нарушения их, нарушения, которое не является чем-то новым, но которое началось почти с самого начала, наиболее мудро и красиво упорядоченная система постепенно превратилась в простое название. Когда должности, обязанности которых требуют постоянного присутствия их обладателей на месте, занимают люди, проживающие только в течение трех месяцев или не проживающие вообще; когда даже не предусмотрено надлежащего исполнения заместителями своих обязанностей, вся схема этих должностей терпит крах, и их простые пустые титулы становятся насмешкой. Великие должности собора, декана, регента, канцлера и казначея, являются синекурами в юридическом смысле, поскольку не имеют отношения к исцелению душ;^[96] но они, конечно, не должны были быть синекурами в каком-либо другом смысле. Это офисы, любой из которых предоставил бы достаточно занятий прилежному и вдумчивому человеку, чья душа была отдана своей работе и который любил учреждение, членом которого он был. Декан является президентом Отделения, генеральным суперинтендантом всего учебного заведения. Я могу сказать на примерах людей, как умерших, так и живущих, что когда этот важный пост занимает человек, понимающий свои обязанности, это что угодно, только не синекура, что угодно, только не бесполезность. Человек со способностями и рвением, которому собор и все, что с ним связано, доставляет любовный труд на каждом шагу, который знает и любит каждый камень в его постройке, чье сердце отзывается на каждую ноту его богослужений, для которого каждая деталь его истории - живое существо, не сочтет должность декана праздной или утомительной. Не обремененный никакими приходскими обязанностями, он будет влиять на умы людей как главный проповедник кафедральной церкви и как продолжающий старые миссионерские функции капитульных организаций, проповедуя при подходящих обстоятельствах в других частях епархии. Как главный пресвитер города и епархии, он будет первым во всех добрых делах в этом городе и

епархии, всегда находясь на своем посту, поддерживая порядок и дисциплину как наставлениями, так и примером, оказывая простое, но щедрое гостеприимство, предписываемое церковными правилами. Как президент Архиерейского совета, он будет правой рукой епископа в его присутствии и его самым естественным представителем в его отсутствие. Я полагаю, что именно такого декана добрый епископ Роберт хотел видеть во главе своего Капитула; такие деканы там были и есть до сих пор, и при таких деканах кафедральные учреждения не считаются бесполезными. Едва ли менее важны функции офицера второго ранга, регента. На его долю выпадает непосредственное руководство богослужениями в соборе; он, как говорит епископ Годвин, "регент, управляющий хором".^[97] Вот работа, полноценная и достойная работа для опытного музыканта и глубокого знатока литургии. Очевидно, что обязанности обоих этих великих офицеров постоянны, что всегда необходимо присутствие кого-то для выполнения этих обязанностей. Таким образом, благочестивая забота либо Роберта, либо Джослина обеспечивала их случайное и неизбежное отсутствие путем учреждения двух офицеров в ранге сановников, обязанностью которых было заменять их в таких случаях, а именно заместителя декана и заместителя причета. Должности заместителя председателя больше не существует; заместитель декана, мне нет необходимости говорить, все еще среди нас. Далее следует канцлер, канцлер Церкви, которого, я надеюсь, никто не перепутает с канцлером епархии, судебным чиновником, к которому моя история не имеет никакого отношения. Его дело, говорит Годвин, "наставлять младших каноников". Но его дело заключается не только в этом: он является великим специалистом по образованию в церкви и епархии; главой и центром всего, что делается таким образом в городе и епархии. Нет нужды говорить, что здесь достаточно практической работы для любого человека, особенно в наши дни. Одна очень естественная часть его функций сейчас очень эффективно выполняется среди нас, но ее выполняют другие члены капитульного тела, и вряд ли они сами по своему капитульному характеру.^[98] Последний из этих великих чиновников - казначей, которого нельзя принимать за казначея или управляющего; его обязанность - "заботиться об украшении церкви". Его обязанности, конечно, менее обширны и менее важны, чем у его братьев; но это обязанности, которые для церковного антиквара были бы трудом любви; и, если бы они сочетались с особой заботой самой церкви, с должностью Мастера по изготовлению Тканей, они поднялись бы по важности до уровня любых других. Таковы были сановники, каждый из которых, помимо своей доли общего дохода, имел свое особое пребендальное поместье. Так было и с другими канониками, весь корпус которых во времена Роберта насчитывал около двадцати двух человек. Другие епископы увеличивали свое число, пока не достигли полного числа в пятьдесят человек, на котором они остаются до сих пор.

В том, что я только что сказал, я нарисовал идеальную картину, картину великих должностных лиц кафедрального собора, какими они должны быть, какими я не сомневаюсь, что их основатели хотели, чтобы они были, но не такими, какими, я полагаю, они когда-либо будут или что они когда-либо были. Но в этом, как и во всех других вопросах, хорошо бы сделать наш идеал как можно более высоким. Если мы нацелимся на самую высокую отметку, то в этом несовершенном мире, скорее всего, не достигнем ее, но мы наверняка подойдем к ней гораздо ближе, чем если бы довольствовались более низкой отметкой. Что препятствовало осуществлению этого благого плана в течение какого-либо периода времени, что, вероятно, вообще мешало ему когда-либо осуществляться в полной мере, так это порок эпохи, закоренелая тенденция к множественности и непостоянству. Справедливости ради по отношению к нашему времени мы должны сказать, что случаи тех злоупотреблений, которые

все еще сохранились, даже те, которые сохранились у последнего поколения, являются мелочами по сравнению с множественностью населения и отсутствием постоянного места жительства в средние века. Но справедливости ради по отношению к тем эпохам мы должны также сказать, что множественность населения и отсутствие постоянного места жительства в те дни не всегда коренились в простой беспринципной жадности, а в особом взгляде на церковные должности, который мы сейчас считаем неправильным, но который обстоятельства того времени делали естественным. Истинная теория наделения церковной должностью, несомненно, заключается в том, что должность учреждается для общего блага; дело ее обладателя - выполнять свои обязанности лично; к ней прилагается пожертвование не как простая плата за проделанную работу, а как содержание для ее обладателя и средство, позволяющее ему выполнять свои обязанности эффективно и щедро. Но господствовавшие тогда феодальные представления заставляли смотреть на церковные должности совсем в другом свете. Земельные владения, временные *льготы*— ибо это слово так же правильно применяется к гонорару мирянина, как и к епископству или приходскому дому[99]— принадлежали господину на основании выполнения какой-либо службы, военной или иной, по велению господина. Чтобы эти услуги выполнялись эффективно, не было необходимости, не всегда было возможно, чтобы владелец феода выполнял их лично. И, конечно, не было времени, когда мирские люди испытывали какие-либо угрызения совести, и нет никаких причин, по которым они должны испытывать какие-либо угрызения совести, приумножая свои мирские владения настолько широко, насколько они честно могут. Ложная аналогия заставила людей смотреть на церковные должности в том же феодальном свете. На них смотрели скорее как на бенефиции, чем как на должности, как на поместья, удерживаемые за определенную службу, за выполнение определенных церковных обязанностей, но при условии, что эти обязанности выполнялись, считалось, что не имеет большого значения, выполнял ли их владелец бенефиции лично или через заместителя. То тут, то там особо добродетельный человек, короче говоря, святой, не стал бы обременять себя какой-либо должностью, обязанности которой он не мог бы выполнять лично. Но люди обычной добродетели, люди, которые не были щепетильны по отношению к общественному мнению своего времени, без колебаний жертвовали благодеянием за благодеянием и думали, что их совесть совершенно чиста, если обязанности каждого из них исполняет компетентный заместитель. Это похоже на любую другую дурную моду; мы восхищаемся теми, кто поднимается над ней; мы не суровы к тем, кто ей соответствует, при условии, что они не падают духом перед общепринятой моралью того времени. Но преобладания такого взгляда на церковную собственность было достаточно, чтобы с самого начала подорвать все такие благочестивые планы, как планы нашего епископа Роберта. И мы обнаруживаем, что Роберт сам был вынужден пойти по пути, который, вероятно, был неизбежен, но который очень похож на компромисс, если не сказать на работу. Мы видели, что Реджинальд, брат архидьякона Джона, восстановил капитульное поместье. Но мы находим, что Роберт наделил Реджинальда должностью регента и, более того, присоединил к нему в качестве его пребенды все поместье Комб, поместье настолько ценное, что было предусмотрено, что после смерти Реджинальда оно будет разделено на пять пребендов.[100] Возможно, Реджинальд лично мало что потерял, отказавшись от поместья Канонов, когда его пребенда, как и бардак Бенджамина, был в пять раз больше, чем у любого из них. И далее следует отметить, что два племянника Реджинальда, два рыцаря по имени Пейн из Пембриджа и Роджер Уитинг, не по своей воле согласились с соглашением, которое лишало их права наследования того, что они привыкли рассматривать как наследственное имущество. В царствование Генриха Второго они подали иск о возвращении земель, которые были возвращены Церкви их дядей

Реджинальдом. Недвусмысленно говорится, что это произошло после смерти Стефана и восшествия на престол Генриха. Таким образом, все выглядит так, как будто Генрих питал какие-то неприязненные чувства к епископу, которому соперница его матери оказала столь особое расположение. Звучит очень странно читать, что, хотя претензии двух рыцарей были решительно отвергнуты епископом, первым деканом Иво и их собственным дядей Реджинальдом, ныне регентом, все же в конце концов дело пришлось пойти на компромисс, и претензии племянников Реджинальда были откуплены выплатой двадцати марок.^[101] Этот случай — лишь один из многих, в которых Церкви было очень трудно вернуть земли, с которыми она когда-то рассталась, будь то в обычной форме аренды на три жизни — действительно очень старый обычай^[102] — или любого другого. У нас нет никаких заявлений со стороны племянников Реджинальда, и вполне возможно, что их дело действительно мало чем отличалось от дела тех, кто в наши дни получил избирательные права на земли, принадлежащие церковным органам. В любом случае имя одного из претендентов заслуживает внимания, и местные специалисты по генеалогии, возможно, смогут рассказать мне что-нибудь о его потомках. Было бы поистине замечательно, если бы Роджер Уайтинг, ярый враг Уэллсской церкви, оказался предком Ричарда Уайтинга, аббата и мученика Гластонберийского.

В акте, которым епископ Роберт учреждает благочиние и регентство, он ясно говорит, что его цель — обезопасить каноников от таких посягательств, каким они подверглись от рук проректоров.^[103] Этот объект, не может быть никаких сомнений, был эффективно окружен. Когда часть церковных владений находилась в общем владении канонов, в то время как каждый каноник владел другой частью в качестве своего отдельного пожертвования, было ясно, что они больше не могли зависеть от милости какого-либо одного должностного лица. Он также основал замечательную систему служений в своей церкви, которая, если ее выполнять в полном объеме, значительно улучшила бы дисциплину внутри и значительно расширила бы ее полезность снаружи. Но не может быть никаких сомнений в том, что его изменения косвенно и, безусловно, незаслуженно привели к другому эффекту, который мы не можем столь полностью одобрить, а именно к ослаблению старой связи между епископом и его кафедральной церковью. Мы должны помнить, что дух корпоративной изоляции был духом времени. Свобода, как было хорошо сказано, означала привилегии. Каждая группа людей, церковных или гражданских, стремилась скорее к своей собственной независимости, чем к благополучию всей страны. Каждый город, округ, монастырь, университет, церковный орган любого рода делал все возможное, чтобы добиться исключений того или иного рода, выйти из-под общей юрисдикции и установить какую-нибудь собственную исключительную юрисдикцию. Следы этой системы сохранились здесь и там, везде, где существует светская юрисдикция, отличная от юрисдикции обычных судей и магистратов, везде, где существует церковная юрисдикция, отличная от юрисдикции архиепископа, епископа и их обычных должностных лиц. Я далек от того, чтобы утверждать, что работа этой системы была совсем плохой. Во многих случаях она была явно хорошей. Ибо именно одним применением этой системы каждый район Англии, один за другим, отвоевал или купил свою независимость у своих светских или духовных правителей. Но это иллюстрирует разницу между теми временами и нашими: первоначальная независимость этих районов была завоевана в результате серии изолированных местных столкновений, в то время как их реформа в наши дни была проведена единым Актом парламента для всей страны. Дух местной и корпоративной независимости был естественным и во многих случаях благотворным результатом обстоятельств того времени. Но у него была и своя слабая сторона, особенно в церковных вопросах. Монастыри подали пример в получении исключений

из-под юрисдикции епископа епархии. Другие церковные корпорации последовали за ними. Каждый кафедральный капитул теперь превратился в отдельную корпорацию с главой в лице своего декана, отличной от епископа. Я подозреваю, что институт благочиния в большей степени, чем любые другие изменения, имел тенденцию ослаблять связь между епископом и его Капитулом. До сих пор епископ был главой своих каноников, точно так же, как аббат был главой своих монахов. Теперь Капитул стал отдельным органом, со своими собственными интересами и владениями, отличными от интересов епископа. У него был свой глава, который, должно быть, испытывал сильное искушение выставить себя соперником епископа. Старые узы постепенно ослабли; епископ из непосредственного главы своего собора превратился в простого Посетителя независимой корпорации, обладающего меньшим авторитетом в своей собственной церкви, чем в любой другой церкви епархии. Для капитульных органов стало делом чести уделять больше внимания соблюдению своих уставных прав в отношении епископа, чем работе с епископом для продвижения целей, ради которых были основаны как епископы, так и Капитулы. Епископ и его Капитул оказались в подобной изоляции. Два органа власти, которые должны были работать вместе, как король и его парламент, молча разделили административные департаменты между собой. Епископ пришел управлять делами епархии без какой-либо ссылки на рекомендации своего номинального Совета - Капитула. Капитул пришел управлять делами собора, очень мало ссылаясь на авторитет епископа. Вместо непосредственного правителя он стал внешней силой, которую время от времени призывали исправить злоупотребления или разрешить спор. Постепенно, по крайней мере в большинстве мест, стало законодательно закреплено, что право собственности на кафедральный собор принадлежит декану и капитулу или настоятелю и монастырю. Таким образом, старая теория о том, что, когда в соборе служили монахи, епископ был их настоятелем, полностью исчезла. При роспуске религиозных домов монастырские соборы были переданы их настоятелями и женскими монастырями, точно так же, как и другие монастыри. Столичная церковь Англии перешла в собственность Генриха Восьмого, и по закону он имел право не только лишить ее всех сокровищ, что он и сделал, но и уничтожить, демонтировать или осквернить саму ткань, как это фактически было сделано с церквями Бата и Ковентри. Епископ Ковентри и Личфилда искренне молился о том, чтобы его главная церковь была пощажена, но тирана нельзя было сдвинуть с места, и по закону, как постепенно стали понимать закон, ни одно право епископа не было затронуто его уничтожением.^[104]

Таким образом, Уэллсский капитул постепенно превратился, как и другие капитулы, из организации клерков, возглавляемой епископом, в отдельную корпорацию, подчиняющуюся только посещению епископа. Но это был не единственный пример духа местной и корпоративной изоляции, который присутствует в истории капитулянтских организаций. Помимо того, что Капитул стал независимой корпорацией, мы видели, что каждый Канон стал для некоторых целей отдельной корпорацией, независимой как от епископа, так и от его братьев-каноников. Эта независимость не всегда касалась только вопросов собственности. Понятия собственности и юрисдикции были тесно связаны в представлениях того времени. Из этого следовало, что во многих случаях приходы, где Капитул или какой-либо конкретный Пребендарий имели собственность, особенно те, где они владели советами или приходскими домами, освобождались от обычной юрисдикции епископа и переходили под особую юрисдикцию самого Капитула или конкретного Пребендария.^[105] Мой друг заместитель декана может засвидетельствовать, что, хотя его приходской дом и адвоосон уехали в другое место, он все еще сохраняет, или совсем недавно сохранил, некоторые небольшие остатки церковной

юрисдикции среди моих соседей в Вуки. Но дух корпоративной независимости зашел еще дальше. Мы еще не дошли до времен викариев и церковных священников. Но мы обнаружим, что даже эти чисто подчиненные должностные лица, простые помощники каноников в выполнении их церковных обязанностей, стали совершенно независимыми корпорациями в том, что касается их мирского имущества.

Я подробно остановился на изменениях, внесенных епископом Робертом в устав фонда, потому что они положили начало конституции в том виде, в каком она существует до сих пор, и потому что эти изменения епископа Роберта были просто одним из примеров многих изменений, которые происходили повсюду. Конституция, принятая церковью Уэллса, была, по существу, такой же, как конституция, принятая всеми светскими соборами, кто-то чуть раньше, кто-то чуть позже. Точное количество и функции должностных лиц не везде одинаковы. Но мы везде находим регента, самого абсолютно незаменимого чиновника из всех, и обычно мы находим декана, канцлера и казначея. Различие между собственностью Капитула в целом и собственностью отдельных пребэндариов также является общим для всех соборов Старого Основания.

Теперь я перехожу к тому, что сделал епископ Роберт в отношении структуры церкви. Я уже говорил, говоря о здании Роберта в Бате, что два наших основных отчета, более ранний и более поздний, не совсем совпадают относительно масштабов его работ в обоих местах. Более ранний отчет, по-видимому, утверждает о полном восстановлении с нуля; более поздний подразумевает только тщательный ремонт церкви, которая пришла в упадок и стала опасной.^[106] Поскольку все работы, проводившиеся на тот момент в Уэллсе, исчезли, невозможно с уверенностью сказать, как обстояло дело на самом деле, но в любом случае ремонт Роберта, должно быть, был очень обширным, поскольку за ним последовало повторное освящение церкви. Но что я хочу, чтобы вы особо отметили, так это то, что церковь, которую Роберт либо отремонтировал, либо разрушил, чтобы отстроить заново, должно быть, была древнеанглийской церковью, вряд ли можно рискнуть сказать церковью Ине, но, вполне возможно, церковью Эдварда Старшего. Таким образом, старая церковь просуществовала, несомненно, до середины двенадцатого века, возможно, даже до тринадцатого. Так вот, в любое из тех времен большие церкви до нормандского завоевания, должно быть, были почти такой же редкостью в Англии, как и сейчас. Нормандские и другие иностранные прелаты, которых заселили в английские епископства и аббатства, почти повсеместно перестроили свои храмы в новоизбранном стиле задолго до прихода Роберта к епископству. Но совершенно очевидно, что в Уэллсе такого не было. Деяния Гизы и Иоанна Турского описаны настолько полно, что, если бы кто-то из них перестроил церковь Уэллса, мы не могли бы не слышать об этом. Мы знаем, что Гиза был плохого мнения о здании,^[107] но он не говорит, что сделал что-либо для улучшения или расширения его. Все его архитектурные работы были посвящены соответствию канонов его новой системе. И из рассказа о его погребении ясно, что он был похоронен в той же церкви, в которой покоился его предшественник, из чего следует, что он не перестраивал ее. Мне нет нужды говорить, что Иоанн Турский вряд ли стал бы восстанавливать церковь в Уэллсе. Короче говоря, у нас нет никаких упоминаний о фактическом устройстве собора, пока мы не наткнемся на это описание его опасного и разрушительного состояния во времена Роберта. Таким образом, староанглийская церковь все еще стояла, и, если Роберт просто ремонтировал, а не перестраивал полностью, то ее части, должно быть, сохранились до великой перестройки при Джослине. Возможно, мы будем более склонны думать, что так оно и было, когда увидим, как быстро была закончена работа Роберта, и когда вспомним, насколько

бесследно его труды были сметены так скоро после его смерти. Церковь была освящена в присутствии трех других епископов, один из которых, Роберт, епископ Херефорда, умер в 1148 году.^[108] Таким образом, у нашего Роберта было всего тринадцать лет бурного правления Стефана для восстановления своей церкви в Уэллсе, и это в то время, когда он также был занят своими архитектурными работами в Бате и своими усилиями вернуть утраченную собственность Каноников. В любом случае, каковы бы ни были точные масштабы его работ, несомненно, что в нынешней церкви нельзя увидеть ни единой детали его эпохи; единственный камень с нормандской лепниной, который, должно быть, был частью здания Роберта, установлен в доме, который недавно был отреставрирован мистером Паркером. Это буквально все; в самой церкви, я думаю, я могу показать небольшой фрагмент каменной кладки эпохи Роберта, но это просто каменная кладка, без каких-либо декоративных работ. Редко бывает, чтобы одна из массивных свай того времени исчезла так бесследно, не оставив после себя никаких следов. Но легко представить перед нашими глазами, какой, должно быть, была церковь Роберта. Он был невелик по сравнению с великими романскими соборами Питерборо, Эли и Норвича или со своим собственным соперником в Бате. Нынешнее здание - одно из самых маленьких из первоначальных соборных церквей Англии, и, поскольку оно стояло во времена Роберта, оно, должно быть, было намного меньше, чем сейчас. Западная ветвь, скорее всего, имела свою нынешнюю длину; восточная ветвь была намного короче, чем сейчас, и, вероятно, содержала только один или два пролета и апсиду. Хоры - место для партера — если и не располагались на самом деле в западной части, то находились под центральной башней, обычным местом для них в нормандских соборах. Меня действительно поразило, что то, что сделал Роберт, было, возможно, главным образом перестройкой и расширением хора и пресвитерии — изменение, которое потребовалось бы с увеличением числа каноников и которое, как и изменение места расположения главного алтаря, потребовало бы нового освящения здания. В этом случае вполне возможно, что древний неф оставался практически нетронутым вплоть до здания нынешней церкви. Что касается стиля здания Роберта, то все, что он построил или пристроил, было, конечно, построено в полностью развитом нормандском стиле середины двенадцатого века, несколько менее массивном, несколько более богатом, чем, вероятно, церковь Джона де Виллула в Бате. Но стиль, по сути, остался тем же; церковь Эдварда в Вестминстере по-прежнему оставалась отличным образцом для английских зданий;^[109] маловероятно, что остроконечная арка нашла свое применение, даже как чисто конструктивная особенность, в какой-либо части церкви Роберта. Если бы неф или какая-либо другая значительная часть древнего собора действительно уцелела, было бы весьма любопытно проследить, каким образом архитектор, подобно архитекторам Ле-Мана и Святого Ремигия в Реймсе, несомненно, стремился нанести более утонченный романский стиль своего времени на все еще живое тело старого примитивного здания. Но в этих вопросах мы не можем выйти за рамки довольно вероятных предположений. Все, что существовало до дней Роберта, все, что было построено во времена Роберта, полностью исчезло. Тем не менее, кажется, есть все основания полагать, что древняя церковь Уэллса, церковь, скорее всего, десятого века, сохранилась по крайней мере до середины двенадцатого века, и что не исключено, что большие ее части стояли даже в тринадцатом.

Таким образом, епископское правление епископа Роберта заняло большую часть нашего времени. И это не было сделано недостойно, поскольку его епископат является самым важным из всех в конституционной истории церкви Уэллса; и, хотя все архитектурные работы Роберта погибли, все же его епископат, должно быть, был почти столь же важен с точки зрения

материальной структуры. Мы могли бы более легкомысленно отнестись ко времени двух епископов, вставших между первым великим основателем Робертом и вторым великим основателем Джослином. Их время - самое важное в истории престола Бата и Уэллса; это самое важное из всех времен в более поздней истории церкви Гластонбери; но оно дает мало информации, имеющей отношение к истории как структуры, так и устройства Церкви Уэллса. Епископ Роберт умер в 1166 году, и престол оставался вакантным в течение семи лет. Следующий епископ, Реджинальд, основал несколько новых пребендов,^[110] но я не нахожу никаких упоминаний о ткани в его время. Затем был знаменитый Сэврик, последний из наших лотарингских прелатов, подробная история которого принадлежит в особой степени профессору Стаббсу.^[111] Его главной целью, как мы все знаем, было присоединить аббатство Гластонбери к епископству и сделать Гластонбери третьим или, скорее, первым кафедральным собором епархии.^[112] Споры, возникшие по этому поводу, охватывают весь его епископат и часть его преемника Джослина, который был епископом с 1206 по 1242 год. В течение короткого времени Гластонбери, во многом вопреки воле своих монахов, оставался епископальной кафедрой с епископом в качестве настоятеля, а сам Джослин подписывает Великую Хартию титулом епископа Бата и Гластонбери. Можно было бы подумать, что это изменение еще больше привело к ухудшению положения церкви Уэллса. Но мы, возможно, можем сделать вывод, что это было воспринято не так, поскольку мы видим, что декан и некоторые каноники Уэллса ревностно выступали на стороне епископа в ходе долгого спора.^[113] В конце концов, как хорошо известно, монахи Гластонбери добились своего ценой значительных жертв. Джослин отказался от своих притязаний на аббатство; епископ Бата и Уэллса перестал быть епископом и настоятелем Гластонбери, а собор Гластонбери перестал быть кафедральным собором. Он снова стал просто монастырем, управляемым своим собственным настоятелем, каким был на протяжении стольких веков. С другой стороны, монахам Гластонбери пришлось купить свою независимость, уступив несколько поместий и советов; и, хотя епископ перестал быть аббатом, все же он сохранил за собой более эффективное право посещения аббатства, чем епископы обычно могли сохранять за монастырями, столь богатыми и достойными.^[114] Это соглашение было заключено в 1218 году, и с этого времени до смерти Джослина в 1242 году, похоже, его основное внимание было уделено восстановлению структуры церкви Уэллс, некоторым дальнейшим изменениям в уставе Капитула и другим добрым делам в городе. Он не мог начать свои труды в Уэллсе раньше 1211 года, поскольку первые пять лет своего епископства провел в изгнании при тирании Джона.^[115] Джослин был человеком из Уэллса во всех смыслах этого слова. Поскольку его зовут Джослин из Уэллса, а его брата Хью, епископа Линкольнского, зовут Хью из Уэллса, оба, несомненно, были уроженцами города, и Джослин был каноником Церкви до того, как стал ее епископом. Он действительно запоминающийся человек в нашей местной истории; его можно назвать создателем собора в том виде, в каком он стоит сейчас, он внес последние штрихи в конституцию столицы, разработанную Робертом, а также положил начало другому нашему институту, который просуществовал до наших дней, я имею в виду институт викариев. Что касается ткани, то теперь я подхожу к основанию, которое профессор Уиллис создал самостоятельно. Как многие из вас, несомненно, помнят, он дважды читал лекции об Уэллсском соборе: один раз в 1851 году, когда Археологический институт на своем собрании в Бристоле нанес поспешный визит в Уэллс; и еще раз в 1863 году, на собрании нашего местного общества археологии и естественной истории - честь, позвольте мне вам сказать, очень редкого рода, и я полагаю, что она не была оказана ни одному другому местному обществу. Теперь, если бы у нас была лекция профессора Уиллиса в том виде, в каком он ее читал, любому будущему историку ткани не оставалось бы ничего другого, кроме как испортить то, что сказал профессор.

Но, к несчастью, великая работа, частью которой должны были стать эта и все другие лекции профессора Уиллиса того же рода, еще не вышла, и я очень боюсь, что она никогда не появится. Поэтому мы должны сделать наши собственные выводы, опираясь на отчет в "Трудах нашего собственного общества" за 1863 год, который, по крайней мере, более полный и точный, чем отчет в бристольском издании Института. Поэтому в том, что я должен сказать относительно архитектурных фактов, я буду следовать профессору Уиллису настолько близко, насколько смогу, хотя мне придется больше использовать свой собственный свет, чем это было бы необходимо, если бы передо мной действительно была лекция профессора. Таким образом, я говорю об архитектурных фактах, в отношении которых тот, кто следует профессору Уиллису, редко ошибается; что касается вкуса и мнений, архитектурных или иных, я считаю себя независимым от профессора Уиллиса, как и от любого другого человека. Но я должен добавить, что у меня, в отличие от Профессора, не было такого преимущества, как тщательное изучение рукописных документов, имеющих в распоряжении этой Главы. Я однажды взглянул на них в компании профессора Стаббса, вот и все. Когда эти документы будут напечатаны, а все документы подобного рода должны быть напечатаны, я надеюсь, что смогу извлечь из них пользу; но пока они заперты в рукописи, они для меня бесполезны. Изучение рукописей - это особый дар, которым в высшей степени обладают профессор Уиллис и профессор Стаббс, а также некоторые более близкие нам люди, но у меня нет ни времени, ни склонности к такой работе.

Давайте теперь посмотрим в общем историческом плане, не пытаюсь вдаваться в мельчайшие детали, на церковь Уэллса, как она была спроектирована и начата, если не полностью завершена, во время долгого епископства Джослина. Этот епископат занял более двадцати четырех лет после урегулирования спора в Гластонбери и более тридцати шести лет после первой хиротонии Джослина. Я не вижу причин верить в то, что какая-либо часть церкви старше Джослина; но если кто-то считает, что паперть, возможно, была построена немного раньше его времени, я не стану с ним спорить. Церковь Джослин, понимаемая таким образом, включает в себя неф, трансепты и то, что сейчас является собственно хором, то есть тремя западными арками восточного крыла. Она охватывает три башни до такой степени, что они возвышаются над крышей церкви, но не выше. С нынешним пресвитерием, то есть с тремя восточными бухтами восточного отрога, с часовней Богоматери и другими небольшими восточными часовнями, с Капитулом и верхушками башен, нам пока нечего делать. Теперь в этих пределах, то есть между западной дверью и епископским тронем, я думаю, что каждый здравомыслящий человек должен был заметить, что используются два стиля архитектуры. Я не говорю о некоторых небольших изменениях и вставках, сделанных в более позднее время, таких как узор, который был вставлен в окна нефа, или об изменениях, которые были внесены, когда было сочтено необходимым добавить новые подпорки к большой центральной башне. О них мне придется говорить дальше. Я говорю о стилевых различиях в самой оригинальной ткани. Западный фасад, как внутри, так и снаружи, сильно отличается своими архитектурными деталями от аркад нефа и трансептов. Если здесь есть кто-то, кто никогда не замечал разницы, я могу только сказать: пусть он завтра пойдет в церковь и сам воспользуется своими глазами. Обе части построены в стиле, который называется готикой, стиле, в котором используются стрельчатые арки с соответствующей формой орнамента; обе построены в той разновидности готики, которая называется стрельчатой или раннеанглийской, то есть первой формой готики, которая в Англии в основном отличается использованием длинных узких окон без ажуров. Но, несмотря на это общее сходство, между ними существует большая разница. Для тех, кто

никогда не замечал разницы, я не уверен, что смог бы сделать ее совершенно понятной, разве что на месте или с помощью больших рисунков. Но зайдите, говорю я, в само здание, особенно зайдите под любую из западных башен, в том месте, где соединяются два стиля, и я думаю, любой здравомыслящий наблюдатель легко заметит разницу. Западный фасад построен в той форме ранней готики, которая распространена в других частях Англии, в стиле Эли, Линкольна и Солсбери. Остальные ранние работы выполнены в стиле, который в Англии почти характерен для Сомерсетшира, Южного Уэльса и соседних графств и который гораздо больше похож на французские работы. Среди больших церквей это стиль Гластонбери и Лландаффа, а также Уэллса; среди небольших зданий хорошие примеры можно найти в некоторых частях Уитчерча в Сомерсетшире и Черитона в Гауэре, и прежде всего в прекрасной церкви Слаймбридж в Глостершире. Из двух стилей, использованных в этой части здания, именно этот, говоря об Англии в целом, мы были бы склонны назвать иностранным, а другой - местным. Здесь, на Западе, мы должны называть обычный английский стиль Эли и Солсбери иностранным, а французски выглядящий стиль Уэллса и Лландаффа мы должны называть исконным или местным. В нашем местном сомерсетширском и южно-валлийском стиле во многом чувствуется более ранняя романская закладка; его лепнина и расположение колонн гораздо менее свободны; абаки или вершины капителей квадратные или восьмиугольные, а не круглые; в нем не используются отдельно стоящие древки, часто из мрамора, которые в таком изобилии встречаются на западном фасаде. Итак, который из этих двух старше? Местный стиль, несомненно, древнее по идее; но это не является абсолютным доказательством того, что части церкви, которые в нем построены, обязательно древнее по времени. Свидетельства каменной кладки вызывают недоумение; некоторые фрагменты выглядят в одну сторону, а некоторые в другую. Мы с мистером Паркером однажды очень внимательно осмотрели его, и мы оба были склонны думать, что западный фасад был самой старой частью, что он был пристроен к более ранней церкви, как западный фасад Питерборо, и что неф и все остальное было построено позже. Затем пришел профессор Уиллис и сказал нам, что мы ошибались, и показал нам другие знаки, доказывающие, что западный фронт был построен последней частью. Мы, конечно, покорно поклонились нашему учителю; но если "Западный фронт" - последняя часть, то из этого следует, в чем профессор Уиллис склонен сомневаться, что вся работа была завершена во время епископата Джослина - и, конечно, тридцати одного года достаточно даже для такой великой работы. В том, что Джослин построил западный фронт, я несколько не сомневаюсь. Несомненно, что он построил самые старые части дворца в Уэллсе и усадьбы в Вуки^[116], и стиль обоих этих зданий в точности соответствует иностранному стилю западного фасада, а не местному стилю нефа. И эти здания, безусловно, более ранние, чем некоторые работы в местном стиле. Ибо из отчета Мэтью Пэриса достоверно известно, что в 1248 году, через шесть лет после смерти Джослина, свод, который обычно устанавливался только через некоторое время после завершения строительства стен и арок, был установлен в какой-то части церкви Уэллса. Свод обрушился из-за землетрясения и нанес большой ущерб.^[117] Следовательно, нынешний свод позже Джослина, и к ремонту, потребовавшемуся в результате этой аварии, я также склонен отнести разрывы и стилиевые различия — не сводимые к стилиевым различиям, — которые легко увидеть между восточным и западным проемами нефа. Таким образом, в целом представляется вероятным, что Джослин начал строить в местном стиле; что для своих более поздних работ, западного фасада и двух домов в Уэллсе и Вуки, он послал за архитекторами издалека, которые внедрили более продвинутый стиль, обычный в других частях Англии; но простой ущерб, причиненный падением свода, даже после его смерти был отремонтирован местными рабочими в местном стиле.

Эта последняя работа почти наверняка была выполнена после Джослина; тем не менее, это было просто восстановление поврежденной части его проекта, и это нисколько не лишает его права считаться настоящим строителем церкви. Церковь была освящена в 1239 году. Это показывает, что тогда была достроена та часть здания, которая была абсолютно необходима для богослужения. Это не доказывает, были ли закончены другие части или нет, и не показывает, как долго основные части были закончены на момент освящения. Ибо в истории тех времен мы часто сталкиваемся с жалобами на то, что различные церкви все еще оставались неосвященными, и действительно, мистер Даймок сказал мне, что нынешняя церковь Линкольна так и не была освящена по сей день. Мы находим несколько случаев, когда в одном и том же году была освящена целая серия соборов и аббатств, и в этом 1239 году один из таких случаев. В том году, помимо кафедрального собора Уэллса, были освящены все семь больших церквей аббатства.^[118] Таким образом, эта дата доказывает только то, что хор был готов к службе в 1239 году. В любом случае, это ничего не доказывает относительно состояния работ в остальной части церкви, и это не доказывает, что хор, возможно, не был готов несколько лет назад. Но, таким образом, мы можем видеть, по крайней мере, какая часть церкви была достроена в том году. Хоры, без сомнения, находились под башней, простираясь, возможно, на восток или на запад. Ибо вы должны помнить, что это единственные три западных залива восточного отрога, которые принадлежат работе Джослина. Совершенно невозможно, чтобы весь хор и пресвитерия могли втиснуться в узкое пространство этих трех отсеков. Из этого следует, что в восточной части располагался только пресвитерий, то есть пустое пространство, оставленное для придания достоинства главному алтарю, в то время как собственно хоры, содержащие места для каноников, должно быть, все еще сохранили свое старое место под центральной башней. Таким образом, к этому времени пресвитериум, башенный хор и трансепты должны были быть закончены вместе, по крайней мере, с одним или двумя пролет нефа, чтобы сформировать одновременно конструктивную опору для башни и необходимый подход к хорам. Работа датэ Джослина в трансептах и восточном крыле отличается некоторыми небольшими деталями, особенно в трифории, от работы в нефе. Нет никакой разницы в стиле, нет разницы в общем эффекте, но это всего лишь те небольшие различия, которые показывают, что не все они были построены в одно и то же время. В работе, которая вполне могла растянуться на тридцать один год, нет ничего удивительного, если было несколько остановок и новых начинаний. И мы можем видеть явные признаки такой остановки и нового начала в этой конкретной точке здания. Каждый, кто внимательно присмотрится к контрфорсам северного нефа, увидит, что, хотя общий эффект от всего этого одинаков, все же в двух разных точках есть незначительные различия, свидетельствующие об изменениях или остановке работ. Одно из таких мест находится там, где я только что упомянул, во втором отсеке с востока. Это, без сомнения, знаменует завершение первой части работы, части, абсолютно необходимой для богослужения. Другой указывает на степень ремонта, вызванного падением свода. Когда первая или абсолютно необходимая часть работы будет выполнена, вполне может произойти остановка на несколько лет, и хорошо бы попытаться вызвать перед нашими глазами внешний вид церкви в течение этого промежутка времени. Старый неф — вероятно, как мы уже видели, переделанный Робертом староанглийский неф — все еще сохранялся на большей части своего протяжения; его снесут по частям по мере того, как новый неф постепенно вытянется на запад. Таким образом, в течение короткого времени старый неф, несомненно, гораздо более низкий и более грубый по стилю, чем новая работа, должно быть, неуместно противостоял ей. Восточная

оконечность, трансепты и небольшая часть нефа, которая была построена, должно быть, возвышались подобно башне над более старой частью. Такое положение вещей мы не часто наблюдаем в Англии, но оно достаточно распространено во Франции и достигает своего апогея в знаменитом соборе Бове. Там до сих пор сохранился старый неф десятого века — *BasseuvUvre*, как его называют местные жители, — по крайней мере, он сохранился, когда я был там, — прилепляясь как своего рода нарост к могучей свае, возвышающейся к востоку от него. И с обратным процессом мы достаточно знакомы в Англии, и особенно хорошо знакомы в нашем собственном графстве. Характерной чертой церковей Сомерсетшира является то, что неф часто перестраивался с большим размахом, в то время как хор по-прежнему остается маленьким, низким и совершенно недостойным своего спутника. В какой-то степени мы можем видеть эту диспропорцию в нашей собственной церкви Святого Катберта, и это проявляется гораздо сильнее в Яттоне и в некоторых других крупных приходских церквях графства. В то время, о котором я говорю, трансепты и восточная часть Уэллсского собора, должно быть, возвышались над нефом, точно так же, как неф Яттона возвышается над своими трансептами и восточной частью. Затем остальная часть нефа была бы постепенно перестроена. Мы видели, что между трансептами и восточной частью нефа есть небольшая разница в деталях, не влияющая на общий дизайн. А двигаясь на запад, мы можем увидеть место второй остановки, отмеченное вторым небольшим изменением деталей, вероятно, вызванным, как я уже говорил, падением склепа в 1248 году. Тем не менее, несмотря на все эти мелкие различия, вся работа, за исключением западного фасада, по существу выдержана в одном стиле и, очевидно, построена по одному общему замыслу. И хотя ремонт, последовавший за падением склепа, должен был произойти после смерти Джослина, все же я думаю, что мы можем справедливо говорить о работе тринадцатого века в Уэллсе как о в целом работе этого великого прелата. Это тот случай, в котором я не вижу причин отходить от общепринятой традиции и общепринятой манеры речи.

И все же, когда я говорю об этой работе как о работе Джослина, мне, возможно, следует сделать паузу и объяснить и каким-то образом уточнить, что я имею в виду. Что касается дизайна здания, то Джослин, возможно, был своим собственным архитектором, а возможно, и нет. В некоторых из наших великих церквей нет никаких сомнений в том, что архитектором действительно был епископ, настоятель или какой-то другой член общества. Уильям из Уайкхема, намного позже Джослина, действительно спроектировал свой собственный неф в Винчестере, но мы читаем о некоторых работах в аббатстве Сент-Олбан, что они были спроектированы одним из других служащих монастыря, но было признано правильным приписать их настоятелю из-за его более высокого сана.^[119] Во время строительства нефа Джослина свод над нефом Глостерского аббатства фактически был сделан руками самих монахов.^[120] В других случаях не может быть сомнений в том, что были наняты профессиональные архитекторы и каменщики, как и сейчас.^[121] Обрушившийся в Уэллсе свод возводился не руками каноников или их викариев, а руками квалифицированных рабочих. Одно можно сказать наверняка, что дизайнером местной работы в Уэллсе, должно быть, был местный житель; был ли он на самом деле Джослином из Уэллса собственной персоной, я не могу сказать. Столь же несомненно и другое: до того, как работа была закончена, местный стиль был оставлен и вместо него был принят другой. И о том, что это был личный поступок Джослина, свидетельствует новый стиль, используемый не только в западном фасаде церкви, но и в его собственных жилых зданиях как в Уэллсе, так и в Вуки. И что касается другого момента, когда я называю эту работу работой Джослина, я не обязательно имею в виду, что он заплатил из своего собственного кармана за все, что было сделано. Мы должны помнить, что во времена Джослина

мы переживаем переходный момент в истории нашей собственной и других церквей. Прежние епископы, которые делали то, что им нравилось, несомненно, платили за все, что они делали. Во всяком случае, мы не можем предположить, что каноники Уэллса в XI веке из-за своей бедности и нищенского состояния внесли большой вклад либо в возведение зданий Гизы, либо в их снос Иоанном Турским. В наши дни, как мы все знаем, любые работы, проводимые в соборе, выполняются Капитулом либо за счет их собственных средств, либо за счет собранных ими средств. В средние века мы иногда находим произведения такого рода, приписываемые одному Епископу, иногда одному Капитулу, иногда Епископу и Капитулу, работающим вместе. Я подозреваю, что последнее обычно было бы более правдивым отчетом во всех случаях; во всяком случае, с тем, что делал епископ или Капитул, другая сторона должна была согласиться. Джослин, несомненно, был главной движущей силой в работе, жизнью и душой всего предприятия. Все будет сделано под его присмотром, и его личный вклад, несомненно, будет большим. Но все это никоим образом не препятствует сотрудничеству Капитула, духовенства и мирян епархии, а также доброжелательно настроенных людей, где бы их ни можно было найти.^[122]

Другая часть зданий церкви относится к эпохе Джослина, когда его руку, возможно, поначалу и не искали. Это монастырь в том виде, в каком он стоял в своем первом поместье. Вы, наверное, помните, что монастырь, построенный Гизой, вместе с его общежитием и трапезной, был снесен Иоанном Турским. Вы также должны помнить, что монастырь, который в монастыре является неотъемлемой частью здания и всегда строится по определенному образцу, в светской церкви является простым удобством, которым вполне можно пренебречь и которое может быть построено в любом месте и любым способом, который может быть сочтен подходящим. Тогда Джослин или его каноники построили для них монастырь, но это был монастырь, который больше не сопровождался, как во времена Гизы, какой-либо трапезной или общежитием. Это больше похоже на монашескую обитель, чем обители Чичестера и Херефорда; это меньше похоже на обитель Солсбери. Он занимает, подобно монастырской обители, одну сторону нефа; однако это не идеальный квадрат, а неправильный параллелограмм; у него нет прохода с северной стороны, а восточный проход упирается в южный конец трансепта, в то время как в монастыре он был бы построен у его западной стены. К востоку, там, где в монастыре должен был располагаться капитул, находилась отдельно стоящая часовня Богоматери, следы которой легко видны, но которая была перестроена в конце пятнадцатого века и полностью разрушена в шестнадцатом. Теперь ясно, что монастырь был впервые построен в это время, поскольку все внешние стены, включая очень красивый дверной проем, ведущий во дворец, датированы Джослином. Дверной проем, ведущий из трансепта в монастырь, также упоминается в Акте главы 1297 года, напечатанном в "Монастиконе" Дагдейла.^[123] Но сам этот дверной проем и дверной проем, который является своего рода аналогом ему в юго-западной башне, дают нам самые верные признаки того, что монастырь сейчас не в том состоянии, в каком он был изначально спроектирован. Даже в своем первоначальном виде он, по-видимому, был, как и следовало ожидать, пристройкой, хотя пристройка была сделана вскоре после постройки той части церкви, к которой он примыкает. Стена подступает неудобно близко к этому прекрасному дверному проему, хотя и не уродует его так, как это было сделано сводом, который был пристроен много позже. Таким образом, этот свод и ажурные окна монастыря того же времени являются не только более поздними пристройками, но и дополнениями, которые даже не могли быть предусмотрены при постройке монастыря. Каким же тогда был монастырь в его первоначальном состоянии? То, что его

внешняя стена была каменной, очевидно; но я полагаю, что все, что было внутри, крыша и все, что там могло быть в виде ажурных украшений или аркад, было деревянным. Деревянные галереи не были редкостью. Даже в таком великом монастыре, как Гластонбери, очевидно, что обитель была не каменной.

Джослин, великий создатель церкви, едва ли менее памятен в том, что касается устройства церкви. Он внес последние штрихи в систему, разработанную Робертом. Ему, как мы видели, возможно, было обязано основание других званий, помимо двух главных, - благочиния и регентства. Он, безусловно, увеличил количество пребендов и расширил или заново учредил фонды некоторых из них.^[124] И ему мы обязаны началом другого класса среди служителей нашей церкви, которые все еще остаются среди нас; я имею в виду викариев. Учреждение этого ордена тесно связано с определенными изменениями, которые происходили примерно в это время в нашей собственной и в других капитульных организациях и которые привели к тому различию, о котором я уже упоминал и с которым мы все знакомы, между Канонами постоянного проживания и Канонами нерезидентного проживания. Все старые капитульные органы были созданы по одной общей модели, основные черты которой они сохраняют и по сей день. Но, несмотря на это общее сходство, у каждой церкви есть свои личные особенности; было бы невозможно найти в Англии два собора Старого Фонда, которые были бы точно похожи по названиям, численности и обязанностям их должностных лиц. Так же и с переменной, о которой я сейчас собираюсь рассказать; она произошла во всех светских соборах, за единственным исключением Лландаффа; но не во всех она была произведена на одних и тех же этапах и в одно и то же время. Общий результат был одинаковым во всех случаях; но процесс не везде был одинаковым, и то или иное изменение могло быть внесено несколькими годами раньше в одном месте и несколькими годами позже в другом. Точные даты и этапы строительства церкви в Уэллсе я не готов вам сообщить, пока вся информация, которая сейчас скрыта в рукописи, не будет раскрыта с помощью печатного станка. Среди нас есть тот, кто, без сомнения, освоил каждую запись в ее существующем виде и кто, я уверен, может сообщить нам год, день и час каждого изменения деталей. Но все, что я могу сделать, это в общих чертах указать на этапы перемен и отметить, что во времена Джослина перемены, о которых я говорю, по крайней мере, начинались.

Я уже говорил об этой закоренелой тенденции к множественности и, следовательно, к непостоянству, которая была проклятием средневековой Церкви и которая свела на нет столь многие справедливые схемы дисциплины и реформ. Это уже начало распространяться на фундаменты соборов. Мы можем быть уверены, что в ранние времена весь свод канонов был постоянным местом жительства. Во всяком случае, мы можем быть уверены, что Gisa не допустит отлучек из общей трапезной и общего общежития. Но изменения, внесенные Робертом, безусловно, сделают возможным отсутствие постоянного места жительства. Каноник больше не был простым членом организации, которая, даже будучи организацией, вряд ли обладала какими-либо корпоративными правами. Его пребендия теперь получила самостоятельный бенефиций, такой же независимый, насколько это касалось его временных владений, как епископство или дом приходского священника. Феодальные идеи, которые, как я уже говорил, стали применяться к церковным бенефициям, будут применяться к пребенду не в меньшей степени, чем к епископату или приходскому дому. Это стало бы рассматриваться как пособие, которым человек мог бы, как и в случае с любым другим пособием, пользоваться

наряду с любым другим преимуществом, и, как и в случае с любым другим пособием, его обладатель счел бы свою совесть оправданной, если бы его обязанности исполнял заместитель. Непостоянство канонов стало предметом жалоб в двенадцатом веке. Это была излюбленная тема монашеских писателей, которые, естественно, находили в ней плодотворное поле для выступлений против своих светских соперников. Так, Ричард Девизес, один из самых забавных писателей того или любого другого века, утверждает превосходство монахов, которые восхваляли Бога своими собственными устами, в то время как каноники восхваляли Его только устами своих викариев. Далее он рисует гротескную картину незнакомца, приходящего просить милостыню к дверям богатого каноника. Дверь открывает бедный викарий, который велит странствующему человеку уйти, так как хозяина дома нет дома.^[125] Затем, в несколько более раннее время, в Житии святого Фомы Кентерберийского, мы находим, как человек, которого он отправил с буллой об отлучении от церкви епископа Лондонского, пошел на торжественную мессу в соборе Святого Павла в такой великий праздник, как Вознесение, и обнаружил, что исполняющий обязанности священника не был ни епископом, ни деканом, ни каноником, а всего лишь викарием.^[126] Случайное уведомление такого рода говорит о многом.

Неприсутствие каноников само по себе было злом, и оно возникло из-за ослабления дисциплины; тем не менее, оно принесло некоторую побочную пользу, вызвав к жизни класс людей, которых я считаю в высшей степени ценными и действительно необходимыми для правильной работы соборной системы. Я имею в виду Каноны для нерезидентов. Различие между резидентными и Нежилыми канонами, которое встречается во всех строго английских соборах Старого фонда, возникло в разных церквях почти в одно и то же время и почти одинаковыми шагами, но с некоторыми различиями в деталях в каждом конкретном случае. Первый этап, по-видимому, был этапом очень общего отсутствия места жительства. Каноники жили в соборе или нет, как им заблагорассудится; те, кто не проживал там, держали (как мы случайно слышали) викариев для выполнения своей доли обязанностей в церкви. Здесь мы видим истоки той группы викариев, священнослужителей и мирян, которых мы все еще видим среди нас. Сначала викарий был просто заместителем каноника, место которого он занимал, точно так же, как викарий занимает место настоятеля-иногороднего. Таким образом, каждый викарий зависел от определенного каноника, на которого смотрели как на его *Учителя*. Следы этого имени, по прошествии стольких веков и после таких больших перемен в положении викариев, все еще сохранились среди нас. Среди законодательных актов Джослина были некоторые, которые касались института викариев.^[127] Он, конечно, не формировал их в корпорацию, которая была делом рук благотворителя следующего века. Но он, вероятно, настаивал на том, что отсутствие каноников в городе не должно повлечь за собой пренебрежения церковными службами, что каждый отсутствующий каноник должен быть представлен компетентным викарием, возможно даже, что каждый викарий должен получать приличную стипендию. Очевидно, что принцип отсутствия места жительства уже был признан. Сэврик, основав в церкви два новых пребендия, распорядился, чтобы их на данный момент держали настоятели Мучелни и Ательни.^[128] Вероятно, это была хорошая политика, таким образом связать глав двух великих монастырских домов в епархии с епархиальной церковью. Но очевидно, что два настоятеля не должны были постоянно проживать в Уэллсе. У них были бы свои голоса в Капитуле, и они приходили бы отдать их при соответствующих обстоятельствах; но их доля в обычных обязанностях собора должна была с самого начала исполняться заместителем.

Таким образом, отсутствие места жительства стало повсеместным явлением. Но строгие мужчины, естественно, рассматривали это как скандал. Было неуместно, чтобы все или большинство ответственных служителей церкви обычно отсутствовали на своих постах, предоставляя исполнять свои обязанности заместителю. И вполне вероятно, что заместители не во всех случаях могут быть самыми достойными представителями своих руководителей, которых только можно найти. Необходимо было предпринять некоторые шаги, чтобы проверить систему, по которой в кафедральных церквях, как и в других местах, один человек выполнял работу, в то время как другой получал плату. С другой стороны, мы можем видеть растущее и весьма обоснованное ощущение того, что требовать постоянного проживания в соборе от всего такого большого сообщества, каким теперь стали Каноники, было невозможно, да и нежелательно. Теперь, когда число пребентов увеличилось до пятидесяти, на самом деле не было смысла требовать, чтобы обладатели всех их постоянно присутствовали либо на хоре, либо в здании капитула. Двойные задачи основания собора было бы лучше реализовать, разделив Каноны на два класса. Одна часть тела постоянно находилась на месте для поддержания регулярных служб и выполнения рутинных обязанностей корпорации. Другая часть состояла из мужчин, разбросанных по епархии, появлявшихся в соборе только в установленное время года, которые, будучи одновременно соборным и епархиальным духовенством, могли бы помочь, прежде всего другим людям, поддерживать связь между матерью-церковью и епархией в целом. Я не претендую на то, чтобы сказать, насколько эти объекты были осознанно представлены в умах тех, кто устанавливал различие между канонами постоянного проживания и канонами нежилого фонда; но я утверждаю, что это различие действительно пошло нам на пользу и дало нам, в Канонах Нежилого фонда, очень ценную группу людей, чье положение я хотел бы видеть более оцененным, чем это обычно бывает. Это, однако, тема, которая снова предстанет перед нами, и в настоящее время мы должны иметь дело только с происхождением различия. На первом этапе не было назначено фиксированного количества резидентов. Каждый каноник мог проживать здесь, если бы захотел; и если бы он захотел жить, он был бы Резидентом во всех смыслах этого слова. Тогда не могло быть такого странного зрелища, как сейчас, когда каноники, даже высокопоставленные лица собора, действительно проживают, но не считаются Постоянными жителями, в то время как другие носят название Постоянных жителей и приезжают к нам только на три месяца в году. Первая стадия обычно заключалась в следующем. Каждый каноник мог проживать или нет, как ему заблагорассудится; но те, кто проживал, пользовались большими мирскими преимуществами перед теми, кто этого не делал. Общие доходы корпорации делились только между теми, кто проживал, в то время как те, кто не проживал, получали только то, во что корпорация, конечно, не могла вмешиваться, - доходы своих собственных пребентов. Таким образом, нерезидент имел только свой пребэнд; резидент также имел свой пребэнд и долю в общем доходе. Все это объясняется в уставе самого Джослина, датированном 1242 годом, годом его смерти, в котором предписывается ежедневное распределение средств среди присутствующих каноников и викариев, в то время как в конце года остальная часть общих доходов должна быть разделена между теми канониками, которые сохранили резиденцию. Срок проживания определен как шесть месяцев в году для простого каноника, то есть для того, кто не является сановником, и восемь для декана, регента, канцлера и казначея.^[129]

С этим этапом, когда проживание было добровольным, связан любопытный институт *ребер*, который, насколько я знаю, характерен для нашей собственной церкви. Ребро, как многие из вас знают, - это дом или участок земли, пригодный для строительства дома, который епископ

должен отдать какому-нибудь канонику, но который он может отдать любому канонику по своему усмотрению. Поэтому, если епископ пожелал бы поселить какого-либо каноника, у которого не было собственного дома, он мог бы предоставить ему средства к существованию, отдав ему ребро. Таким образом, на этом этапе проживание было необязательным, точно так же, как и в настоящее время среди стипендиатов колледжей в университетах. Но было одно важное отличие: постоянный Каноник, в отличие от постоянного Товарища, значительно увеличивал свой доход, проживая здесь. Естественным результатом стало то, что, если до сих пор существовала тенденция уклоняться от постоянного проживания, то теперь каноники стремились к постоянному проживанию. И эта новая тенденция к постоянному проживанию привела затем ко всевозможным приспособлениям, препятствующим постоянному проживанию. Если бы небольшое число людей уже проживало здесь и, следовательно, поделило общий фонд между собой, у них возникло бы искушение недружелюбно смотреть на тех своих братьев, которые толпой приходили разделить их средства и тем самым уменьшить свои собственные дивиденды. Часто предписывалось, чтобы никому не разрешалось проживать или, по крайней мере, получать какую-либо прибыль от своего проживания, если он не получил согласия тех, кто уже был Постоянным жителем. И это не было необычным правилом, правилом, которое существовало в нашей собственной церкви, что никто не должен проживать, если он не приобрел право на проживание, устроив серию дорогостоящих развлечений для своих братьев-каноников и различных других людей.^[130] Этого, конечно, многие каноники не могли себе позволить, и поэтому им было запрещено проживать, если бы они того пожелали. Все эти уловки были явными злоупотреблениями, проистекающими из эгоистичного желания со стороны существующих Резидентов иметь как можно меньше участников в своих дивидендах. Тем не менее, было явно нежелательно, чтобы здесь проживал весь корпус каноников, в то время как было желательно, чтобы выбор тех, кто должен был проживать, не зависел от их способности устраивать великолепные обеды. Средство состояло в том, чтобы назначить фиксированное количество Резидентов, которые должны были выбираться каким-то регулярным образом из всего свода Канонов. Рано или поздно это делалось во всех строго английских церквях Старого Фонда, но количество Ординариев и способ их выбора из числа каноников сильно различались в разных местах. Здесь, в Уэллсе, окончательно урегулированное число составляло восемь человек, включая декана; теперь, согласно Акту парламента, разрешающему подобные вопросы, их, как вы все знаете, четверо, помимо декана. Здесь также, при наличии вакансии среди Резидентов, существующий орган по месту жительства определяет, кто из других Каноников должен быть приглашен на жительство. Вы увидите, что правило, согласно которому ни один мужчина не может проживать без согласия существующих Резидентов, как только их будет определенное количество, естественным образом переросло бы в выборы такого рода. Но в некоторых местах, как, например, в Йорке, декан один приглашал к себе кого хотел. В других странах, как, например, в Линкольне, обязанность проживать была возложена на некоторых или всех высокопоставленных лиц, которые, конечно, должны были проживать, если они хотели эффективно выполнять свои обязанности. Как вы увидите, это было сделано для того, чтобы передать выбор резиденций в руки епископа. В церкви Святого Давида этот способ сочетался с тем, с которым мы знакомы здесь. Существовал Ординаторский орган из шести человек, состоящий из трех высокопоставленных лиц, регента, канцлера и казначея, а также трех других каноников, избираемых Ординаторским органом. Поскольку в Церкви Святого Давида не было настоятеля, президентом Капитула был регент.^[131] Эти небольшие различия встречаются нам повсюду, но общая система везде одинакова. И сходство, и непохожесть были именно тем, что следовало

искать, когда одни и те же причины действовали в разных местах во множестве институтов одного и того же класса, но где изменения были внесены не каким-то одним общим актом, а независимыми местными законодателями, устанавливающими правила только для своих собственных обществ. Но общий результат везде был один и тот же. Внутри общего корпуса Канонов возникла меньшая организация, на которую единственную легли обязанности резидента и общая ежедневная забота о ткани и ее услугах. Перемена, несомненно, была хорошей. Она принесла постоянный порядок и дисциплину вместо положения вещей, которое, должно быть, граничило с анархией. Это породило два класса людей, каноников-резидентов и нерезидентов, каждый из которых, как мне кажется, выполняет очень полезную функцию в церковном хозяйстве. Но у этого была и своя слабая сторона. Тенденция меньшего по размеру органа, более постоянно присутствующего на месте и более постоянно привыкшего действовать сообща, естественно, заключалась в постепенном захвате всей власти в свои руки. Результатом стало то, что во многих церквях, включая нашу собственную, права каноников, не являющихся резидентами, были урезаны, что в значительной степени нанесло ущерб институту в целом, до немногого, кроме простого названия и бесплодного приоритета.

Вряд ли мне нужно говорить, что когда обязанность проживания возлагалась исключительно на определенное число канонов от имени целого, подразумевалось, что те, на кого была возложена обязанность проживания, действительно должны выполнять эту обязанность. Но те же тенденции, которые раньше действовали в общем корпусе Канонов, через некоторое время снова начали действовать в меньшем количестве Резидентур. Было ясно задумано, это подразумевалось в самом различии между Резидентами и нерезидентами, что те, кто должен был проживать, должны были действительно проживать; что собор должен был быть их домом, их местом жительства, по крайней мере, так же постоянно, как приход священнослужителя, который проживает за свой счет, является его местом жительства. Но вскоре вмешалась страсть, которая, кажется, почти присуща человеческой природе, - страсть к уклонению от выполнения собственных непосредственных обязанностей. Даже резиденты уклонялись от проживания; оно было сокращено до минимально возможного количества, пока окончательно не утвердилась странная доктрина, согласно которой проживание эффективно поддерживалось присутствием единственного Каноника, причем Резиденция сменялась на периоды, которые в некоторых местах опускались ниже мистического периода в три месяца и которые, я полагаю, никогда не поднимались выше. Теперь этот срок установлен законом одинаково для всех церквей. В Уэллсе, однако, похоже, даже в худшие времена придерживались теории, что всегда должны существовать два Канона одновременно.^[132] Но даже двое - это очень мало из пятидесяти, и с какой пристойностью человека, который отсутствует девять месяцев или дольше в году, можно назвать Резидентом, вообще за пределами моего понимания. Трехмесячная система - это насмешка, если не хуже. Три месяца - это слишком большой срок для плохого человека и недостаточно для хорошего. У человека, который приезжает всего на три месяца, недостаточно времени, чтобы сделать много хорошего, но у него достаточно времени, чтобы натворить много зла. Мы сами знаем по опыту, что за один трехмесячный срок облику собора может быть причинено больше вреда, чем можно при всем желании в мире исправить за следующий семестр. Мы не хотим отказываться от наших Правил Проживания, но мы действительно хотим, чтобы они чаще общались с нами. Если мы хотим когда-нибудь сделать наши соборы такими, какими они должны быть и какими могли бы быть, то первой реформой из всех должно стать то, чтобы в них действительно проживали резиденции. Я, конечно, предполагаю, что у них нет других преимуществ, связанных с проживанием. Я не хочу,

чтобы они проживали в соборе и не проживали где-то еще. Ни один декан или каноническая резиденция не должны иметь никакого другого пособия или какого-либо исцеления душ, за исключением тех, которые могут быть прикреплены к самому собору. И если бы правильные люди — мужчины, которых совсем не так мало в Церкви, — всегда назначались деканами и канониками по месту жительства, они сочли бы, что им достаточно своих должностей в соборе, и не стали бы стремиться к другим функциям, которые несовместимы с их надлежащим исполнением.

Теперь мы должны еще раз обратиться от устройства Церкви к ее структуре. Церковь, построенная Джослином, хотя и могла, как мы знаем, значительно расшириться и уллучиться, все же была по существу совершенна. Но одного важного здания все еще не хватало. В светском обществе, где каждый человек живет в своем собственном доме, на самом деле необходимо только одно общее здание, помимо церкви. Трапезная и общежитие бесполезны; монастырь - роскошь, без которой можно обойтись; но должно быть место, где все общество могло бы собираться для выборов и для любых других дел, которые им приходится выполнять. Таким образом, Капитул так же необходим в светском учреждении, как и в монашеском. И следует отметить, что в светских фондах Капитул является гораздо более строгой частью церкви, чем в монастыре. В монастыре капитул является одной из основных частей всего здания. Он сообщается непосредственно с монастырем, а следовательно, с церковью и другими основными зданиями. Но она не имеет прямого сообщения с церковью; она имеет не больше связи с церковью, чем трапезная, и далеко не столько, сколько общежитие. Но в светских фондах Капитул гораздо чаще является частью церкви, а его главный или единственный вход находится со стороны самой церкви. Это общее, но не универсальное правило, поскольку Солсбери является ярким примером обратного. Как вы все знаете, сначала так было с Капитулом в Уэллсе. Когда он только был построен, и вплоть до того времени, когда была проложена дорога, ведущая к Викариатскому замку, долгое время спустя, единственный подход к зданию Капитула был со стороны самой церкви. И теперь, когда дверь, ведущая в Клоуз викариев, всегда остается запертой, можно подумать, что мы снова вернулись к старому положению вещей. Наш капитул - один из лучших примеров типа, который в основном относится к тринадцатому веку, хотя один или два примера относятся к более ранним, а один или два - к более поздним.^[133] Это тип, при котором здание имеет восьмиугольную или другую многоугольную форму, чаще всего с одной колонной посередине, от которой в разные стороны расходятся все ребра свода. Так обстоит дело с нашим собственным и с большинством других капитулов подобного рода, как в монастырских, так и в светских церквях. Но в великом примере в Йорке и в том, что поменьше, которому подражают в Саутвелле, отсутствует центральная опора. С красотой нашего собственного здания Капитула мы все знакомы; его окна являются одними из лучших образцов ажурной отделки того времени; и все же детали самого здания Капитула не так радуют мой личный вкус, как детали лестницы, ведущей к нему, на более ранний этап в истории искусства. Здание Капитула стоит на том, что обычно называют криптой, но которое, поскольку не находится под землей, вряд ли заслуживает этого названия. Это скорее часть тех сводчатых перекрытий, которые так часто встречаются под основными зданиями монастырей и других домов и которые постоянно принимают за монастыри, общежития и тому подобное.^[134] Не может быть лучшего примера, чем нижняя сцена нашего собственного епископского дворца. Вряд ли мне нужно говорить, что, когда были построены это основание и лестница, здание Капитула уже было спроектировано; ибо и лестница, и основание

- это просто здания, подчиненные зданию Капитула. И все же между ними должна быть определенная разница в датировке. Лестница, должно быть, была построена немного позже, чем сама церковь, поскольку она явно пристроена к контрфорсам северного трансепта, и, хотя в церкви только стрельчатые окна, лестница представляет собой один из лучших образцов древнейшей формы геометрического орнамента. Само здание Капитула снова украшено геометрическим орнаментом более позднего типа, а детали повсюду более совершенные. Из рассказа профессора Уиллиса явствует, что в 1286 году Капитул решил закончить некую новую структуру, которая была начата задолго до этого и которую срочно требовалось достроить. Это, как говорит Профессор, не может быть ничем иным, как Домом Капитула. Таким образом, в 1286 году лестница и цокольный этаж были уже закончены, но работы остановились, а само здание Капитула еще не было начато. Результатом этих дебатов Капитула стало создание Капитула. Общий дизайн, без сомнения, был запланирован задолго до этого, и теперь он был выполнен в соответствии с этим оригинальным проектом, но, как и следовало ожидать, со всеми изменениями в деталях, независимо от того, рассматриваем ли мы их как улучшения или нет, которые вошли в моду с начала работы.[135]

Таким образом, к концу XIII века мы можем считать церковь Уэллса наконец законченной. Ему все еще недоставало большей части того совершенства очертаний, которое присуще ему сейчас и которое, наконец, должна была придать ему следующая эпоха. Многие из той несравненной группы окружающих Уэллс зданий, которые придают ему главное очарование, еще не возникли. Сама церковь с ее недостроенными башнями, должно быть, со всех сторон выглядела карликовой и низкорослой. Часовня Богоматери еще не была возведена, и ее апсида контрастировала с большим окном квадратного пресвитериума над ней и гармонировала с более высоким по своей форме зданием Капитула. Монастырь по-прежнему был деревянным. Дворец по-прежнему не был защищен стеной или рвом. О замке викариев и цепном мосте к нему еще никто не мечтал. Тем не менее, можно считать, что церковь, схожая по своей структуре и составу, к этому времени была доведена до совершенства. Оставалось еще многое добавить, улучшить и развить, но все, что было необходимо, уже было там. Сама церковь, хотя ей все еще не хватало идеального изящества и отделки, была доведена до совершенства во всем, что было абсолютно необходимо. Неф, переделанный в таких формах искусства, о которых Ине и Эдвард, Гиза и Роберт и мечтать не могли, с длинным рядом аркад и стремительным размахом недавно возведенной сводчатой крыши, стоял безупречно от западной двери до чердака, всегда готовый, всегда открытый, чтобы приветствовать верующих из города и деревни, с холмов, гребней и пустошей, в каждом уголке страны, которая считала собор Святого Андрея своей материнской церковью. Хоры, места для каноников, трон епископа все еще были заключены в узкое пространство перехода; но само это узкое пространство придавало им достоинство, которое они утратили при более поздних постройках. Ибо центральный фонарь, еще не опиравшийся на неуклюжие подпорки, с богатыми аркадами его верхних ступеней, все еще открытыми для обозрения, все еще возвышался во всем простом величии своих четырех могучих арок, как благороднейший из балдахинных над хорами внизу. И если уходящая вдаль панорама капеллы Пресвятой Богородицы с этим бесподобным набором стройных колонн, с этой не менее бесподобной гармонией цвета все еще оставалась делом будущего, то у нас достаточно фрагментов, чтобы сказать нам, что более древнее завершение хора было богато лучшими деталями тринадцатого века,[136] и то, что, возможно, придавало большее величие самому главному алтарю, единственной особенности восточной части храма. , чем любое устройство, которое может быть разработано с помощью настоящего плана местности. О группе

зданий, частью которых сейчас является здание Капитула, еще не думали, но сам большой восьмиугольник уже поднимался; к концу столетия он, возможно, был уже закончен. Там он и стоял, со своей центральной колонной и окружающими ее стойлами, множество ребер его свода сходились к одному центру, олицетворяя, как говорят нам авторы символики, управление каждой епархиальной церковью с ее многочисленными членами, духовенством и мирянами, собирающимися вокруг одного общего главы и отца. Все это уже было там; то есть было сделано все, что было необходимо для практического совершенствования кафедрального собора, хотя, возможно, что-то еще требовалось для придания ткани идеального совершенства как произведению искусства. И как с устройством церкви, так и с ее конституцией. Отношения первоначального центра епархии с ее сестринскими или конкурирующими церквями, в одном смысле более древними, в другом - более новыми, чем она сама,^[137] были окончательно и мирно урегулированы. Отношения между епископом и его Капитулом, между Капитулом и подчиненными ему офицерами также были определенно урегулированы. Все великие должности церкви, которые все еще существуют, были уже основаны, и к ним были прикреплены те обязанности, которые, как бы сильно они ни были забыты, все еще остаются обязанностями их обладателей в той же степени, в какой они были тогда. Короче говоря, церковь Уэллса, как по своей структуре, так и по своему устройству, уже была совершенна. Тринадцатый век выполнил свою великую созидательную работу и оставил будущим векам только совершенствоваться и развиваться в соответствии с принципами, заложенными тринадцатым веком. Иными словами, тринадцатый век сделал для поместной церкви Уэллса то же, что она сделала для Англии, что она сделала для Европы и для всего мира. Полезно отметить, насколько точно самые яркие периоды нашей местной истории совпадают с великими и решающими эпохами в общей истории нашей страны. Церковь Уэллса впервые возникла по приказу первого великого западносаксонского законодателя, принца, чье правление навсегда установило, что юго-западный полуостров Британии должен быть на словах и в верности, если не полностью по крови, тевтонской, а не кельтской землей. Церковь получила своего епископа из рук великого западносаксонского завоевателя в тот момент, когда Уэссекс окончательно превратился в Англию, и первое пожалование епископства Сомерсетшир было подарком из рук принца, которому нортумбрийцы, шотландцы и британцы кланялись как своему отцу и господину. Старая династия исчезла, и на трон Англии взошли чужаки; это было время, когда чужеземный прелат впервые привнес в нашу церковь иностранную и новую дисциплину, которой он научился в своей родной стране за морем. И все же, когда как на королевском троне Англии, так и на епископальной кафедре Уэллса сидели чужаки, древняя ткань, церковь местных королей, святых и героев, все еще жила. Во времена правления норманнов и анжуйцев древняя ткань все еще сохранялась как свидетельство того, что Англия и ее Церковь, какими бы завоеванными они ни были, все еще сохраняли свою национальную сущность и однажды восстанут, чтобы вырвать свою древнюю свободу из рук завоевателей. Эта древняя ткань все еще жила в те дни, когда в ее свидетелях больше не было нужды, в те дни, когда Англия привлекла к себе завоевателей и превратила сыновей своих угнетателей в главных поборников своей свободы. Прелат, подвергшийся изгнанию от руки Иоанна, чье имя стоит под Великой Хартией наших прав, мог бы рискнуть смести все еще незыблемый памятник, повествующий о былой свободе времен Инге и Эдварда. И даже до его прихода мы можем видеть, как мрачные и светлые дни уэллсской церкви совпадали с мрачными и светлыми днями Англии. Это было в самую черную ночь угнетения, во времена тирана Руфа, когда название нашей церкви было на мгновение вычеркнуто из списков епископств, а ее служители были доведены до нищеты произвольным насилием иностранного епископа. Зло было исправлено в

дни, которые, хотя и были днями скорби и конфликтов, все же были днями надежды. Если структура церкви была обновлена и укреплена во время гражданских войн Стефана, то ее конституция была окончательно установлена и утверждена, когда мир и порядок вернулись под власть великого Генриха. А затем наступила величайшая из всех эпох, эпоха, которая в своей созидательной и разрушительной силе должна была оставить свой след на каждой земле от одного края небес до другого. Время не смогло бы рассказать обо всех могущественных людях и великих деяниях, которые более тесно связаны с эпохой Иннокентия и Фредерика, эпохой святого Фердинанда и святого Льюиса, эпохой Бэкона и Данте, эпохой в далеких землях первых монгольских и первых османских захватчиков, чем с почти любым другим равным пространством в мировой истории. По всему миру разрушение и созидание шли бок о бок; старые системы рушились, новые системы поднимались. Но только в Англии новое и старое могли быть объединены в гармонию, чтобы эпоха, которая в других местах была эпохой разрушения и созидания, могла стать просто эпохой реформ и реставрации, эпохой, которая вдохнула новую жизнь в старые имена и старые традиции и снова сделала Англию Англией. Мы видим, как сыны земли, какой бы крови они ни были, как дети завоевателей, так и дети побежденных, набираются сил, чтобы обуздать тиранию пап и королей, сбросить иго чужеземцев и снова отвоевать землю для ее собственных детей. Тогда наш язык, наши законы, наша конституция приняли те формы, которые шесть последующих эпох лишь усовершенствовали в деталях. Это была эпоха Стивена Лэнгтона и Роберта Фитцуолтера, Роберта Гроссетеста и Саймона Монфора, Роджера Биго и Хамфри Боуна, а также короля, у которого они отвоевали нашу свободу. И мы в этом месте можем добавить к списку имя нашего местного достойного человека, пользующегося наибольшей местной славой и не без своей доли в общей истории нашей страны, восстановителя структуры нашей церкви, последнего законодателя ее конституции, почетного имени Джослин из Уэллса. Как это было по всей Англии, так было и в нашем маленьком городке у подножия Мендипа. Старое положение вещей переходило в новое в процессе постепенных и мирных изменений и развития. И как по всей Англии англичане восстали против иностранного влияния во всех формах, так и здесь это был не приезжий из Тура или Люттича, а истинный сын земли, уроженец королевства, графства, самого города, носящий название города как свою отличительную фамилию, на долю которого выпала великая работа по преобразованию структуры церкви в новое существо и нанесению завершающего штриха ее церковному устройству. Местный летописец справедливо говорит, что такого не было ни до него, ни после него.^[138] В нашей местной истории есть более ранние и более поздние имена, которые когда-либо должны вызывать наше почтение, Бекингтон, Роберт, сам Гиза. Но ни одно имя каноника, декана или епископа не может жить в сердцах жителей Уэллса и Сомерсетшира так, как имя человека из их собственного графства и их собственного города, который подарил этому городу его величайшее и долговечнейшее украшение. Он отошел на покой, и его дела последовали за ним; его имя и его честь все еще живы. Безжалостные руки еще триста лет назад "чудовищно изуродовали" его мраморную гробницу в его собственном хоре.^[139] Но он один из тех, кому не нужна мраморная гробница, чтобы увековечить свою память. Благотворителям с меньшей известностью могут понадобиться их изваяния, их эпитафии из меди или алебаstra; о Джослине из Уэллса мы можем с полным правом сказать...

"Si monumentum requiris, circumspice."

ЛЕКЦИЯ III.

В своих предыдущих лекциях я рассказывал историю как строительства, так и основания церкви в Уэллсе до времен Джослина и несколько позже. Тринадцатый век, великий творческий век более поздней английской истории, довел и ткань, и фундамент до состояния если не идеального, то, по крайней мере, существенного совершенства. Теперь мы подходим к двум столетиям, которые многое могли улучшить и расширить, но которым не было необходимости, подобно их предшественникам, начинать все сначала. Джослин, можно сказать, был последним в линии великих новаторов добра и зла, линии, сформированной Ине, Эдвардом, Гизой, Джоном де Виллула и Робертом. Теперь мы подходим к тому, что можно назвать более спокойными временами. Следует отметить одну вещь, так это то, что к этому времени работа Джона де Виллула "Деградация Уэллса и возвышение Бата" была в значительной степени обращена вспять. Роджера, преемника Джослина, можно назвать последним батским епископом. На своем избрании Бат предпринял последнюю попытку. После смерти Джослина монахи Бата, вопреки заключенному соглашению, осмелились провести выборы, не присоединяясь к канонам Уэллса. История очень характерна для правления Генриха Третьего. Папа и король объединились, чтобы совершить незаконный акт в ущерб англичанам. Монахи Бата получили свой *congé d'elire* от короля; затем они избрали таким нерегулярным способом; избранные достались папе Иннокентию Четвертому, который, без сомнения, обрадовавшись такой возможности, не прислушался к призыву Уэллсского капитула, передал епископство Роджеру своей собственной властью, выторговав, чтобы привилегия, от которой он отказался, регентство в Солсбери, было передано его собственному племяннику. Новый епископ был рукоположен в Риме, и король вернул ему временные полномочия.^[140] Это своего рода событие, которое вряд ли могло произойти когда-либо раньше или позже. Как в прежние, так и в более поздние времена мы много страдали от рук как королей, так и пап, но Генрих Третий был единственным королем, который обычно вступал в сговор с папой против своего собственного народа. Бесстыдства всей этой истории действительно добавляет тот факт, что, когда Иннокентий добился своей личной точки зрения, когда он создал прецедент, согласно которому папа мог бы, если ему заблагорассудится, назначить в английский епископат, когда он еще больше утвердился в том, что его собственный родственник живет в Англии, он был достаточно готов подтвердить прежнее соглашение и постановить, что права капитула Уэллса при избрании епископа должны соблюдаться в будущем.^[141] Роджер также внес, что мог, в главу об Уэллсе, предоставив различные преимущества.^[142] Однако он не считал за благо выбирать среди них место своего последнего упокоения. Он был последним из наших епископов, похороненным в Бате. Это знаменует время, когда Уэллс снова стал настоящим домом епископства, хотя Бат по-прежнему сохранял свой приоритет в епископском титуле. И, несомненно, именно с этого времени началось то сравнительное пренебрежение к церкви в Бате, которое закончилось, как я уже говорил, ее приходом в состояние упадка, граничащее с разорением.

В течение последующего времени мне не нужно было перебирать каждого епископа подряд, поскольку несколько епископов, похоже, имели очень мало общего с тканью. Уильям Баттон Первый, который был епископом с 1247 по 1264 год, был примечателен главным образом практикой, которой мы, конечно, не видели у нас в течение некоторого времени, но следы которой сохранились до сих пор. В его дни все главные места в церкви были заполнены

родственниками епископа. Без сомнения, это была самая уютная семейная вечеринка, когда епископа окружали декан, регент, казначей, архидьякон и проректор, все они были его родными братьями и племянниками.^[143] Однако отметим, что, хотя факт родства с епископом не доказывает, что человек достоин высокого положения, это не доказывает, что он непригоден. Один из Баттонов, Вильгельм Второй, первый архидьякон, а затем епископ с 1267 по 1274 год, считался самым святым прелатом своего времени, и после его смерти у его могилы, как считалось, творились чудеса.^[144] Говорят, что они были на могиле Уильяма Марчского, епископа с 1293 по 1302 год.^[145] Между этими двумя святыми людьми был Роберт Бернелл, чье место, будь то в истории Англии или в истории Уэллса, отнюдь не маленькое, но чье имя не связано особо с устройством или фундаментом собора. Во всеобщей истории он фигурирует как министр великого Эдуарда; здесь мы знаем его как строителя этого благородного, но, увы, разрушенного зала в епископальном дворце, который может занять свое место рядом с великими сооружениями Гауэра в Сент-Дэвидсе.^[146] В поисках следующего епископа, который в подобном очерке заявит о себе с минуты на минуту, мы должны поспешить к правлению Эдуарда Третьего, когда достойный преемник Роберта и Джослина встречается нас в укрепленном дворце, основатель Клоуз викариев, знаменитый Ральф Шрусбери.

С начала века в соборе велись грандиозные работы, хотя мы не находим имени ни одного епископа, явно связанного с ними. Дело в том, что теперь, когда Капитулы приобрели столь высокую степень корпоративной независимости, епископы, естественно, становятся менее заметными в подобных работах, чем они были в прежнее время. Церковь, спроектированная Джослином, едва успела быть доведена до совершенства строительством Капитула, как была начата серия работ, которые привели к полному преобразованию всей восточной части церкви. Есть основания полагать, что устройство церкви Джослин, как и ее архитектурный стиль, было немного старомодным. В тринадцатом веке наметилась тенденция к расширению восточных частей церквей в большем масштабе. Знаменитая перестройка Кентерберийского хора в конце двенадцатого века, скорее всего, послужила примером. Хоры теперь обычно размещались в восточной части, которая иногда расширялась до длины, равной или превышающей длину нефа. Иногда сам хор приобретал крестообразную форму за счет добавления восточного трансепта. Церковь Джослина, с другой стороны, все еще сохраняла свой хор под башней, а к востоку от башни был только пресвитериум из трех отсеков - нынешний хор - с несколькими небольшими часовнями за ним на месте нынешнего пресвитериума. Новая схема предполагала полную переделку всей этой части церкви, которая, по-видимому, была сделана по одному общему проекту, который выполнялся постепенно. Они начали, как обычно, с ист-энда и с той части работ, которая требовала наименьшего разрушения существующего здания. В ист-энде была сделана особая пристройка, пристройка, охватывающая новую территорию, которая до сих пор не была частью церкви. Это дополнение было не чем иным, как нынешней прекрасной часовней Богоматери с небольшим трансептом непосредственно к западу от нее. С изысканной красотой часовни Пресвятой Богородицы знаком каждый, но, возможно, не каждый замечал, насколько она отличается от остальной части церкви. В отличие от любой другой составной части церкви, она прекрасно могла бы стоять сама по себе как отдельно стоящее здание. Как бы то ни было, это придает апсидальную форму крайнему восточному концу церкви; но это гораздо больше, чем апсида; на самом деле это восьмиугольник не меньше, чем здание Капитула, и этой форме он во многом обязан своей красотой. Как восьмиугольник, отдельно стоящий на одном конце и соединенный с другими зданиями на другом конце, он позволял сочетать апсидальный конец с изящными тонкими шахтами, выходящими в пространство на запад. Но

следует помнить, что поначалу часовня, должно быть, стояла почти как отдельно стоящее здание, и что, хотя она, несомненно, не предназначалась для того, чтобы оставаться таковой, все же факт ее первоначальной изолированности явно повлиял на ее форму. В Уэллсе есть второй трансепт, но вместо того, чтобы отделять хоры от пресвитерии, он является всего лишь придатком к часовне Пресвятой Богородицы, и поэтому он далек от того важного элемента, которым является восточный трансепт в Кентербери и Солсбери. Часовня Пресвятой Богородицы с этим зависимым трансептом, очевидно, составляла первую часть этой общей реконструкции восточной части церкви; и, судя по случайному замечанию в документе, цитируемом профессором Уиллисом, она была закончена до 1326 года.^[147] Затем последовала реконструкция самого восточного отрога. Это, как я уже сказал, повлекло за собой кардинальные изменения во всех церковных порядках. Восточная оконечность должна была быть удлинена за счет добавления трех пролетов, или, говоря точнее, за счет замены трех пролетов во всю высоту церкви на те часовни, которые ранее стояли на этом месте. Эти три отсека должны были образовать пресвитерию, в то время как бывшая пресвитерия должна была быть оборудована как хор; то есть места для каноников должны были быть размещены там, где они находятся сейчас, вместо того, чтобы находиться под башней. Вы все, должно быть, отметили для себя огромную разницу в стиле между тремя отделениями работы Джослина, которые теперь образуют хор, и тремя дополнительными отделениями, которые теперь образуют пресвитерию. Они дают хорошее представление о разнице между архитектурой тринадцатого и четырнадцатого веков. Они расположены рядом, и некоторые их детали можно легко сравнить. И все же контраст, возможно, не совсем справедлив. Эти две работы представляют собой довольно экстремальные случаи в противоположных отношениях. Более ранняя работа сохранила кое-что от еще более раннего стиля; как я уже говорил, это не типичная английская архитектура тринадцатого века, но в ней есть что-то от романской закладки. С другой стороны, новая работа, хотя и чрезвычайно изящная, возможно, даже чересчур изящна; в ней есть утонченность и мельчайшие детали, которые вполне уместны в таком маленьком здании, как часовня Пресвятой Богородицы, но которые создают своего рода ощущение слабости, когда ее переносят в главную часть церкви во всю высоту здания. Все три старые арки олицетворяют мужскую силу; три новые арки - женскую элегантность; но меня поражает, что женская элегантность, вполне уместная в маленьких часовнях, вряд ли уместна в пресвитерии. О том, что в том же стиле можно работать с большой энергией и смелостью, свидетельствует неф Йоркского собора. Следующим этапом, после добавления нового пресвитерия, будет попытка приспособить то, что теперь стало хором, к новой работе. Вы все знаете, что трифорий и клирос Джослина исчезли, или почти исчезли, из трех отсеков хора, и что их место заняли клирос и трифорий, если можно так выразиться, в том же стиле, что и три новых отсека. Я полагаю, что эта работа была сделана не совсем одновременно с появлением пресвитерии. Если бы это было сделано точно в одно и то же время, наверняка были бы приняты меры к тому, чтобы аркада, трифорий и этажерка находились точно на одном уровне. Не могло быть никаких мотивов поступать иначе. Я полагаю, дело обстоит следующим образом. Три отсека были пристроены, как это часто делалось с подобными пристройками, без какого-либо учета стиля или пропорций первоначального здания, за исключением сохранения самих стен на прежней высоте. В таком дополнении, как пресвитерия, построенная в совершенно другом стиле и без какой-либо адаптации к более ранней работе, не имело большого значения, совпадали ли три ступени возвышения точно или нет с уровнями более старой работы. Но чуть позже, вероятно, когда начали пристраивать крышу, возникла идея привести три старых отсека в максимально возможную гармонию с новыми. Крыша пресвитериума, естественно,

предполагала бы это изменение; возможно, оно сделало бы его абсолютно необходимым. Форма крыши, выбранная для новой работы, сильно отличалась от старых церковных сводов и была очень своеобразной и необычной. На самом деле это двухскатная крыша, к каким мы привыкли в этой части Англии, только в ней прорезаны ячейки для окон верхнего этажа.^[148] Такую крышу вряд ли можно было пристроить к трем восточным отсекам, не нарушив первоначальную крышу трех западных отсеков; и вряд ли ее можно было перенести над тремя западными отсеками, не нарушив первоначальный трифорий и этажерку. Поэтому, когда был определен дизайн крыши пресвитерии, была предпринята попытка адаптировать трифорий и клиросную часть хора к новой работе. Но теперь было невозможно сохранить точные уровни, и в результате мы видим то, что мы видим. Вы заметите, что верхние этажи хоров, строго говоря, не перестраивались, а были просто обшиты и вставлены новые окна. Последний процесс, как видно снаружи, был выполнен несколько неуклюже. В то же время были переделаны проходы хоров, был добавлен свод и вставлены окна в новом стиле.

Таким образом, хор и пресвитерия, какими мы видим их сейчас, были закончены в первой половине четырнадцатого века, но может возникнуть некоторый вопрос относительно точной даты. Профессор Уиллис цитирует приказ главы 1325 года, в соответствии с которым каждому канонику было приказано сделать свое собственное стойло за свой счет. Профессор делает вывод, что в то время новый хор был готов к размещению в нем партера.^[149] Но, возможно, слова не обязательно должны полностью нести это значение; и мне кажется, что одна или две вещи выглядят иначе. Прежде всего, стиль пресвитерии, по-видимому, указывает на время несколько более позднее в этом столетии. На окнах полностью развитый и не очень удачный плавный ажур, а в восточном окне отчетливо просматривается приближение к перпендикулярным линиям следующего стиля. Другие детали тоже, по-видимому, принадлежат к довольно поздней стадии так называемого декоративного стиля; они демонстрируют явные признаки близкого приближения новейшей формы готики, нашего местного Перпендикуляра. С другой стороны, наш знаменитый епископ Ральф Шрусберийский, который заседал с 1329 по 1363 год и о котором я сейчас расскажу более подробно, был похоронен между ступенями хора и главным алтарем, и, по-видимому, в центре пресвитерии находилась отдельная гробница.^[150] Его могила, огороженная решеткой, впоследствии была перенесена на северную сторону пресвитерии, но, как в своей причудливой манере говорит епископ Годвин, она "кстати, лишилась решетки".^[151] Но первоначальное место захоронения Ральфа было местом особого почета; это было место основателя; Ральф занимал то же место в новом хоре, которое Джослин занимал в старом. Напрашивается вывод, что Ральф относился к новой работе примерно в том же отношении, в каком Джослин относился к старой; что он был в некотором роде ее основателем; что, по крайней мере, это было сделано во время его епископства. Признаюсь, что эти два соображения, как мне кажется, перевешивают предположение, вытекающее из порядка расположения партера в главе, которая, в конце концов, могла быть сделана в качестве меры предосторожности как до начала хоровых работ, так и после их окончания. Поэтому я полагаю, что перестройка восточной части, пристройка нового пресвитерия, превращение старого пресвитерия в хор и архитектурные изменения, последовавшие за изменением расположения, относятся в основном ко временам Ральфа Шрусбери.

Эти изменения, как вы увидите, завершили планировку самой церкви в том виде, в каком она стоит сейчас. Сама церковь не расширялась ни на север, ни на юг, ни на восток, ни на запад со времен епископа Ральфа. И, с другой стороны, ни одна часть самой церкви не была разрушена.

К нему были пристроены другие здания, и части подчиненных зданий погибли, но земля, покрытая самой церковью, сейчас точно такая же, какой она была, когда Ральф был похоронен перед главным алтарем. Тогда как церковь, как здание, предназначенное для богослужения, собор Святого Андрея был вполне совершенен и не нуждался ни в дополнениях, ни в изменениях. Неф, хоры, пресвитерия, часовни, и единственное необходимое дополнение к зданию Капитула - все это было закончено. Но помимо завершения планировки территории, предстояло проделать еще одну большую работу, прежде чем можно было сказать, что здание закончено как произведение архитектуры. Джослин не поднял свои три башни выше уровня крыш; это были всего лишь обрубки, и эффект, должно быть, был незавершенным и неприглядным. В течение четырнадцатого и пятнадцатого веков этот дефект был устранен. Действительно, что касается центральной башни, то дефект уже был устранен. Я продолжил историю изменений, повлиявших на планировку, как непрерывное повествование, но возведение центральной башни и его последствия относятся к тому же периоду. Возведение башни, по-видимому, было частью общего плана переделки всей части церкви к востоку от перекрестка, и, возможно, на самом деле это была первая часть работы. Здесь я, пожалуй, могу сказать несколько слов об общей теме центральных башен. Как основная особенность церквей высшего класса, центральная башня практически ограничена Англией и Нормандией; в других частях Франции она достаточно распространена, но, в противоположность нашему английскому правилу, она распространена в церквях меньшего класса, но почти неизвестна в больших соборах и аббатствах. Возможно, мне следует сказать, что сейчас я говорю в основном о готических зданиях, а не о романских. Возможно, правильнее всего было бы сказать, что центральная башня, прямой представитель купола, является романской чертой, распространенной повсюду в романские времена, но которая сохранилась только в Англии и Нормандии в больших церквях более позднего времени. Вопрос о центральной башне или ее отсутствии сводится к следующему: что является большим достоинством кафедрального собора или другой великой церкви — высочайшее внутреннее величие или высочайшее совершенство внешних очертаний? Англия и Нормандия определились с внешним контуром; остальной Западный христианский мир определился с внутренним эффектом. Великие французские церкви - Амьен, Бове, Шартр, Реймс, Сен-Кантен - вознесены на высоту, о внутренней стороне которой мы в Англии понятия не имеем. Но это внутреннее величие покупается полной жертвой внешних очертаний. Пересечение четырех ветвей церкви тщетно требует своей естественной короны в центральном фанаре. Действительно, мне не совсем ясно, что, если не учитывать центральную башню, не лучше ли исключить и трансепты. Конечно, ни одна церковь никогда не производила на меня большего впечатления, чем церкви в Бурже и Альби, которые следуют такому расположению. Некоторые из великих церквей Франции, которые наиболее великолепны внутри, абсолютно бесформенны снаружи. Центральная башня невозможна, и трудно приспособить даже западные башни к корпусу такой большой высоты, если только их размеры не являются чем-то огромным. С другой стороны, некоторые из наших английских церквей, на внешних очертаниях которых глаз отдыхает с величайшим удовольствием, положительно наводят тоску, когда мы входим внутрь. Таковым прежде всего является Линкольн; ничто не может превзойти группировку его трех башен, но эффект низкой крыши хора поистине сокрушителен. Единственная церковь в Англии, которая отличается большой внутренней высотой, - это Вестминстерская, и там, хотя, безусловно, была спроектирована центральная башня, поднять ее наверх, похоже, оказалось невозможным. Таким образом, общий вид Вестминстерского аббатства в гораздо большей степени напоминает французскую, чем английскую церковь. Я знаю только одну церковь, которая полностью сочетает в себе оба

вида достоинств, а именно церковь Сен-Уан в Руане. Есть французские церкви большей высоты; есть английские и нормандские церкви более совершенных очертаний. Но ни одна другая церковь равной внутренней высоты не имеет центральной башни; ни одна другая церковь, завершенная центральной башней, не может похвастаться такой же внутренней высотой. Уступая Амьену в одном пункте, Линкольну - в другом, я ставлю Сент-Уэн в целом выше любого из них.

Обратимся теперь к нашей собственной церкви в Уэллсе, церкви, мне нет нужды говорить, построенной в гораздо меньших масштабах, чем любая из тех, о которых я говорил. Конечно, по обычаю англичан, он был спроектирован как центральная башня, хотя, скорее всего, Джослин и не думал поднимать его так высоко, как это было сделано впоследствии. Так было постоянно; башню возносили на огромную высоту, что мы не можем не назвать опрометчивым способом, на опорах и арках, которые были рассчитаны только на гораздо меньший вес. Последовало естественное следствие: опоры начали прогибаться под огромной массой, которая была на них навалена, и, чтобы удержать все это от падения, пришлось прибегнуть к тому или иному способу подпорки, по необходимости более или менее неудобному. Во многих случаях башня действительно падала, как несколько лет назад упал шпиль Чичестера. То, что он упал именно в этот момент, похоже, было чистой случайностью. Это всегда было опасно; с таким же успехом это могло произойти на триста или четыреста лет раньше, или с таким же успехом это могло продлиться на триста или четыреста лет дольше. Итак, в Солсбери этот прекрасный шпиль, такой изящный на вид, конструктивно является наростом, который никогда не следовало устанавливать там, для поддержки которого опоры под ним никогда не предназначались и который по сей день поддерживается только с помощью различных подпорок и приспособлений время от времени. Наше собственное дело в Уэллсе было достаточно тяжелым, хотя и далеко не таким тяжелым, как в Чичестере и Солсбери. Башню возводили между 1318 и 1321 годами,^[152] но если какой-либо шпиль когда-либо и был добавлен или спроектирован, то это был просто шпиль из дерева и свинца, подобный тем, которые исчезли со всех трех башен Линкольна. Следовательно, хотя вес, который был возложен на опоры, был намного больше, чем они могли выдержать, он был не так велик, как в Солсбери и Чичестере, и опасность и разрушения были не так велики, как в этих двух случаях. Затем башня была поднята, и последовали обычные результаты, которые были графически описаны профессором Уиллисом как в Уэллсе, так и в других местах. Увеличение высоты привело к тому, что четыре больших опоры погрузились в землю. Это, конечно, оторвало каменную кладку четырех ветвей церкви от их связи с опорами; новая башня, возможно, еще не доведенная до совершенства, стояла, так сказать, на четырех хромых ногах, на четырех опорах, которые прогибались под ней, и между арками башни и главными стенами церкви начали появляться зияющие бреши. Таким образом, в течение двадцати лет после ее первого строительства, в 1337 и 1338 годах,^[153] башню необходимо было укрепить опорами, о которых первые строители никогда не думали, и ущерб, который уже был фактически нанесен, должен был быть устранен. Башню в Уэллсе нужно было подпирать, как башни в Кентербери и Солсбери. Сразу возникает вопрос о способе подпорки. Любая опора такого рода должна быть более или менее неприглядной; установленная запоздало, чтобы исправить конструктивный дефект, она не может не нарушать первоначальный дизайн и первоначальные пропорции. Никто бы не поставил их туда, если бы мог с этим поделать; если бы конструктивные причины не требовали реквизита, им было бы лучше убраться подальше. Когда мы сравним способ, которым была выполнена эта необходимая, хотя и неприятная работа в разных случаях, мы увидим в работе Уэллса своего

рода неуклюжую изобретательность, которая может потребовать определенной похвалы. В Солсбери и Кентербери реквизит выполнен в виде горизонтального экрана, проходящего поперек арок. Такая форма сама по себе более элегантна и меньше нарушает общий вид здания. Но это более отчетливо выраженный нарост; он сильнее давит на глаз, как что-то застрявшее, чем когда подпорки вставляются в более раннюю работу так, как это делается в Скважинах. Вы все знаете низкие арки под фонарем с перевернутыми арками наверху, большие круги на шпандрилах, вся арка превратилась в своего рода узор из гигантских геометрических узоров. Он очень тяжелый, очень неуклюжий; пока глаз не привыкнет к нему хорошенько, он кажется очень уродливым; но он во всех отношениях изобретен. Реквизит обработан и встроен в старую работу так, как этого нет в других случаях. Я даже могу предположить, что люди, которые не знают истории и которые не сразу видят по деталям, что это вставка, могут даже принять ее за часть оригинального дизайна. И, учитывая его положение вообще, учитывая своеобразную форму, которую он принимает, есть что-то в деталях или, скорее, в отсутствии деталей, что-то в большом размере нескольких лепных элементов и отсутствии капителей и стержней, что, кажется, соответствует смелости общего очертания. И я не уверен, нет ли еще какой-то пристойности в выбранной форме. Линии перевернутых арок грубо напоминают Андреевский крест, и, возможно, теперь, когда дела Уэллса начали налаживаться, мы имеем здесь новый трофей успеха, предложенный ныне торжествующему старшему брату.^[154]

Целью перевернутых арок было строго поддерживать башню, укрепляя ее опоры. Потребовались другие изменения, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный разрушением каменной кладки с каждой стороны. Это включало частичную блокировку верхнего этажа и трифория в отсеках, примыкающих к башне, чтобы создать набор гигантских контрфорсов для ее поддержки. Арки опор под ними, скорее всего, были сильно разрушены; по крайней мере, те, что находились в нефе и трансепте, определенно были разрушены. Соответственно были вставлены новые арки в стиле четырнадцатого века, и поучительно сразу же сравнить отличие их деталей от деталей оригинальной работы и точно проследить масштабы новой каменной кладки. Как всегда, средневековые строители ничего не тратили впустую; каждый камень старой работы, который можно было сохранить на своем месте или использовать снова, они действительно сохранили на своем месте или использовали снова. И хотя детали точно того же времени и стиля, что и на перевернутых арках, стоит обратить внимание на чрезвычайную смелость, с которой выполнена лепнина на больших арках, и чрезвычайную деликатность, с которой она выполнена на меньших. В целом очевидно, что возведение башни, должно быть, было произведено опрометчиво и без должного учета прочности ее опор. Очевидно также, что результатом этого безрассудного строительства стало длительное уродство церкви из-за установки подпорок, от которых глаз отказывается. Тем не менее, поскольку обезображивание должно было быть произведено, мы должны похвалить значительную изобретательность способа, которым оно было сделано.

Все, чего теперь не хватало в структуре церкви, - это завершения строительства западных башен. Общий вид этих башен настолько схож, что никто не догадается, что между их постройкой прошло почти пятьдесят лет. Внимательный осмотр выявит некоторые небольшие различия. Высота двух башен не совсем одинакова, и ниша, которая находится на одной, не повторяется на другой. Но это не стилевые различия: это просто такого же рода различия, как те, которые мы находим в более раннее время между различными частями нефа. И все же

странно обнаружить, что за столько лет разница в стиле, строго так называемом, абсолютно не изменилась. Но это, по крайней мере, в данное время, характерно для этого района. Перпендикулярный стиль был введен в Сомерсетшир очень рано, и он долгое время использовался без каких-либо существенных изменений. Между самыми ранними и последними примерами, несомненно, есть разница, но она гораздо меньше, чем обычно в других частях страны. Во многих случаях нет заметной разницы в стиле между зданиями, разделенными интервалом в много лет. Поэтому я всегда отказывался гадать о датах перпендикулярных построек в Сомерсетшире, когда не было никаких документальных подтверждений; и я думаю, что случай с западными башнями Уэллса показывает, что я действовал осмотрительно, поступая таким образом. Я не думаю, что кто-либо обнаружил бы разницу в дате между этими башнями, просто взглянув на них, и я думаю, что любой был бы склонен, просто взглянув на них, установить, что более ранняя из двух намного позже своей реальной даты. Я должен признаться, что, зная, что между ними почти пятьдесят лет разницы, мне иногда трудно вспомнить, северная или южная башня старше. На самом деле, южный из них старше. Он был построен во времена Джона Харвелла, который был епископом с 1366 по 1386 год, на совместные средства себя и Капитула, причем Капитул платил две трети, а епископ - одну.^[155] Следовательно, башня относится к самым первым дням перпендикулярного стиля; должно быть, она так скоро появилась над восточным окном хора, что мы можем считать завершение западных башен частью той же работы, что и изменения в восточной части церкви. Другая, северная башня, была построена во времена и в значительной степени за счет епископа Бабвита,^[156] чье имя всем нам хорошо известно благодаря его больнице и церковному приделу. Он также занимает особое место в муниципальной истории города, благодаря тому, что подарил горожанам старую ратушу. Его епископство длилось с 1408 по 1424 год, так что отчетливо прослеживается очень значительная разница в датах строительства двух башен.

В структуре самой церкви больше не о чем говорить, за исключением нескольких вставок в перпендикулярном стиле — таких, например, как ажурные окна в нефе и трансепте. Я не знаю точной даты этого не очень важного изменения, но, должно быть, это было в конце четырнадцатого или в начале пятнадцатого века. Ибо ясно, что это было сделано до реконструкции монастыря и пристройки комнат над ним, поскольку эти последние загораживают одно из окон, вставленных в трансепт. Теперь эти комнаты были построены епископом Бабвитом,^[157] так что вставка орнамента была сделана до его времени, что не маловероятно, когда поднимали южную башню. Более важным изменением, которое, должно быть, произошло позже, была установка веерного ажурного свода в центральной башне, скрывшего оригинальные аркады, которые сохранились над ней. Вряд ли можно понять причину такой вставки, поскольку не могло быть никакой причины для подвешивания колоколов на центральной башне церкви, у которой было две башни в западном конце.

Таким образом, примерно через двести лет после начала нынешнего строительства во времена Джослина мы можем считать кафедральный собор Святого Андрея наконец законченным. В некотором смысле он был закончен до конца тринадцатого века, когда было построено все, что было необходимо для его церковной завершенности. Но именно в конце пятнадцатого века он окончательно принял ту форму, с которой мы все знакомы и которая с того времени оставалась почти неизменной. Итак, теперь мы достигли той точки, на которой можем оценить место, которое справедливо принадлежит церкви Уэллса среди других церквей Англии и христианского мира. Как мне кажется, эта позиция, как я уже говорил, является особой и

примечательной. Мне нет нужды говорить, что по размерам и великолепию церковь Уэллса не претендует на место в первом ряду европейских или даже английских церквей. Если не считать валлийских церквей и церквей, которые стали кафедральными, не будучи изначально предназначенными для этого звания, Уэллс является одной из самых маленьких английских епископальных церквей. Вряд ли справедливо сравнивать его с Карлайлом, который представляет собой всего лишь фрагмент, или с Херефордом, потерявшим свою западную башню, а вместе с ней и часть нефа. Но именно с точки зрения масштаба Уэллс следует справедливо сравнивать с Карлайлом, Херефордом, Личфилдом и Рочестером или, опять же, с соборными церквями вроде Саутвелла, Беверли и Тьюксбери, а не с такими церквями, как Кентербери и Йорк, или даже с такими, как Солсбери и Глостер. И среди церквей своего класса она, безусловно, занимает очень высокое место. У нее есть одно случайное преимущество в том, что она гораздо меньше пострадала от простых разрушителей, чем любая из них, за исключением, возможно, Беверли. Но это еще не все. Я думаю, что те, под чьими руками постепенно росла церковь Уэллса, проявили более мудрую осмотрительность и большее умение приспособлять свои изменения и дополнения к тому, что они сочли существующим, чем это было продемонстрировано в большинстве других случаев. Давайте возьмем два конца церкви, две части, которым церковь во многом обязана своим внешним видом, - восточный конец и западный фасад. Сейчас западный фасад Уэллса - это то, от чего модно бредить. Это самая прекрасная часть церкви; самое прекрасное сооружение в Сомерсетшире; самое прекрасное сооружение в Англии; насколько я знаю, самое прекрасное сооружение в мире. Я достаточно извращен, чтобы думать по-другому и смотреть на западный фронт как на единственную часть церкви Уэллса, которая в принципе совершенно плоха. Это, несомненно, лучшая экспозиция скульптуры в Англии, но как произведение архитектуры она совершенно плоха. Я всегда радуюсь, когда заворачиваю за угол и могу полюбоваться массивным и простым величием нефа и трансептов. Западный фасад плох, потому что это притворство - потому что это не настоящее завершение нефа и проходов, а просто маска, придуманная для того, чтобы получить больше места для демонстрации статуй. Короче говоря, архитектура приносится в жертву скульптуре. Настоящий честный западный фасад, если у него две башни, будет образован настоящим фронтоном нефа, обрамленным башней в конце каждого прохода. Так обстоит дело в Йорке, так обстоит дело в Аббевилле, так обстоит дело в Лландаффе. Или же фасад может, как у Винчестера, Глостера и Бата, вообще не иметь башен, а может просто состоять из концов нефа и проходов, обрамленных башенками и шпилями. Или может быть создан фасад, подобный тому великолепному и непревзойденному фасаду в Питерборо, построенный перед нефом и проходами и пересекающий их, но при этом вовсе не претендующий на то, чтобы сам быть их завершением. Все эти формы честны; но я отрицаю честность таких фронтов, как в Уэллсе, Солсбери и Линкольне.^[158] Во всех этих случаях фасад не является естественной отделкой нефа и проходов; это глухая стена, построенная в форме, которая не соответствует форме, которую естественно приняли бы их окончания. Следовательно, это обман; это грех против первого закона архитектурного проектирования, закона, согласно которому обогащение следует искать в украшении конструкции, в придании приятной формы и такого обогащения, которое может показаться хорошим, тем элементам, которые конструкция делает абсолютно необходимыми, а не в создании чего-либо просто ради эффекта. Основными элементами фасада должны быть окна и дверные проемы. Должно быть несколько окон и несколько дверных проемов; задача архитектора - сделать эти необходимые элементы основными источниками украшения. Теперь в Колодцах перед входом из окон и дверных проемов ничего не сделано; от них нельзя было полностью избавиться, но они, похоже,

воспринимались как простые нарушения линий скульптуры. Поэтому они убраны как можно лучше и не образуют, как следовало бы, основных элементов фасада. Посмотрите, например, на Лландафф; фасад сильно страдает из-за несоответствия двух башен, построенных в разное время; но посмотрите на окончание самого нефа; эта совершенная композиция стрельчатых элементов внутри и снаружи, как и должно быть, является главной особенностью; в Уэллсе западное окно сделано из ничего; оно просто прорезано в скульптуре. Маленькие размеры дверных проемов - распространенный недостаток английских церквей в отличие от зарубежных; но в Уэллсе они достигают крайней точки незначительности в этих узких мышиных норах в конце нефов, через один из которых нам обычно приходится пролезать, в то время как западный дверной проем остается закрытым. Но даже западный дверной проем сам по себе очень мал, я бы сказал, после Лаона или Реймса, но после Йорка; более того, даже в Личфилде и Солсбери дверные проемы выглядят чуть более достойно, чем в Уэллсе. В действительно хорошем дизайне архитектурные особенности должны быть на первом месте; скульптура или любой другой источник украшения должны быть второстепенными. В Уэллсе правило отменено; возведена фиктивная стена, уставленная статуями, а окна и дверные проемы предоставлены самим себе.

Возможно, вы будете удивлены, возможно, даже немного возмущены свободой моей критики работы, на которую вы, несомненно, все привыкли смотреть с традиционным восхищением. Но нет ничего лучше правды, и я думаю, что, если вы пойдете и честно проверите сами, вы увидите, что порицания, которые я высказал на нашем западном фронте, имеют под собой веские основания. Эти порицания довольно хорошо суммируются в одном обвинении в нереальности. Но, если мы сможем преодолеть это обвинение, многое можно будет сказать в пользу дизайна с точки зрения смелости и оригинальности. Вы знаете, что башни, вместо того чтобы стоять, как обычно, в концах проходов, возвышаются за ними, чего я не видел больше нигде, кроме как в столичной церкви Руана.^[159] Теперь в церкви сравнительно небольшого размера Уэллс эффект такого расположения, несомненно, заключается в том, чтобы пожертвовать высотой в пользу ширины и тем самым лишить фасада истинного достоинства. Тем не менее, нельзя отрицать, что даже ширина имеет свое достоинство, и расположение было хорошо спланировано с учетом поставленной особой цели - получения как можно большего возможного пространства для демонстрации скульптуры. И в конце концов, хотя западный фронт Уэллса - это обман, он ни в коем случае не такой презренный обман, как западные фронты Солсбери или Линкольна. Форма, приданная фасаду, если и нереальна, то, по крайней мере, величественна. В Солсбери форма, приданная фасаду, столь же нереальна и неопишимо низка; поскольку никаких западных башен не предполагалось, непонятно, почему не были оставлены естественные окончания нефа и проходов, как в Винчестере, Глостере и Бате, а также в наших больших приходских церквях Яттон и Крюкерн. Фронт Уэллса снова представляет собой, по крайней мере, единое целое; фронт Линкольна - это масса несочетаемых частей. Большие части двух более ранних фасадов оставлены, чтобы нарушить гармонию дизайна, а перед двумя из самых благородных башен в мире фактически возведена глухая стена, как будто специально для того, чтобы разрушить их эффект. Фасад Уэллса, в конце концов, каким бы нереальным он ни был, больше связан с главным зданием, чем фасад Беверли, где к церкви пристроен фасад, плохо имитирующий фасад Йорка, с фронтоном, который не имеет никакого отношения к реальному фронту нефа.^[160] В Уэллсе, опять же, более поздние строители, похоже, больше, чем обычно, чувствовали гармонию фасада. Уэллс не пострадал так, как Саутвелл, где в благородном романском фасаде было прорублено огромное перпендикулярное окно, а над ним

возвышалась фиктивная стена с плоской зубчатой стеной. Башни были возведены в четырнадцатом и пятнадцатом веках таким образом, что они очень хорошо гармонируют с общим дизайном фасада, хотя и не имеют какой-либо адаптации к его деталям. И здесь возникает вопрос, который, я думаю, задают все при первом взгляде на кафедральный собор Уэллса. Как я однажды услышал, это было четко и лаконично сказано: "Что ж, это прекрасная работа, но что это за изделия без верха?" Я полагаю, что каждый ощущает незавершенный вид башен; глаз жаждет чего-то большего, чем есть на самом деле, будь то башенки, шпили или что-то еще. Так вот, однажды я очень тщательно обследовал верхушки башен в компании с мистером Паркером, и мы не увидели никаких признаков того, что здесь когда-либо были или были спроектированы какие-либо каменные работы в большей степени, чем сейчас. Но любой вид отделки, который кто-либо пожелает вообразить, мог быть добавлен или спроектирован для добавления из дерева. Я подозреваю, что люди редко задумываются о том, сколько наших великих церквей имели башни, отделанные деревянными шпилями, покрытыми свинцом или галькой. Шпили такого рода были либо разрушены случайно, либо по неосторожности унесены из Старого собора Святого Павла, Линкольна, Эли, Херефорда, Эксетеера, Саутвелла и множества других церквей. В Оттери-Сент-Мэри до сих пор сохранился один из двух. На Континенте они встречаются гораздо чаще, и иногда из них получаются прекрасные образцы работы из свинца. Среди английских примеров башни Линкольна являются примером, наиболее поучительным для нашего случая. Шпилей больше нет, но угловые башенки по-прежнему отделаны деревянными шпилями, покрытыми свинцом. Существовало ли подобное устройство когда-либо на самом деле в Wells, я не знаю, но не может быть сомнений, что отделка такого рода, шпили из дерева, покрытого свинцом, с остроконечными выступами из тех же материалов по углам, была бы верным средством избавиться от плоского и несовершенного вида, на который все жалуются.

Если мы обратимся к ист-энду, то, как я уже говорил, обнаружим, что церковь Уэллса занимает гораздо более высокое положение среди своих собратьев. Восточные торцы английских церквей бывают разных видов; апсидальная форма, наиболее распространенная на Континенте, является самой редкой. Мы действительно находим немецкую апсиду без нефов, повторяющуюся в Личфилде, а французскую апсиду с ее расходящимися капеллами в огромных масштабах можно найти в Вестминстере и в меньших - в Тьюксбери. И есть несколько других примеров апсид меньшего достоинства и важности в Першоре, Ковентри, Рексхэме и нескольких других местах.^[161] Но расположение апсидал никогда не было полностью английским. Из трех замечательных примеров Тьюксбери - единственный, где апсида выполняет свою надлежащую функцию балдахина над главным алтарем. В Вестминстере главный алтарь заменен ракой Эдварда Исповедника, а в Личфилде это не хоры, а капелла Богородицы во весь рост, завершением которой является апсида. Английский ист-эндс по большей части подразделяется на два класса. Иногда, как в Йорке, Линкольне, Эли, Беверли и Саутвелле, часовню Пресвятой Богородицы и все остальное, что находится к востоку от главного алтаря, возносят на всю высоту церкви. В других случаях, как, например, в Винчестере, Херефорде, Эксетеере и Солсбери, часовня Пресвятой Богородицы и другие часовни к востоку от хора расположены намного ниже основного корпуса церкви. Признаюсь, что лично я предпочитаю апсиду всем остальным из этих построек. Ни один другой план не придает главному алтарю такого достоинства и не делает его столь очевидным центром и венцом всей церкви. Несомненно, в таком расположении, как у Йорка и Линкольна, есть большое величие;

но его положительный эффект почти полностью ограничивается внешней стороной. Главный алтарь, по-видимому, оказался там, где он находится, случайно; его положение обозначено простой ширмой, а не чем-либо в расположении самого здания. В третьем расположении, где все, что находится к востоку от хора, намного ниже хора, какая-то доля его надлежащего достоинства восстановлена или может быть восстановлена главному алтарю. Но, с другой стороны, нелегко пристроить более низкое здание, которое должно быть в полной гармонии с более высокими частями церкви. В часовне Богоматери в Солсбери есть что-то незначительное, и трудно восхищаться, по крайней мере внешне, длинными рядами низких часовен в Винчестере и Сент-Олбанс. Счастливая случайность, как я уже объяснял, дала возможность Уэллсу создать форму ист-энда, которая, я думаю, определенно превосходит все другие в своем классе. Общие очертания и пропорции церкви не менее превосходны, и ей повезло в том, что все было закончено и ничего не разрушено. В Херефорде, как я уже говорил, западная башня исчезла, а вместе с ней исчезла и часть нефа. Но даже пока она стояла, единственная западная башня никогда не могла бы так удачно сочетаться с центральным фонарем, как две западные башни в Уэллсе. Уимборн, главный сохранившийся пример такой компоновки, я слышал, как его непочтительно сравнивали с вождением в tandem, и я не могу отрицать меткость этого высказывания.^[162] В Саутвелле, где группировка трех башен настолько идеальна, насколько это вообще возможно, общий эффект сильно пострадал из-за опускания крыш повсюду. Мы вряд ли рискнем сравнивать четыре ветви Уэллса с четырьмя ветвями Беверли, но о западном фасаде Беверли я уже говорил, и общее впечатление от церкви полностью разрушается из-за того, что центральная башня так и не была возведена. Даже в Личфилде безупречное изящество трех шпилей, даже прелесть апсиды не могут примирить нас с длинным низким корпусом и экстравагантной длиной восточного крыла. Восточный вид Личфилда, каким бы изящным он ни был, не может сравниться с настоящим величием ист-энда Уэллса. Я видел много прекрасных церквей как в нашей стране, так и за рубежом, многие из них, конечно, такого масштаба, что, казалось бы, Уэллс не идет ни в какое сравнение. Но я могу честно сказать, что не знаю ни одного архитектурного ансамбля, который превосходил бы гармонию и разнообразие нашего собственного собора, увиденного путешественником, впервые въезжающим в город из Шептон-Маллета.

От внешнего мы обращаемся к тому, для чего внешнее, в конце концов, всего лишь оболочка. Когда мы входим в церковь, мы оказываемся в здании, которое вполне может противостоять конкурентам своего класса. Нef имеет свой особый характер: могут быть различия во вкусах относительно его достоинств, но у него есть характер, и этот характер явно является результатом дизайна. Основные линии интерьера скорее горизонтальные, чем вертикальные. Вряд ли можно сказать, что здесь есть какое-либо разделение на отсеки; никакие сводчатые шахты не поднимаются из земли, и трифорий не принимает, как обычно, формы отдельной композиции над каждой аркой. Короче говоря, мы не можем, как это бывает в большинстве церквей, воспринимать каждую арку с трифорием и клересторием над ней как нечто существующее само по себе. Скорее можно было бы сказать, что три горизонтальных ряда, расположенные один над другим, все сходились к центру, не думая о том, что находится над ними или под ними. Вкусы могут расходиться относительно того, хорошая это композиция или нет, но нет никаких сомнений в том, что это по-своему эффективная композиция; нет ни одного нефа, в котором взгляд так неудержимо устремлялся бы на восток, как в зале Уэллса. И стоит отметить, что это расположение в своей полноте ограничено нефом; в трансептах отсеки обозначены гораздо

четче. Идея создания этого ярко выраженного горизонтального эффекта явно пришла в головы дизайнерам, когда они работали в западном направлении.

Можно было бы ожидать, что заметное выделение, которое таким образом придается горизонтальной линии, могло бы привести к разрушению всякого эффекта высоты во внутреннем убранстве; но это не так. В Уэллсском соборе нет особого ощущения высоты — не так сильно, например, как в церкви Святой Марии Редклифф; но и нет такого давящего чувства низости, как в Линкольнском. Я полагаю, что это связано главным образом с формой арки, выбранной для свода, смелой, но не заостренной, и с тем, как арки-фонари вписываются в свод. Сравните это с гораздо большим и возвышенным нефом Йорка. По высоте этот неф уступает только Вестминстеру среди английских церквей, а дизайн отдельных отсеков вряд ли можно превзойти по эффекту парения. Но при прямом взгляде на восток или запад йоркский неф почти полностью теряет свой эффект, частично, без сомнения, из-за чрезмерной ширины, но частично также из-за плоской и сокрушительной формы сводчатой арки. Еще один момент, который, я думаю, помогает восстановить баланс между горизонтальным и вертикальным эффектом, — это большая высота верхнего этажа. В церкви, где вертикальные пролеты сильно обозначены, я не думаю, что большая сравнительная высота в верхнем этаже помогает усилить эффект высоты. Но в таких случаях вопрос скорее лежит между аркадой как одним, а трифорием и клересторием вместе как другим. Здесь вопрос лежал между трифорием и клиросом, и я не могу отделаться от мысли, что, если бы трифорий был того же масштаба, что и в хоре Эли, эффект высоты был бы меньшим. Во всяком случае, неф Уэллса максимально использует свою небольшую фактическую высоту; то же самое делают хоры и пресвитерия; ибо, хотя я совсем не могу восхищаться видом используемого там свода, форма арки выбрана так же разумно, как и в нефе. В пресвитерии мы также видим поднимающиеся из земли своды, чтобы придать вертикальному разделению и, как следствие, эффекту высоты наивысшее совершенство. Об изысканной красоте часовни Пресвятой Богородицы, рассматриваемой, как и должно быть, не как часть целого, а как отдельное и почти обособленное здание, я уже говорил. Короче говоря, внутреннее воздействие церкви, независимо от того, рассматривается ли оно в целом или в отдельных ее частях, если и не самого высокого порядка, чего не позволяет ее сравнительно небольшой масштаб, может претендовать на высокое место среди церквей своего класса.

Тогда я думаю, что в целом, даже глядя на церковь саму по себе, у нас есть все основания быть благодарными за то, что мы имеем. У нас не церковь первого порядка, но у нас есть церковь, несколько частей которой очень хорошо сочетаются друг с другом, все части которой были закончены, и ни одна часть не была разрушена. И я могу добавить, что мы можем быть благодарны еще за одну вещь, за добротность камня, из которого построена большая часть церкви. Скульптура западного фасада действительно рассыпалась; но в других местах Уэллса, например в Гластонбери, везде, где работа не была бессмысленно уничтожена, она так же хороша, как и тогда, когда ее впервые вырезали. Теперь у нас могла бы быть церковь вроде Честерской или Ковентри, где вся поверхность камня осыпалась и где весь орнамент стал неразборчивым. Я уже говорил, что церковь Уэллса образует гармоничное целое, что она была идеально закончена и что ни одна часть не была разрушена; и это очень важно сказать. Позвольте мне сравнить удачу Уэллса в этом отношении с кафедральным собором гораздо более известного города на другом конце Англии. В Карлайле есть благородный хор, заканчивающийся, вероятно, самым большим окном в Англии. Если бы у этого хора были только трансепты, неф и башни, соответствующие ему, церковь Карлайл была бы действительно великолепной церковью. Но хоры пристроены к небольшому скромному трансепту и

центральной башне, а от нефа не осталось ничего, кроме двух пролетов первоначальной маленькой нормандской церкви, остальные полностью исчезли. Таким образом, перед нами церковь, которая не образует гармоничного целого, церковь, которая остается совершенно незавершенной и одна существенная часть которой была разрушена. Или, не рассматривая такой крайний случай, как этот, мы можем сравнить нашу церковь с некоторыми из тех, о которых я уже говорил, с Херефордом, Саутвеллом, Беверли и Тьюксбери. Во всех этих случаях какая-то важная функция либо так и не была завершена, либо была уничтожена позже. Таким образом, церковь Уэллса, взятая просто сама по себе, претендует на высокое место среди зданий своего собственного класса, то есть среди служителей второго порядка. Но, как я сказал в начале этих лекций, настоящее очарование Уэллса заключается не в церкви, взятой самой по себе, а в церкви, окруженной сопутствующими зданиями. О некоторых из них я должен сейчас сказать несколько слов. Я не собираюсь подробно останавливаться ни на их архитектуре, ни на их истории, но некоторые из них неразрывно связаны как с тканью, так и с фундаментом собора. И именно их сохранность придает Уэллсу его особый характер. Каждой части можно легко сравняться или превзойти ее, но у целого нет конкурентов в Англии, и я не думаю, что их много в христианском мире.

Именно в четырнадцатом и пятнадцатом веках, наряду с работами в самой церкви, о которых я уже говорил, возводились и второстепенные здания, которые придали Уэллсу этот особый характер как наиболее полному и неповрежденному образцу зданий с большим светским фундаментом. Величайшим именем в этом отношении в течение четырнадцатого века является то, которое мы все знаем, - имя епископа Ральфа Шрусберийского; я уже говорил о нем как о том, что он, вероятно, приложил главную руку к реконструкции хора и пресвитерии. Он также придал дворцу его нынешний вид. Первоначально дом был построен Джослином. Большой зал был пристроен Робертом Бернеллом. Как мы теперь видим, именно Ральф огородил себя рвом и стеной.^[163] Но его величайшую работу следует искать по другую сторону церкви, и она тесно связана с конституционными изменениями, которые можно рассматривать как внесение завершающего штриха в существующую структуру собора, я имею в виду основание Колледжа викариев. Теперь все великие служения церкви были в полном порядке, и отношения между двумя классами каноников были довольно хорошо налажены. Теперь оставалось установить точное положение той подчиненной группы духовенства, которая выросла благодаря широко распространенной практике отсутствия постоянного места жительства среди каноников. Викарий, как мы видели, сначала был просто личным заместителем какого-то конкретного каноника, назначенного им для исполнения своих обязанностей в его отсутствие. Но вряд ли могло случиться так, что Викарии как единое целое постепенно вступили в какие-то отношения с Капитулом как единым целым. Это было бы особенно актуально, если бы проживание стало постоянной обязанностью одного класса каноников и не входило в обязанности другого. Викарии постепенно превращались из заместителей отсутствующих каноников в помощников каноников, которые, по крайней мере, делали вид, что присутствуют. Таким образом, было естественно, что они получили определенный статус в церкви, и, с учетом идей того времени, было столь же естественно, что они получили некоторую корпоративную независимость. Тогда викарии Уэллса, как и викарии большинства или всех церквей Старого Фонда, превратились в отдельную корпорацию. Они были подчинены Капитулу в том, что касалось их обязанностей в церкви, но они были независимы от него в том, что касалось поместий, которыми они были наделены, и они управлялись статутами, данными им их основателем. Этим основателем был, как мы все знаем, Ральф из Шрусбери. Большинство из вас, без сомнения, видели картинку с

латинскими стихами, в которых викарии излагают епископу свои трудные доводы в пользу того, что их заставляют жить в городе, где они только могут, и как он обещает дать им дом, где они смогут жить вместе.^[164] Затем возник дом викариев в Уэллсе, и, хотя нынешние здания в основном относятся к более позднему времени, все же фрагменты работ Ральфа все еще можно увидеть, особенно в холле, где сохранилось несколько его окон. Но жалоба викариев на то, что они были разбросаны по улицам города, заслуживает внимания. При первом положении вещей, как явствует из историй, рассказанных Ричардом из Девизов, викарий жил в доме каноника, которого он представлял.^[165] Но столь же очевидно, что по мере увеличения числа пребендов даже институт ребер не предоставлял дома для каждого каноника, и, поскольку институт специальных приютов стал постоянным, свободные дома были в основном заняты ими. Таким образом, мы можем понять, почему сейчас может быть много викариев, не обеспеченных каким-либо жильем. Здания Клоуз были переделаны и почти заново отстроены тремя душеприказчиками епископа Бекингтона: ректором Ричардом Суоном, казначеем Хью Шугаром и Джоном Поупом, пребендарием Сент-Декуманса.^[166] Им было поручено распорядиться неоплаченной частью имущества епископа для благочестивых целей по своему усмотрению, и, помимо других работ в других частях епархии, дом викариев теперь приобрел свой нынешний вид. В такой форме у него, безусловно, нет соперника. Я не знаю ничего, что могло бы сравниться с этими двумя тихими рядами домов, холлом на одном конце и часовней на другом, свидетельствующими о совершенстве университетской жизни; и, как остроумное приспособление для превращения предмета практического удобства в предмет высокого архитектурного украшения, ничто не может сравниться с цепным мостом. Мне нет нужды говорить, что первоначальный замысел этого института был сразу же нарушен, как только его членам разрешили вступать в брак. Эти две комнаты с отдельным входом в каждую были спроектированы как комнаты колледжа для мужчин, которые принимали пищу в общем зале; и, как комнаты колледжа, они предоставляют очень далекие от презренных условия проживания. Но они, конечно, были совершенно непригодны для приема жен и семей, и архитектурные особенности Клоуза были к сожалению повреждены в результате объединения двух или более домов в один. Я всегда лелеял своего рода мечту о том, что тем или иным способом старый институт Колледжа викариев и новый институт Теологического колледжа могли бы быть объединены в одно целое, что должность викария в кафедральном соборе могли бы занимать молодые священнослужители и мужчины, готовящиеся к принятию священного сана, и что университетская жизнь могла бы быть снова восстановлена в старом зале Ральфа и Бекингтона. Но, как бы то ни было, я бы, по крайней мере, призвал духовных членов Колледжа придерживаться своего старого доброго титула священника-викария и не называть себя и не позволять называть себя новомодным именем Младшего каноника. Это исторически неверно; оно использовалось в соборе Святого Павла и в Херефорде, но никогда не использовалось в Уэллсе. Я не могу поверить, что оно звучит лучше или более почетно, чем у священника-викария. Мне кажется, все с точностью до наоборот, поскольку ударение всегда ставится на слове *Минор*, а не на слове *Канон*. И это имеет тенденцию смешивать священников-викариев наших Старых Фондов с людьми, занимающими положение, очень низкое по сравнению с их положением, а именно с Мелкими канониками церквей, основанных Генрихом Восьмым. Это простые подчиненные Главы, без какого-либо отдельного пожертвования или корпоративной независимости любого рода. Предполагаемая юридическая необходимость изменения проистекает из неправильного толкования Акта парламента, который на самом деле ничего подобного не предписывает. Слышать о Второстепенном канонике из Уэллса так же плохо, как слышать о Почетном канонике; иными словами, слышать, как каноник или пребендарий из

Уэллса, чья контора датируется, возможно, двенадцатым веком, низведен до уровня тех таинственных личностей, не только без доходов, но и без прав и обязанностей, которые появились в Бристоле или Манчестере при нынешнем правлении.

История колледжей викариев в Уэллсе и других местах должна быть написана полностью. Никто не мог сделать это так хорошо, как мой друг мистер Даймок, когда-то сам бывший священником-викарием коллегиальной церкви Саутвелла.^[167] С особой тщательностью следует проработать один момент - это шаги и причины, по которым должность перешла к непрофессионалам. Изменение в этом отношении было полностью признано хартией Елизаветы, которая подтверждала права и поместья викариев и регулировала, без абсолютного закрепления, численность двух классов викариев, духовных и мирских. Это изменение произошло не везде. Викарии в Йорке по-прежнему являются чисто церковной организацией, а миряне из хора являются простыми стипендиатами. И, если совсем недавно не были внесены какие-то изменения, то же самое происходит и в Херефорде.^[168] И поскольку священников-викариев наших Старых Фондов никогда не следует смешивать с Мелочными канонами Нового, тем более мирян-членов этих колледжей, равных в корпоративных правах своим духовным братьям, никогда не следует низводить до уровня простых мирян-клерков или певчих других церквей, которые иногда являются просто стипендиатами, и которые, даже когда они официальные должностные лица, не имеющие отдельного фонда или корпоративного статуса.

Таким образом, до конца четырнадцатого века при кафедральной церкви существовали две отдельные корпорации, а именно Капитул и Коллегия викариев. Эти двое были и остаются разными и независимыми в том, что касается их собственности и личного бытия, хотя в том, что касается долга и дисциплины церкви, члены младшего фонда были и остаются подчиненными членам старшего. Эти две организации все еще существуют, и я верю, что они могут сохраняться и процветать долго; но в первые годы пятнадцатого века возникла третья организация, которая исчезла из нашей среды. Мы читаем, что Ральф Эргам, который был епископом с 1388 по 1401 год и который был благотворителем своей церкви несколькими способами,^[169] основал по своей воле Колледж из четырнадцати священников в месте, которое тогда называлось *Маунтерье*, и которое от этого основания получило название Колледж-лейн.^[170] То есть, он, похоже, включил в список священников церкви собора, священников, которые, помимо общественных служб, совершаемых канониками и викариями, служили мессы для конкретных людей у определенных алтарей. Все фонды такого рода были ликвидированы Актом первого года правления Эдуарда Шестого, и единственное воспоминание, которое фонд Эргума оставил среди нас, - это название, которое до сих пор принадлежит переулку.

Отдельные дома каноников и других должностных лиц относятся в основном к пятнадцатому веку, хотя есть некоторые фрагменты более ранней даты. Позвольте мне здесь особо упомянуть один маленький и ветшающий, но очень красивый фрагмент, а именно круглое окно с деревянной отделкой в восточном торце дома, который ранее принадлежал архидьяконам Уэллса. Сам дом, странно замаскированный снаружи, имеет внутри очень красивую деревянную крышу; благочиние тоже, хотя и сильно пострадало от установки современных окон, все еще сохраняет большую часть достоинства дизайна, которое оно унаследовало от своего строителя, ученого декана Ганторпа, занимавшего этот пост с 1473 по 1498 год.^[171] Но я не буду подробно останавливаться на конкретных домах; они находятся в особой компетенции мистера Паркера, и он занимался ими всеми, от дворца епископа до дома органиста.^[172] Я бы

только еще раз настаивал на необходимости, на долге бережно сохранять каждое из этих древних зданий, скоплению которых наш город обязан своим особым положением среди городов Англии. Мы и так уже слишком много потеряли. Каждый год какое-нибудь древнее здание разрушается или находится под угрозой.^[173] Пусть те, чьим делом это является, пробудятся, пока не стало слишком поздно; пусть они увидят, что ни один камень не будет принесен в жертву скупости, капризу или невежественным представлениям о совершенствовании. Посмотрите, например, на то, что некоторое время назад было объявлено огромным улучшением, - снос дома, открывающий вид на западный фасад собора из окон гостиницы "Лебедь". Те, кто совершал это деяние, скорее всего, не ведали, что творят. Возможно, они даже не помнили, что, открывая вид на западный фасад собора из окон гостиницы "Лебедь", они также открывали не очень живописный вид на гостиницу "Лебедь" тем, кто выходил из западных дверей собора. Они не задумывались над тем, что пространство перед западным фронтом и без того было действительно слишком открытым, и что, во всяком случае, ситуацию не поправишь, открыв вид через такую нелепую щель, которую, как я слышал, остроумные люди сравнивали с пространством, оставшимся во рту у человека после удаления одного зуба. Еще меньше они думали о том, что в момент бездумного разрушения они стирают с лица земли всю историю церкви и города. Дом действительно не представлял ценности сам по себе; я не стал бы оплакивать снос этого дома или целого ряда домов, частью которых он был. Но вместе с домом разрушители разрушили стену, у которой был построен дом, и эта стена стала историей города Уэллс. В Уэллсе, как я уже упоминал, церковь не была основана в городе, но город вырос в тени церкви.^[174] Церковь и ее окрестности не были перенесены в город до дней парламентской и муниципальной реформы. Стена Закрытия повсюду является знаком разделения, отделяющим церковную собственность от мирской и часто обозначающим границы отдельных юрисдикций. Но в Уэллсе стена имеет особое значение, как памятник тем дням, когда город возник за пределами церковной территории. Таким образом, одним необдуманном действием уничтожается не только материальный фрагмент древности, но и отрывается страница местной, а следовательно, и национальной истории.

Единственная оставшаяся работа, о которой следует упомянуть, - это та, на которую я случайно неоднократно ссылался, а именно: монастырь и пристроенные к нему здания. Теперь я должен добавить, что отдельно стоящая часовня Богоматери на восточной аллее монастыря была перестроена Робертом Стиллингтоном, который был епископом с 1464 по 1487 год, и это событие лучше всего описано словами епископа Годвина.

- Он построил ту прекрасную леди Чаппелл в клойстерсе, которую он снес, разрушив также большой зал дворца ... и был погребен в упомянутом Чаппеле, но недолго там покоился: ибо сообщается, что многие пожилые люди, которые в юности видели не только празднование его похорон, но и здание его тумбе, Чаппелла и все остальное; также видели, как тумбе и Чаппелл были разрушены, а кости епископа, который их построил, вывернулись из свинца, в котором они были похоронены".^[175]

Эта цитата может послужить подходящим переходом к тем временам, которых мы сейчас достигли. Теперь мы покончили с эпохой созидания и подошли к эпохе разрушения. В конце пятнадцатого века церковь Уэллса достигла высшей степени совершенства. Церковь была завершена; ее принадлежности были завершены. О самом материале достаточно сказать, что наш великий Бекингтон, столь щедрый благотворитель городу и епархии во всех других отношениях, ничего не сделал с самим материалом собора, потому что ему действительно

нечего было делать. Моя тема, как вы помните, - кафедральная церковь, как по своей структуре, так и по своему устройству. Если бы моей темой был город в целом, я бы нашел, что сказать о приходской церкви, о больницах, о здании Гильдии, о домах Бекингтона на рыночной площади. Но я придерживаюсь собора и его непосредственного имущества. Разрушения, о которых говорится в выдержке, которую я только что сделал из Годвина, переносят нас во времена правления Эдуарда Шестого. Но сначала я должен сказать несколько слов о правлении Генриха Восьмого. Теперь я должен еще раз призвать вас тщательно помнить о различии между обычным и светским духовенством, а также между кафедральными церквями, обслуживаемыми каждым из них по отдельности. В ходе правления Генриха Восьмого все монастырские фонды в Англии были разрушены. Все знают этот факт, но не все ставят его на свое место. Люди говорят о событии, называемом Реформацией, как будто это было единичное событие, произошедшее в какой-то конкретный год, вроде принятия законопроекта о реформе или отрубания головы Карлу Первому. Такого события никогда не происходило. В течение шестнадцатого века произошло очень много церковных изменений, но эти изменения произошли не все сразу, и многие из них не имели непосредственной связи друг с другом. Прежде всего, не воображайте, что старая церковь была разрушена и основана новая; не воображайте, что собственность была отобрана у одной группы духовенства и передана другой группе духовенства. Ничего подобного никогда не происходило. Большие изменения были внесены в Церкви Англии, изменения, которые, как некоторые люди в то время думал, зашел слишком далеко, и которые, как думают другие люди, не пошла достаточно далеко. Но эти изменения никоим образом не затронули то, что мы могли бы назвать личной идентичностью Церкви до и после них. Помните, что я говорю не о богословии, а об истории. Никто здесь не подумает, что я, как никто другой, отрицаю власть парламента ликвидировать Церковь, если он видит для этого веские причины; я только говорю, что, на самом деле, эта власть не осуществлялась парламентом в шестнадцатом веке. Были произведены определенные церковные изменения; определенные церковные основы были подавлены; но сама Церковь продолжала существовать. Свержение власти римского епископа, упразднение монастырей, введение английского молитвенника и Статей были тремя разными событиями, произошедшими в три разных времени и не имевшими прямого отношения друг к другу. Монастырские фонды признавали верховенство короля так же полно, как и светские фонды, и после того, как монастыри были упразднены, мессы продолжали служить в соборах, коллегиальных и приходских церквях, как это было раньше. И пусть никто не воображает, что два известных нам подавления в царствование Генриха Восьмого, подавление малого и большого монастырей, были первыми случаями подавления церковных фондов, известными в Англии. Верховная государственная власть в Англии во все века, как и в наши дни, осуществляла ту власть над светскими делами Церкви, которую по своей природе она должна осуществлять над всем. Кардинал Уолси закрыл ряд небольших монастырей, чтобы передать их пожертвования своим колледжам в Ипсвиче и Оксфорде.^[176] До этого, в правление Генриха Пятого, Иностранные приораты, то есть монастыри, которые зависели от монастырей в зарубежных странах, были подавлены Актом парламента.^[177] Основное различие заключается в том, что в этих случаях монастыри подавлялись по веским политическим причинам, а их доходы направлялись на полезные общественные цели, в то время как при подавлении при Генрихе и Кромвеле все, о чем думали, было борьбой короля и его придворных за свою личную шкуру.^[178] Самый отвратительный хаос и святотатство царили среди самых благородных и священных тканей страны. Нам достаточно добраться до Гластонбери, чтобы увидеть запустение самого почитаемого места в Британии, тщетно просить указать места захоронения наших королей и героев и поднять глаза на высоту, где последний настоятель этого великого

дома получил мученический венец, вместо того чтобы предать свое доверие и обеспечить собственное обогащение и продвижение по службе, умышленно отдав свою церковь незаконным торгам разорителя.[179]

Но сейчас нам предстоит главным образом увидеть, как эти различные изменения повлияли на конституцию и положение нашей уэллсской церкви. Поскольку Уэллс был светским учреждением, подавление монастырей его нисколько не затронуло; Гластонбери и Бат пали, но Уэллс продолжал жить так же, как и раньше. Во всяком случае, церковь Уэллса выиграла от подавления, поскольку таким образом была восстановлена в том ранге, который она занимала до правления Джона де Виллула. Как я уже говорил, церковь Бата была ликвидирована вместе с другими монастырями, и Актом парламента 1543 года капитул Уэллса снова стал единственным капитулом Сомерсетширского епископства.[180] Несомненно, верно, что в течение трех лет, с 1537 по 1540 год, благочинием нерегулярно руководил фаворит короля, лорд Кромвель, который, конечно, как мирянин, не мог выполнять свои обязанности.[181] Это было большое оскорбление, но это было не совсем новое оскорбление. Чтобы не искать дальше, отметим, что ранее, в правление Генриха, два деканата Эксетера и Уимборна одновременно принадлежали двоюродному брату короля, Реджинальду Поулу, который впоследствии стал кардиналом и архиепископом, но тогда еще не принял священный сан. Реджинальд Поул, безусловно, изучал богословие - описание, которое вряд ли применимо к Томасу Кромвелю; и все же Поул так же мало мог выполнять обязанности декана Эксетерского, как Кромвель мог выполнять обязанности декана Уэллсского.[182] Только во времена правления Эдуарда Шестого систематические хищения в церковных учреждениях, в отличие от их регулярного подавления, нахлынули подобно наводнению. Первая партия уничтожения действительно была произведена обычным и законным способом. В первый год его правления (1547) все часовни и колледжи были упразднены, пощадили только соборные капитулы, колледжи в университетах и несколько других.[183] Упразднение часовен, где служились мессы за упокой душ конкретных людей, неизбежно последовало за изменением доктрины; но общее упразднение колледжей, которое привело к уничтожению капитулов в Беверли, Уимборне и множестве других мест, было чистым разрушением, а не реформацией. Затем последовало всеобщее разграбление епископств, капитулов и церковных учреждений в целом, которое началось при Эдуарде и продолжилось снова в форме, на один градус менее бесстыдной, при Елизавете. Епископа обычно заставляли обменивать поместья своего престола на какой-то мнимый эквивалент, обычно в виде неподобающей десятины. Ни одна церковь не пострадала от этого больше, чем церковь Уэллса. Уильям Барлоу, ставший епископом в 1547 году, в первый год правления Эдуарда Шестого, был вынужден в течение того и следующего года уступить Эдуарду, герцогу Сомерсетскому, практически все, что принадлежало епархии, включая сам дворец Уэллс, в обмен на несколько домов священника.[184] Большая часть этого имущества была потеряна навсегда, но многое было возвращено самим Барлоу после казни герцога и его преемником Гилбертом Борном во времена королевы Марии.[185] Нам нелегко представить, что было время, когда дворец перестал быть домом епископа и превратился в жилище дворянина-мирянина. И когда мы вспоминаем, что этот дворянин-мирянин, помимо получения бесконечных поместий в других местах, был также получателем грантов и разрушителем аббатства Гластонбери, мы получаем хороший пример того, как растрачивалась собственность Церкви не на общественное благо в какой-либо форме, а на личное обогащение жадных придворных. Из других построек в Уэллсе в 1541 году пал приорат Святого Иоанна. Я должен пояснить, что это был не монастырь, а

больница, хотя ее главный служащий носил титул настоятеля.[186] Колледж церковных священников пал в результате Акта 1547 года;[187] затем грабители напали на имущество Ордена и отдельных его членов. Поместья благочиния были поглощены, и, чтобы подлатать новый фонд для благочиния, был принят Закон об упразднении должностей проректора и заместителя благочинного, поместья которых сформировали новый корпус благочиния.[188] Но, как и в случае с землями Епископства, так и в случае с землями Деканата, большая часть была возвращена во времена королевы Марии; так что, поскольку должность ректора и заместителя священника так и не были восстановлены, я подозреваю, что деканы в конце концов выиграли от своего разграбления. Некоторые из общих владений Капитула также были утрачены и частично возвращены епископом Борном, как и земли Архидьяконства; но дом архидьякона, о котором я уже говорил, остается отчужденным по сей день.[189]

Это примеры грабежей, многие из которых определенно незаконны, все они совершались не для общественного блага, а для частного обогащения, которым подвергались наши епископства, Капитулы и другие церковные учреждения в течение шестнадцатого века. Но в Уэллсе эти грабежи оказали важное влияние на устройство церкви. Были подняты юридические вопросы относительно права как Капитула, так и викариев на свои владения. Было подтверждено, что воссоздание Благочиния каким-то образом повлекло за собой полное упразднение Капитула. Поэтому и Капитул, и Коллегия викариев сочли целесообразным получить от королевы Елизаветы хартии, подтверждающие их права и собственность. Хартия, предоставленная Капитулу, является в высшей степени любопытным документом, потому что очевидно, что Резиденты воспользовались этой возможностью, чтобы получить что-то вроде юридического подтверждения узурпации, посредством которой каноники-иногородние постепенно были лишены своих прав и полномочий. Королева восстанавливает все достоинства и пребенды и заново наделяет их старым имуществом. Затем, как будто обладатели этих званий и пребендов не составляли Капитул, Хартия продолжает основывать Капитул как организацию, состоящую только из резидентов, и передавать им соборную церковь и другое имущество. В заключении говорится, что каноники-иногородние должны иметь голоса в Капитуле, но только с целью избрания епископа.[190] Я не претендую на знание того, какова может быть юридическая сила такого документа, хотя мне определенно кажется, что ничто, кроме Акта парламента, не может отнять у любого человека или любой корпорации любые права, которыми они уже пользуются по закону. Но чего бы это ни стоило, эта хартия является авторитетом для практики, согласно которой в Уэллсе каноники, не являющиеся резидентами, созываются на выборы епископа, а не на другие собрания Капитула, в то время как в Йорке они по-прежнему созываются на каждое собрание. Я не юрист и говорю не как юрист. Но исторически это обман и узурпация. Елизаветинский устав несет в себе свое собственное противоречие; и, как церковный реформатор, я еще раз говорю, что пункт, на котором следует настаивать самым решительным образом, если наши соборные органы когда-либо снова смогут выполнять свои древние функции, - это воплотить в жизнь оба класса Канонов. Резиденции должны быть резидентами, живущими на месте, а не превращать собор в место отдыха, уходящего от дел в другом месте. И чтобы меньшая группа Резидентов снова не скатилась в узкую олигархию, вся группа каноников должна быть снова восстановлена в своих древних правах, не только в формальных выборах епископа, но и во всех тех вопросах избрания, покровительства, дисциплины и бизнеса любого рода, которые выражены в древней формуле "место в хоре и голос в капитуле".[191]

Мне нет нужды останавливаться на двух последующих столетиях. Я скорее поспешу перейти к нашим временам. Последние великие перемены в церкви Уэллса произошли на нашей памяти. Эти изменения многое говорят о рвении и энергии тех, кто их осуществил, но они очень мало говорят об их вкусе и знаниях. Жаль, что они были сделаны именно в то время, когда они были сделаны, когда было вполне возможно хорошо проработать детали — а детали, безусловно, выполнены очень хорошо, — но когда церковное устройство не было понято. Было бы гораздо лучше, если бы церковь оставалась в своем старом состоянии, каким бы жалким оно ни было, еще двадцать или тридцать лет. Как бы то ни было, изменение было внесено в одном смысле настолько неудачно, что сделало все это притчей во языцех, в другом смысле настолько удачно, что, боюсь, в ближайшее время у нас мало шансов отменить его. Были совершены некоторые вещи, которые представляли собой настоящий хаос, поступки, достойные только самого Протектора Сомерсета. Что сделали те епископы, чьи фигуры можно увидеть в подвале здания Капитула, что их сорвали со своих мест и заключили, так сказать, в посмертную темницу? Что такого сделал наш знаменитый Бекингтон, что его балдахин унесли и установили там, где он, ничего не прикрывая, выглядит просто нелепо и бессмысленно? Конечно, даже это было не самое низкое достижение, уготованное великому благодетелю. Его навес еще предстояло изуродовать и двигать взад и вперед, чтобы лучше показать самые отвратительные печи, которыми человеческая извращенность когда-либо уродовала древнее здание.^[192] Когда мы думаем о хаосе прошлого года, то наполовину склонны простить хаос двадцатилетней давности. И все же невольно задаешься вопросом, почему длинные непрерывные ряды партера, придающие такое достоинство хорам Винчестера, Эли и Манчестера, были оставлены ради абсурдного расположения партера по частям между колоннами и это настолько уменьшает их количество, что, если когда-нибудь соберется весь Капитул, некоторым менее удачливым каноникам придется сидеть на коленях у других?^[193] Зачем все это было сделано? Я хорошо знаю ответ. Это было сделано для того, чтобы освободить место для прихожан; было сочтено большим подвигом увеличить ширину хора и таким образом получить еще несколько мест для сидения, разместив партер между колоннами, а не на положенном месте перед ними. Сейчас обеспечивать прихожан — прекрасная задача, но мудрость наших предков уже нашла достаточно места для прихожан совсем другим способом. Знали ли те, кто планировал последние обустройства Уэллсского собора, что там был неф, и, если они знали это, то с какой целью, по их предположению, этот неф был построен? Епископ, входящий через монастырскую дверь, возможно, никогда и не узнал бы, что там вообще был неф; но декан, входящий с западной стороны, должно быть, увидел, что между этой дверью и его собственным прилавком было много строений, и можно было бы подумать, что он, должно быть, иногда останавливался, чтобы подумать, с какой целью было возведено это здание. Был ли этот длинный ряд арок, этот парящий свод сделан просто как место для протирания обуви перед началом службы или для болтовни после ее окончания? Я думаю, что у Роберта и Джослина были лучшие представления о соответствии средств целям, чем о том, чтобы создавать такую большую работу для таких мелких целей. Когда в Уэллсе вносились последние изменения, эти элементарные вопросы, по-видимому, не приходили в голову людям. Если бы с этой работой повременили до сих пор, Уэллс, возможно, не был бы, как сейчас, предметом порицания и притчей во языцех среди священнослужителей Англии, но мы могли бы занять свое место рядом с нашими собратьями в Чичестере, Херефорде, Личфилде и Лландаффе. Истина, какой бы простой она ни была, хотя многим она кажется такой странной, заключается в том, что неф собора, как и любой другой церкви, — это не что иное, как место для собрания прихожан. Есть что-то удивительное в том, с какими трудностями, по-видимому, сталкиваются некоторые люди при восприятии столь

простого факта. Это то, что я говорю снова и снова, а люди пьются и, кажется, не понимают, что я имею в виду. И все же я не выдвигаю никакой собственной мечты; я говорю о том, что является очевидным фактом во многих других местах, и о том, что легко могло бы стать очевидным фактом и в Уэллсе. Я не прошу вас отправляться на край света; я даже не прошу вас отправляться в такие места, как Эли и Дарем, в отдаленных частях нашего острова. Короткая поездка приведет вас в Лландафф, а поездка чуть более продолжительная приведет вас в Херефорд, и там вы увидите английские кафедральные церкви такими, какими они должны быть, но какими не являются церкви Уэллса. Войдя в церковь Уэллса, вы оказываетесь в огромном пустом пространстве; перед вами сплошная стена с органом наверху отгораживает небольшую часть церкви, которая единственная используется для богослужения. В эту маленькую часть, изначально предназначенную только для духовенства и хора, вся паства набита, забита, втиснута без различия; или, скорее, есть различие, и слишком большое различие, но это различие совершенно неправильного рода. Может ли маленькое пространство, в котором мы находимся, быть общей церковью епархии, церковью епископа, церковью его паствы? Увы! это слишком похоже на частную часовню полудюжины священнослужителей и их друзей. Подумайте также о жгучем стыде за присвоенные места в хоре собора. Золотое кольцо и красивая одежда вскоре оказываются на главных местах синагоги, в то время как бедняку в мерзкой одежде бессознательная ирония приказывает пойти и еще больше заполнить пространство, которое следовало бы оставить пустым, чтобы придать достоинство подходу к Божьему алтарю. Можно ли таким образом заставить весь народ епархии чувствовать себя как дома в храме, который был построен для них? Является ли это способом укрепить Церковь, которая, кажется, уклоняется от провозглашения себя Церковью Народа и которая, кажется, цепляется за призрачное достоинство быть Церковью немногих избранных? Десять арок нефа пустуют, и верующий, ищущий место, должен спросить: "Этот или другой человек, вероятно, придет сегодня?", прежде чем можно будет безопасно вторгнуться в священное для исключительности место. Пересеките Ла-Манш, и вы увидите еще одно зрелище. Войдите в западную дверь церкви Лландафф, и прямо перед вашими глазами встанет алтарь, возвышающийся в подобающем величии. Под ним, открытый для всех, находится епископ на своем троне, духовенство и певчие в своих партере. Длинный неф заполнен народом, верующими города и епархии. Ничто не отличает верующих, занимающих более высокое мирское положение; ничто не отличает семьи высокопоставленных лиц собора от их братьев-христиан более низкой ступени. Вот церковь, какой она должна быть;[194] можем ли мы применить это название к нашей собственной церкви такой, какая она есть? Вот великая реформа; вот одна великая работа, которую предстоит совершить. Сделайте церковь снова церковью, прежде чем мы займемся обогащением здания. Очистите чашку и блюдо изнутри, а украшением внешней стороны можно заняться позже.[195] Не поймите меня превратно; не думайте, что я напрашиваюсь на жалкую полуиронию, которая называется "служением в нефе". Мы знаем, что это значит; мы видим это один или два раза в год; это означает возвращение к хаосу. Это означает фальшивый алтарь, фальшивые прилавки, фальшивое все. В те самые моменты, когда присутствует необычно большое количество соборного духовенства, они не могут занять подобающие им места, и их загоняют в беспорядке на места собрания. Чего я хочу, так это служения в нефе и на хорах одновременно. Затем приходит ответ: "О, но это невозможно; мешает ширма". Решение простое: опустите сетку вниз.[196] Есть церкви, где столь простое средство не могло быть так легко применено. В церквях огромных размеров Кентербери, Йорка и Винчестера, где также ширма часто является произведением великой древности и архитектурной красоты, несомненно, возникают реальные трудности на пути реализации плана,

за который я борюсь. Плотная ширма, отделявшая хоры от нефа, находилась на своем месте в монастыре, где церковь действительно принадлежала монахам, где люди присутствовали только по принуждению и где монахи нуждались в подобном укрытии во время своего полуночного богослужения. Но в кафедральном храме, который существует ради блага всей епархии, такие ширмы с самого начала были злоупотреблением, которого никогда не следовало вводить. И все же нам следует дважды подумать, прежде чем снимать древние и великолепные ширмы, которые разделяют нефы и хоры некоторых из наших великих храмов. Но в Уэллсе с этим вообще нет никаких трудностей. Размеры церкви умеренные, и ширма не представляет архитектурной ценности. Сруби ее; зачем загромождать ею землю? Разрушите среднюю стену разделения, которая направлена против нас, и позвольте жителям епархии Уэллса снова иметь свою собственную церковь. Разве вы не почувствовали этого недостатка на последней великой церемонии, состоявшейся в этом месте, когда наш новый епископ прибыл, чтобы вступить во владение своим престолом и показать себя отцом среди своих детей? Эта церемония, которая по самой своей природе должна была совершаться на глазах у всего населения епархии, могла быть совершена только на глазах у немногих избранных. Это было совсем другое зрелище, которое я увидел два года назад в кафедральном соборе Байе. Там я видел возведение на престол нового епископа этого престола, — епископа, могу добавить, который в данный момент храбро защищает галликанские свободы от римской узурпации. Обряд совершался на глазах у всего мира, и весь этот благородный храм был заполнен духовенством и мирянами от западной двери до главного алтаря. Не говорите мне о невозможном; то, что было сделано в Личфилде, Херефорде и Лландаффе, может быть сделано и в Уэллсе. Я помню, что Лландафф превратился в руины; идите и сами посмотрите, что это сейчас. Я помню хор Личфилда в гораздо худшем положении, чем когда-либо был хор Уэллса. Я помню, что она отгорожена от нефа, застеклена и оштукатурена, а место для прихожан нашли, построив в ней часовню Пресвятой Богородицы. Сходите и посмотрите, какой сейчас является образцовая Англиканская церковь. "О, но если мы будем в нефе и если алтарь будет поднят, как в Лландаффе, мы не сможем заглянуть в часовню Пресвятой Богородицы". Конечно, вы этого не сделаете; но из всех возможных законных и незаконных способов использования капеллы Пресвятой Богородицы то, что она выступает в качестве пип-шоу для хора, определенно никогда не приходило в голову ее основателям. Но если вы не сможете увидеть часовню Пресвятой Богородицы, вы сможете увидеть нечто гораздо лучшее: вы сможете увидеть то, чего никогда не видели; вы увидите внутреннюю часть самого кафедрального собора. Вы увидите величественное целое, от западной двери до главного алтаря, каждая часть которого выполняет свою надлежащую функцию и, как простой вид, представляет собой гораздо более благородное зрелище, чем прелестный вид на восточные часовни, которые были бы утрачены. И затем следует другое возражение. "О, но если мы будем в нефе, мы никогда не сможем услышать". *Solvitur audiendo*. Если исполняющий обязанности священника будет что-то бормотать, вы, конечно, не услышите; если он будет петь так, как по крайней мере один из нас умеет петь, вы можете слышать до конца аббатства Святого Альбана. Легкая открытая ширма, какую вы видите в Личфилде и Херефорде, никоим образом не мешает зрению и слуху; и для тех частей богослужения, для которых пение непригодно, для проповеди и уроков, проповедник или чтец, конечно, выйдет в неф. Кафедра готова для него, аналой готов для него, и новое устройство кафедры, столь гротескно воткнутое напротив епископского трона, могло бы, я думаю, быть сметено без того, чтобы кто-нибудь заплакал по этому поводу. Но из старой кафедры, причудливого дизайна семнадцатого века, я извлеку урок. На нем написано: "Будь мгновенным во время и не во время", и мгновенным во время и не во время буду я, и пусть каждый, кто думает вместе со мной, тоже будет, пока мы не разрушим унылую массу

предрассудков и невежества, которые стоят на нашем пути. Мы должны работать до тех пор, пока не дадим новую жизнь тому, что не умерло, а только спит, — пока мы не реформируем наши древние институты на их древних принципах, — пока мы не сметем все следы дней жадности и невежества, — пока плюралистические деканы и иногородние Резиденты не уйдут в прошлое, - пока мать—церковь епархии снова не станет церковью епископа и церковью его паствы, открытой для всех, бесплатной для всех, двери которой никогда ни перед кем не запираются, и где каждый дюйм от западной двери до ширмы готов для людей не только для того, чтобы восхищаться, но не поклоняться. Так давайте же реформироваться, чтобы другие не разрушили. Истинный консерватор всегда остается истинным реформатором, а истинный реформатор всегда остается истинным консерватором. Если мы хотим сохранить сущность наших учреждений, мы должны искоренить их злоупотребления. И ни одно из наших учреждений не является более благородным в своей теории, ни одно не пришло в более печальное упадок в своей практике, чем наши древние кафедральные церкви. Англиканская церковь в этот момент находится под судом, и, прежде всего, ее институты, фонды ее кафедрального собора находятся под судом. Никогда не было момента, когда еще немного сна было бы менее уместно в распорядке дня. Те, кто вместе со мной любит и почитает эти древние ткани и устои, те, кто, стремясь к их реформированию, тем самым стремится к их сохранению, обязательно встанут и будут действовать. Работа началась; везде, где есть воля, есть и путь; многие древние служители облачились в новые одежды, как по своей материальной ткани, так и по богослужению, совершаемому в них. Почему мы должны отставать от наших соседей? Почему ошибки двадцатилетней давности должны висеть у нас на шее, как сабо? Несколько необходимых реформ действительно, этого нельзя было бы сделать без законодательной помощи, но не нужен Акт парламента, чтобы сделать неф Уэллсского собора таким же по-настоящему живым существом, таким же по-настоящему местом настоящего и живого богослужения, как нефы Лландаффа и Личфилда. Рвение, не соответствующее знанию, обрекло нас на пагубу реставрации, которая была произведена слишком рано. Всякий раз, когда рвение, сопровождаемое знанием, становится авторитетом среди нас, как это уже было среди других, работа будет выполнена.

Примечания.

ЛЕКЦИЯ I.

[39] "Дом милосердия благородных паупертатис" - это стиль больницы Святого Креста близ Винчестера, расширенной кардиналом Бофортом. Смотрите Лицензию на регистрацию в Monasticon, vii. 724.

[40] Я имею в виду дебаты в Палате общин по шотландскому законопроекту о реформе 1868 года, когда обсуждалось, следует ли лишить избирательных прав Уэллса или Ившема.

"Сэр Лоуренс Полк утверждал от имени Уэллса, что это "город-собор великой древности". Этот призыв от имени светских людей был немедленно встречен монашеским рвением сэра Джона

Пакингтона, который смело ответил, что если Ившем "не может похвастаться кафедральным собором, то он может похвастаться одним из самых красивых аббатств в Англии". Нам было бы жаль подозревать добрый город Ившем в каких-либо анабаптистских тенденциях, но несомненно, что, если он хвастается тем, что вкладывает в свои уста член парламента от Дройтвича, он принадлежит к разряду тех, кто хвастается ложью ... Мистер Гладстон никогда не бывал в Ившеме; мы не знаем, чтобы какое-то особое чувство долга привело его туда; но сэр Джон Пакингтон, уроженец Вустершира, наверняка посещал какой-нибудь район в своем родном графстве. Как же тогда насчет прекрасного аббатства, одного из самых красивых в Англии? Любой, кто бывал и в Уэллсе, и в Ившеме, должен знать, что Уэллсский собор все еще стоит, в то время как Ившемское аббатство, сохранив свою колокольню и небольшой фрагмент стены, давно прекратило свое существование. Но можно спросить обоих спорщиков, предоставил бы ли сэр Лоуренс Полк в своем рвении к соборам избирательные права Эли и Сент—Дэвиду — или сэр Джон Пакингтон в своем рвении к аббатствам восстановил бы Сент-Олбан и предоставил избирательные права Ромси". -*Субботнее обозрение*, 11 июля 1868 г.

[41] Эта лекция была прочитана в период между избранием и вступлением в должность нынешнего епископа, лорда Артура Херви.

[42] Строго говоря, Западносаксонское епископство было впервые размещено в Дорчестере в Оксфордшире в 635 году, а окончательно престол в Винчестере утвердился только в 670 году. Период между этими годами был периодом большой неразберихи. См. *Bæda, Hist. Eccl. iii. 7.* Флоренс Вустерская, i. 235. Стаббс, *Registrum Sacrum Anglicanum*, 161.

[43] См. *Bæda*, ст. 18, и Хронику 709 г. н. э. Первым епископом в Шерборне был Элдхельм. Прочтите "Его жизнь" Уильяма Малмсберийского в Уортоне, Священная Англия, ii. 20.

[44] См. Флоренс Вустерская, i. 236. Уилл. Мальм. *Gesta Regum*, ii. 129. *Gesta Pont. in Scriptores post Bædam*, 144 b; *Canonicus Wellensis in Anglia Sacra*, i. 554; Stubbs, 13.

[45] В 710 году Ине одержал победу над королем Корнуолла Герентом; в 722 году о Тонтоне говорится как о городе, который построил Ине. Это фиксирует основание Тонтонна в течение того времени. Смотрите Хроники под этими годами.

[46] Обо всем этом см. *Anglia Sacra*, i. 553, и *Historiola de Primordiis Episcopatus Somersetensis* в Церковных документах Хантера, стр. 10. Предполагаемый устав Синевульфа можно найти в "Дипломатическом кодексе" Кембла, i. 141.

[47] Чаулин покорился Топору в 577 году; Сенвилх - Паррету в 658 году; Мы, как видим, дошли до Тонтонна. О Севлине см. статью доктора Геста в "Археологическом журнале", xix. 193.

[48] То есть современные графства Монмут и Гламорган.

[49] Это показано в различных отрывках из Законов Ине. См. Законы и институты Торпа, i. 119, 131, 147, 149.

[50] Смотрите всю историю ранней церкви Гластонбери в первой главе книги профессора Уиллиса "История архитектуры аббатства Гластонбери".

[51] Смотрите "Архитектурную историю Кентербери" Уиллиса, стр. 20; то же самое с Винчестером, стр. 34.

[52] Здесь не сказано так много слов о том, что церковь Дунстана была каменной, но ясно, что это было так, как потому, что от нее отличается "лигнейская базилика", или деревянная церковь, и потому, что Осберн, биограф Дунстана (*Anglia Sacra*, ii. 100), говорит о нем как о закладчике фундамента, чего вряд ли можно было сказать о деревянной церкви.

[53] Смотрите описание канонов Уолтема в книге "Изобретение" и канонов Реймса в Richer, iii. 24.

[54] Я подробно обсуждал это в своей "Истории нормандского завоевания", ii. 571, изд. 2.

[55] Когда капитул должен избрать епископа, направляются два совершенно разных документа; во-первых, *congé d'élire*, который признает несомненное право Капитула избирать и дает им полное разрешение избирать, только с небольшим хорошим советом относительно того, какого человека следует выбрать. После этого, в качестве своего рода запоздалого размышления, приходит *официальное письмо* или *рекомендательное письмо*, рекомендуемое конкретного человека для избрания.

[56] Имена первых епископов, о которых сохранилось очень мало, можно найти в "Каноне Уэллса", "Священная Англия", i. 556, и в "Каталоге английских епископов" Годвина, 290.

[57] Он был "уроженцем Саксонии", - говорит его преемник Гиза в "Historiola de Primordiis EpiscopatuS Somersetensis". См. Нормандское завоевание, ii. 583.

[58] См. Годвин, стр. 291.

[59] *Anglia Sacra*, i. 559.

[60] См. *Historiola*, 15-18; г-н Дж. Р. Грин в Трудах Сомерсетширского общества археологии и естественной истории, 1863-4, стр. 148; и *Norman Conquest*, ii. 674.

[61] Примеры см. в *Norman Conquest*, ii. 549.

[62] Смотрите предписание, единственное сохранившееся предписание Гарольда, в Дипломатическом кодексе Кембла, iv. 305.

[63] После упоминания обещания Гарольда Гиза (*Historiola*, стр. 18) добавляет: "займитесь осенним правосудием божественных истин", и продолжает говорить о двух битвах Гарольда и его смерти.

[64] *Historiola*, p. 19, "publice vivere et inhoneste mendicare necessariorum inopia antea coegerat."

[65] Историю Германна см. в "Нормандском завоевании", ii. 401.

[66] Об этих местах см. *Historiola*, стр. 18, 19. Но с таким же успехом можно сказать, что хорошо известная хартия Эдварда Гизе, напечатанная в *Cod. Dipl.* iv. 162, несомненно, является поддельным, хотя он полезен для указания названий мест по соседству в более старых, хотя и не всегда старейших формах.

[67] Правление Хродеганга будет подробно описано в книге Д'Ашери "Spicilegium", i. 565; и см. Norman Conquest, ii. 84.

[68] Речь шла о 969. Изменения, произошедшие с Адальберо, подробно описаны Ричером, iii. 24, в небольшой коллекции Перца.

[69] См. Norman Conquest, ii. 84.

[70] В Книге Страшного суда, стр. 89-89 *b*, земля канонов подчинена земле епископа; "Canonici Sancti Andreæ tenent de Episcopo". Во многом то же самое относится и к канонам Эксетера на стр. 101 *b*. В "Оправдании Страшного суда" (71) "Исаак предпоситус Канонический Святой Андрей" упоминается по имени.

[71] Historiola, 21: "Гробница есть в церкви как рексерат, в гемицикло [полукруг или круглая арка] фактически в части аквилонского пропуска алтаря, но Дудуко-преемник, потому что гроб есть меридиан рядом с алтарем".

[72] Будет. Мальмс. Жест. Perg. iii. 300. "Pronunciatum est secundum dicta canonum ut episcopi transeuntes de villis constituerent sedes suas in urbibus diœcesium suarum." Это было в 1072 году, но перемены в Уэллсе произошли не сразу.

В другой своей книге, "Gesta Pontificum" (144 *b*), он говорит, что Иоанн "minoris gloriæ путаны си в вилле пребывают в бесславии, передают трон в Батонии животным намерениям".

[73] Уильям Малмсберийский в последнем процитированном месте говорит: "Сесси эним Андреас Симони фратри, брат майор минори".

[74] Смотрите Хроники под номером 577 и примечание 9.

[75] Уставы приведены в Dugdale's Monasticon, ii. 66, 67. In the second charter of Henry the First he speaks of "Batha ubi frater meus Willielmus et ego constituimus et confirmavimus sedem episcopatus totius Summersetæ, quæ olim erat apud villam quæ dicitur Wella." Пожалование города, подтвержденное в этой хартии Генриха, оформлено в хартии Уильяма Руфуса на той же странице.

[76] Так говорит Уильям Малмсберийский в цитируемом последним отрывке: "Aliquantum dure in monachos agebat, quod essent hebetes et ejus estimatione barbari".

[77] В "Историоле" упоминается разрушение зданий Гизы, а "Канон Уэллса" добавляет (Anglia Sacra, i. 560): "Фундамент для первичного проживания в Сибири и его преемника при узурпации, дворец suum episcopale там же сконструирован".

[78] Смотрите "Архитектурную историю Винчестера" Уиллиса, 34, 35.

[79] Historiola, стр. 22. "Канонические форумы, посвященные совместным действиям всего живого населения".

[80] История Хильдеберта, Джона и должности ректора приводится как в "Историоле", так и в "Канонике Уэллса". Несколько писем, в которых обсуждался этот вопрос, появились в журнале

Gentleman's Magazine в 1864 году в номерах за февраль, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, особенно одно от мистера Стаббса за ноябрь.

То, что Хильдеберт был братом епископа Джона, явствует из устава епископа Роберта (который мне придется процитировать снова) в "Монастиконе", ii. 293, где епископ Джон назван дядей регента Реджинальда.

[81] Это приводится позже в "Историоле", стр. 24.

[82] The Canon (p. 560) says, "Licet ipse confractus senio inde pœniteret, tamen ædificia canonicorum destructa minime reparavit, nec fundum eis injuste ablatum restituit." Но "Историола", по-видимому, подразумевает, по крайней мере, цель реституции, поскольку ее слова таковы: "Раскрытие протока совершенного святотатства, возвращение и исчезновение, и возвращение останков по сценарию. Johannes vero Archidiaconus terras quas pater suus obtinuerat per hæreditatem et præposituram canonicorum nihilominus sibi usurpavit."

[83] Устав напечатан в "Монастиконе", ii. 268.

ЛЕКЦИЯ II.

[84] Историола и Каноник называют Годфри просто "Тевтоникусом"; но из "Продолжателя Флоренс Вустерской" (ii. 78) и "Анналов Уэверли" (Ann. Mon. ii. 219) следует, что он был канцлером королевы Аделизы. Мы вряд ли можем сомневаться в том, что он был одним из ее соотечественников из Нидерландов.

[85] Этот рассказ о нем приводится как Историолой, так и Каноном (англ. Sacr. i. 561), который приводит в качестве причины своей миссии в Гластонбери: "eo quod non recte eorum aratra incedebant". Его происхождение происходит от Продолжателя Флоренции (ii. 95), который говорит, что он был "Flandrensis genere, sed natus in partibus Angliæ".

[86] Historiola, стр. 25.

[87] Смотрите соглашение в примечании Уортона, Anglia Sacra, i. 561.

[88] Этот акт опубликован в "Монастиконе", ii. 293.

[89] Historiola, p. 24: "Ipse ecclesiam Beati Petri Apostoli de Bathoniâ magnis c[=u] expensis construi fecit."

[90] Англ. Sacr. i. 561: "Complevit fabricam ecclesiæ Bathoniensis per Johannem Turonensem inchoatam." Это, по-видимому, подтверждается словами самого Иоанна в хартии, которую я уже цитировал (Monasticon, ii. 268), датированной 1116 годом, и где он говорит, что он откладывает доходы города Бат "ad perficiendum novum opus quod incepti".

[91] Historiola, p. 24: "Capitulum quoque et claustrum, dormitorium et refectorium et infirmatorium, nihilominus ædificari fecit."

[92] Historiola, стр. 24. См. Выше, стр. 39.

[93] Историола (стр. 25) упоминает только благочиние и регентство, основанные Робертом. "Decanatum in ecclesiâ constituit, et Decanum et Præcentorem primos ordinavit." But the Canon (p.

561) says, "Ordinavit etiam in ecclesiâ Wellensi Decanum et Subdecanum, Præcentorem et Succentorem, Thesaurarium et Cancellarium, *quem vocavit Archiscolam* in statutis ecclesiæ Wellensis, quæ ipse primus edidit omnium in eâdem." (Роберт, первым выделивший Капитул в отдельную корпорацию, естественно, был его первым законодателем.) Он добавляет: "Тум Деканус, Субдеканус и т.д. non habebant tunc temporis illa beneficia eis annexa, quæ eorum successores nunc habent in ecclesiâ antedictâ." Но в акте, которым епископ Роберт основывает благочиние и разделяет владения церкви на пребенды (Monasticon, ii. 293), не упоминается ни один сановник, кроме декана и регента; а церковь Вуки, которая впоследствии принадлежала заместителю декана, особо упоминается как принадлежащая декану. Это определенно выглядит так, как если бы Роберт основал только благочиние и регентство. Но, если они и не были основаны Робертом, то они были основаны Джослином, поскольку в Каноне сказано (564): "Джослин основал множество пребендов в церкви Благоустроенной заново, сохранил этимические достоинства, персоналии и официальные предписания церкви, в соответствии с законом".

Обязанности различных должностных лиц церкви не могут быть описаны лучше, чем они описаны епископом Годвином (стр. 294): "Он также первым назначил декана президентом Капитула и заместителя декана, замещающего его в отсутствие; Чаунтера, управляющего капитулом, и младшего Чаунтера при нем; *Чонселлора, обучающего младших Оружейникам*: и, наконец, казначея, следящего за украшениями церкви". Он добавляет: "Должность младшего лейтенанта вместе с должностью проректора в 1547 году. были отобраны и подавлены Актом парламента, чтобы привести в порядок Благочиние, земли и доходы которого были пожраны кощунственными бакланами".

[94] Он сделал то, что сделал "consilio et auxilio illustris Regis Stephani et venerabilis Episcopi Henrici", - говорится в Historiola, стр. 24.

[95] То есть в церквях Бангора и Святого Асафа, а теперь в церквях Святого Давида и Лландаффа. Но до последних изменений в Сент-Дэвидсе и Лландаффе не было деканов, если не считать смутной традиции, что деканом был епископ. В Церкви Святого Давида регент был президентом капитула, а в Лландаффе - архидьяконом. В коллегиальной церкви Саутвелла не было ни декана, ни президента с каким-либо титулом.

[96] *Синекура* - это строго офис *sine curâ animarum*, без лечения душ, не обязательно офис, где нечего делать вообще.

[97] Смотрите цитату в примечании 10.

[98] Я здесь ссылаюсь на Теологический колледж, где должности директора и заместителя директора занимают заместитель декана собора и еще один каноник, которые, следовательно, действительно постоянно проживают, но не имеют права на какую-либо долю в тех правах и доходах, которые достаются тем номинальным резидентам, которые отсутствуют девять месяцев в году.

[99] *Бенефициум* - это слово, постоянно используемое как для обозначения светского поместья, так и для церковной жизни. Наиболее любопытный пример такого использования можно найти в споре между папой Адрианом Четвертым и императором Фридрихом Барбароссой. Папа говорит о своей коронации императора как о дарованном ему "бенефиции". Немецкие епископы были очень возмущены, как будто папа имел в виду, что Империя была феодальным

владением папства. Затем папа объясняет, что "beneficium" означает как *пользу*, так и *бенефицию*. Он думал, что, короновав императора, оказал ему *услугу*, но не претендовал на то, чтобы оказать ему *услугу*. Смотрите "Историю Фридриха" Отто (продолжение Радевича) Фрейзингенского, ii. 15, 16, 22. Скорее всего, папа римский намеренно употребил двусмысленное слово.

[100] Сравните отчет в "Историоле", стр. 24, с хартией Роберта, процитированной выше.

[101] Смотрите Historiola, стр. 26, 27. История начинается примечательным образом. "Quum ... deinceps, glorioso Rege Stephano decedente, Rex præpotens Henricus secundus regni gubernacula suscepisset."

[102] Книга Страшного суда и Дипломатический кодекс полны таких случаев.

[103] His words (Monasticon, ii. 293) are: "Quum igitur ecclesiam Wellensem indebitis præposituræ oppressionibus supra modum afflictam invenimus et gravatam, communicato consilio archiepiscoporum, episcoporum, aliarumque religiosarum Angliæ personarum, exigentibus quoque ejusdem ecclesiæ canonicis, Decanum illic ordinavimus, concessis sibi dignitatibus, libertatibus, et consuetudinibus canonicis ecclesiarum Angliæ bene ordinatarum, et ne in eâdem ecclesiâ pristina tribulatio locum denuo vendicaret, possessiones et prædia quæ ad eam fidelium sunt donatione devoluta in præbendas taliter distribuimus."

"Роджерус Витене", который, как можно было бы подумать, принадлежал к тому же роду, появляется в "Эксетерском страшном суде", стр. 75, как арендатор церкви Гластонбери.

[104] Смотрите письмо епископа Роуланда Ли лорду Кромвелю в "Монастиконе", iii. 199. Он молится, чтобы это было "передано церкви колледжа как Лич [Личфилд]".

[105] По этому вопросу и по другим моментам, касающимся взаимоотношений епископов и Капитулов, было много споров между Робертом Гроссетестом, великим епископом Линкольна, современником нашего Джослина, и его Канониками. Смотрите на стороне Главы, Мэтью Пэрис, стр. 485, 522, 572; и, с другой стороны, собственное письмо Роберта своему Главе в сборнике его писем мистера Луарда, стр. 357.

[106] The words of the Historiola, p. 24, are, "Porro non est oblivioni tradendum quod ecclesia Welliæ suo consilio fabricata est et auxilio." В Каноне (561) сказано только: "Множество разрушений из-за церковных разрушений из-за того, что во множестве общих мест происходит восстановление".

[107] "Ecclesiam sedis meæ perspicuens esse mediocrem", - говорит он в "Historiola", стр. 16.

[108] Хиротония и присутствие трех епископов упоминаются как в Историолах, так и в Каноне.

[109] Вильгельм Малмсберийский, писавший незадолго до Роберта, говорит о церкви Эдварда в Вестминстере (ii. 228): "По сути, композиция - это изначальный закон в Англии, определяющий, что означает достижение цели с минимальными затратами". Мэтью Пэрис (2), очевидно, копируя это, изменяет время, потому что в его время появился другой стиль архитектуры. His words are, "Quam ipse novo compositionis genere construxerat, a quâ post multi ecclesias construentes, exemplum adepti, opus illud expensis æmulabantur sumptuosis."

[110] Канон Уэллса (англ. *Sacr. i. 562*) says of him, "*Multas præbendas in ecclesiâ Wellensi fundavit de novo, multaque alia bona fecit tam Bathoniensi quam Wellensi ecclesiis.*" Он упоминает также о своем дарении поместья Норт-Карри и других земель Капитулу и говорит о нем как о предоставлении первых муниципальных прав гражданам Уэллса, вопрос, который я должен оставить мистеру Серелу.

[111] Смотрите отчет мистера Стаббса о Сэврике в журнале *Gentleman's Magazine* за ноябрь 1863 г., стр. 621, и заметку мистера Грина в Трудах Сомерсетширского общества археологии и естественной истории за 1863 г., стр. 39.

[112] Вся история подробно изложена Адамом Домершемским, монахом из Гластонбери, в "*Священной Англии*", i. 578.

[113] См. *Anglia Sacra*, i. 579. Деканом был Александр, третий декан.

[114] Смотрите споры об "адвокации" или "патронатусе" аббатства в Священной Англии, i. 584, и переписку между епископом Бекингтоном и аббатом Фроумом, переведенную мистером Джорджем Уильямсом в "*Сомерсетширских слушаниях*", 1863, стр. 17. Об условиях сочинения см. стр. 564, 585.

[115] См. Роджер Уэндоверский, iii. 222.

[116] Священная Англия, i. 564. "*Capellas etiam cum cameris de Welles et Woky notabiliter construxit.*" Во дворце в Уэллсе часовня Джослина была реконструирована, и многие здания были пристроены более поздними епископами, но большая часть дома по-прежнему принадлежит ему. В Вуки-Корте, ныне фермерском доме, отдаленном от епархии, от работы Джослина остался только один дверной проем, вероятно, в часовню, но он выполнен в том же стиле, что и дворец и Западный фасад собора.

[117] См. Мэтью Пэрис, стр. 756, изд. Ватс. Он описывает землетрясение как произошедшее за четыре дня до Рождества и говорит, что получил отчет о случившемся в Уэллсе от самого епископа. Это, должно быть, Уильям Баттон Первый, который, однако, не мог быть в Уэллсе в то время, поскольку он был посвящен в Риме 14 июня того же года и вернулся в Англию только на следующий год. *His account of the damage at Wells stands thus, "Tholus quoque lapideus magnæ quantitatis et ponderis, qui per diligentiam cæmentariorum in summitate ecclesiæ de Welles ponebatur, raptus de loco suo, non sine damno, super ecclesiam cecidit, et quum ab alto ruerit, tumultum reddens horribilem audientibus timorem incussit non minimum. In quo etiam terræ motu hoc accidit mirabile; caminorum, propugnaculorum, et columnarum capitella et summitates motæ sunt, bases vero et fundamenta nequaquam, quum contrarium naturaliter debuit evenire."* Тем не менее, при ремонте нефа Уэллса, по-видимому, были внесены большие изменения в основания колонн, чем в их капители.

[118] Мэтью Пэрис приводит список, стр. 522: Абингдон, Уэллс, Ившем, Глостер, Тьюксбери, Уинчкомб (?), Першор, Алсестер, "и многие другие для *regnum English*".

[119] Это были различные работы в церкви и общежитии, выполненные во времена аббата Уильяма, 1214-1235. *Matthew Paris, in the Gesta Abbatum* (i. 280), after describing them, adds, "*Quippe ista conquæstu et industriâ Ricardi de Thidenhangaer, monachi nostri conversi ac camerarii,*

sine obedientiæ suæ defectu vel diminutione, sunt perfecta: *quæ tamen Abbati ob reverentiam sunt adscribenda*. Ille enim facit, cujus auctoritate quippiam fieri dinoscitur."

[120] В "Истории монастыря Святого Петра Глостерского" (i. 29) мы читаем: "Et anno Domini MCCXLII. completa est nova volta in navi ecclesiæ, non auxilio fabrorum ut primo, sed animosâ virtute monachorum item in ipso loco exsistentiam."

[121] Смотрите, в частности, рассказ Джервейса об архитекторах, работавших в Кентербери, Уильяме Сенском и Уильяме Англичанине; Уиллис, 35, 51.

[122] Г-н Серел дает мне ссылку на Заключительные списки Генриха Третьего от 3 октября 1225 года, в которых "король дарует епископу Бата пять марок на работы в церкви Уэллса, такая же выплата будет продолжаться в течение одиннадцати следующих лет в соответствии с королевским даром".

[123] Выдержка приведена в "Монастиконе", ii. 278. Она состоит из серии правил, касающихся сохранения открытыми и закрытыми различных дверей. Дверь, о которой я говорю, описывается как "*magnum ostium ecclesie sub campanili* против клауструма". Это, должно быть, означает дверь в трансепте, под большой центральной башней, а не дверь, ведущую в монастырь из юго-западной башни. Но существование монастыря доказывается упоминанием любого из них, и одинаково странно называть любой из них "*magnum ostium ecclesie*".

В том же документе упоминается и другой дверной проем в монастыре; "*Ostium versus capellam Beatæ Virginis in claustro propter cameram necessariam*." Я полагаю, что эту дверь до сих пор можно проследить на восточной аллее монастыря, рядом с остатками часовни Пресвятой Богородицы в монастыре. Эту часовню следует тщательно отличать от часовни Богоматери в восточном конце церкви. Упоминается также "дуэт Остии *де ла Кароль*, *ex utrâque parte chori*", один из которых далее описывается как "*ostium де ла Кароль против librariam*". Слово *Кароль* или *Карел* имеет несколько значений, но обычно оно означает небольшое углубление или какую-то камеру. Хранились ли книги в одном из трансептов?

Другое упоминание о часовне Богоматери в монастыре встречается в *Anglia Sacra*, i. 566, когда епископ Уильям Баттон Первый, умерший в 1264 году, как говорят, похоронил "в новой капелле Б. Марии Девственной". По этому поводу профессор Уиллис (*Somersetshire Proceedings*, 1863, стр. 21) замечает: "Поскольку его церковь находилась в "*Capella B. Virginis infra claustrum*" (*Liber B*, стр. 62), приведенный выше отрывок относится не к какой-либо часовне Богоматери к востоку от собора, а к зданию другой часовни Богоматери, которая находилась на восточной аллее монастыря в месте, которое обычно отводится капитулу". Под "обычно" профессор, должно быть, имеет в виду "в монастырских фондах". "*Liber B*" - одна из книг, имеющих в распоряжении Капитула.

[124] Смотрите выдержку в примечании 10.

[125] Весь отрывок (стр. 65, 66) наиболее примечателен. Автор критикует Хью, епископа Честерского (или Личфилдского), который изгнал монахов из церкви Ковентри и ввел светские каноны. "*Ædificaverant certatim etiam absentes canonici circa ecclesiam ampla et excelsa diversoria, ad usus forte proprios, si vel semel in vitâ locum visitandi caussam casus offerret. Nullus ibi ex præbendariis, sicut nec alibi faciunt, religiose resedit, sed pauperibus vicariis ad insultandum Deo modicâ mercede conductis, pro foribus palatiorum facientes magnalia, sanctum eis chorum*

victosque Penates et nudos ecclesiæ parietes crediderunt. Hæc est vere vera religio, hanc omnis imitari et æmulari deberet ecclesia. Canonico sæculari ab ecclesiâ suâ, quamdiu libuerit, licebit abesse, et patrimonium Christi ubi, et quando, et in quascumque voluerit voluptates absumere. Id tantum provideant, ut audiat vociferatio frequens in domo Domini. Si ad fores talium pulsaverit advena, si pauper clamaverit, respondebit qui pro foribus habitat, (et ipse satis pauper vicarius,) 'Transite, et alibi alimoniam quærite, quia dominus domûs domi non est.' Hæc est illa gloriosa clericorum religio, cujus gratiâ Cestrensis episcopus monachos suos de Coventreiâ expulit, primus hominum tantum nefas ausus admittere. Caussâ clericorum irregulariter regularium, scilicet canonicorum, ad placitum monachos eliminavit; monachos, qui non vicario, sed ore proprio laudabant Dominum, qui habitabant et ambulabant in domo Domini cum consensu omnibus diebus vitæ suæ, qui præter victum et vestitum nihil terrenum noverant, quorum panis semper præsto fuit pauperi, quorum porta cuilibet viatori quolibet tempore patuit: nec tamen taliter placuerunt episcopo, qui numquam dilexit monachos vel monachatum."

[126] Отчет предоставлен Уильямом Фитц-Стивенем, Джайлзом, i. 257. Исполняющий обязанности священника описывается как "quidam vicarius, Vitalis nomine, homo timoratus et honestus sacerdos". Беренгар, эмиссар архиепископа, обращается к нему: "Не есть его худжус седис Эпископус, сед некий Деканус: видео о служении Иисуса Христа".

[127] Angl. Sac. i. 564: "Vicarios in ecclesiâ singulis Præbendariis ordinavit, tribus exceptis quibus non provisit morte præventus."

Г-н Хаддан в "Новом собрании соборов и церковных документов" (i. 393) печатает отчет о церкви Лландаффа, 1193-1218 гг. Епископ Генри Абергавеннский основал четырнадцать пребендий, обязанности восьми из которых должны были исполнять ("defungi debent") священники-викарии ("Vicarii Sacerdotes"), четырех - дьяконы и двух - иподьяконы. Сейчас число четырнадцати викариев сократилось до двух.

[128] Англ. Sacr. i. 563. "Hic erexit ecclesias parochiales de Ilmestre et Longe-Sutton in præbendas ecclesiæ Wellensis; quarum primam Abbati de Muchelney, secundam Abbati de Athelney et eorum successoribus contulit in perpetuam possidendas." Этих пребенд больше не существует, они исчезли вместе с монастырями, настоятелями которых они проводились.

[129] Этот важнейший устав напечатан в "Монастиконе", ii. стр. 291, 292. Его дата - 1242 год, тридцать седьмой год епископства Джослина. Он записывает, что он сделал для структуры церкви, которую он считал опасной по причине возраста ("periculum ruinae patiebatur pro suâ vetustate". Смотри выше, стр. 67). Он построил, расширил и освятил его ("édificare cœpimus et ampliare, in quâ ... adeo profecimus, quod ipsam ... consecravimus"). Затем он продолжает говорить, что общие ("communa") доходы служителей церкви до сих пор были скудны ("tenuis et insufficiens") и что он много сделал для их увеличения. Таким образом, может показаться, что большая часть церковных владений была разделена на отдельные пребенды, и что до дарения Джослина Капитул как орган сохранил лишь немного. Затем он зачитывает согласие декана и Капитула на свое постановление словами, которые обозначают совершенно иные отношения между епископом и его Капитулом, чем во времена Гизы и Иоанна Турского. The change is made "consensu Johannis Sarraceni, Decani, et Capituli nostri Wellensis, qui pure et simpliciter et absolute, de merâ et spontaneâ voluntate suâ, nostræ super hoc se supposuerunt ordinationi et statuto." Затем

следуют правила, по которым епископ, декан и другие высокопоставленные лица, другие каноники и викарии должны были каждый день по месту жительства получать определенные суммы денег. До сих пор они получали свою ежедневную порцию частично деньгами, частично хлебом. Теперь сумма была увеличена, и она выплачивалась полностью деньгами. Епископ получал тринадцать пенсов, декан и другие высокопоставленные лица - по двенадцать пенсов, каждый простой каноник - по шесть пенсов, каждый викарий - по пенсу за каждый день пребывания. В конце года излишек должен был быть разделен между теми канониками, которые сохранили предписанное место жительства, которое определяется следующим образом: "Резиденты autem interpretamur имеют право на участие в пребывании в прекрасном и всеохватывающем Канонизме *в течение среднего года*, поэтому продолжайте интерполяцию, оставайтесь в villam [так в оригинале] residentiam, претер Деканум, Претерцентр, Канцелларий и Тезаурарий, поскольку интерпретация резидентов si за двоих участвуйте в жизни, продолжайте интерполировать".

Таким образом, у каждого каноника было три доступных источника дохода: его собственный пребенд, ежедневная раздача и раздача в конце года. Первый был независимо от места жительства, последние два зависели от места жительства.

[130] Я должен поблагодарить мистера Серела за рукопись, содержащую некоторые подробности этой странной практики в том виде, в каком она существовала в Уэллсе. В четырнадцатом веке существовал обычай, согласно которому каждый каноник в начале своего пребывания в резиденции устраивал угощение для епископа, декана, каноников, викариев и всех других должностных лиц церкви ("quoscumque alios dictæ ecclesiæ ministros"), стоимость которого часто достигала двухсот марок (133л. 6с. 8д.) или даже ста пятидесяти фунтов стерлингов; суммы, которые по тогдашнему курсу денег, должно быть, были огромными и которые разительно контрастировали с пенсами и буханками хлеба. из более старого ежедневного распределения. В булле папы Бонифация Девятого, изданной в 1400 году, этот обычай осуждается; он объявляется "consuetudo quæ corruptela potius est dicenda", и он говорит об издержках как о "бесполезных суммах в качестве расходов". Вместо этих трат на еду и питье каждый простой каноник при въезде в резиденцию должен платить сто марок, а каждый сановник - сто пятьдесят на содержание ткани и поддержку других церковных обуз ("in subsidium sustentationis fabricae et relevamen supportationis aliorum onerum"). Это был очень тяжелый налог, который мог помешать многим жить; тем не менее, по крайней мере, деньги были потрачены с пользой. Вскоре это было истолковано так, что декан и ординаторы выделили из каждой суммы по десять марок ткани, десять - викариям, а остальное разделили между собой. Эта практика была подтверждена второй буллой папы Николая Пятого в 1433 году; и эти правила были подтверждены Генрихом Восьмым в 1539 году по совету лорда Кромвеля, который, не следует забывать, как настоятель (см. стр. 148), получал долю добычи.

Несмотря на замену бремени застолья фиксированной денежной суммой, похоже, что снова стало обычным "выплачивать эти суммы не только при приеме в Каноническое сообщество [то есть при въезде в резиденцию], но и устраивать грандиозные развлечения для епископа, декана и Капитула [имеется в виду декан и резиденты], пребендарию в городе, викариев, судебных прокторов и должностных лиц церкви, *и их жен*, а также для мэра и Корпорации и других основных жителей Либерти". и Город".

Жены каноников и викариев, конечно, не рассматривались ни папой Бонифацием, ни королем Гарри.

[131] Этот и все другие пункты устава Капитула Святого Давида были рассмотрены архидьяконом Джонсом в "Нашей истории Святого Давида", стр. 310, и далее. Историю Сент-Дэвида на протяжении всей истории стоит сравнить с историей Уэллса.

[132] В Хартии Елизаветы, о которой мне придется говорить снова, каждый из восьми Резидентов обязан проживать три месяца в году; и, если Сановник, четыре. Такое расположение всегда давало бы по крайней мере два канона одновременно.

[133] Круглое, а не многоугольное здание капитула в Вустере, где стиль все еще романский, вероятно, является самым ранним примером, а в Хоудене - самым поздним. Линкольн, Вестминстер, Солсбери, Личфилд и Маргам также являются примерами. Более ранние и более поздние капитулы, как в Кентербери, Дареме, Бристоле и Эксетере, имеют продолговатую форму, иногда с апсидальным концом.

[134] Самый грандиозный пример таких подпольных помещений, о которых я знаю, находится под общежитием Баттл-Эбби. Устройство церкви определялось расположением главного алтаря, который отмечал место установки английского штандарта. В результате общежитие было перенесено за склон холма, и поэтому его пришлось поддерживать с помощью подвала, который на крайнем южном конце поднимается на огромную высоту.

Подземелье капитула Уэллса - не более склеп, чем подземелье дворца или капитул в Лландаффе, который просто состоит из четырех сводчатых пролетов с центральной колонной, как и многие подземелья подобного рода.

Подземелье дворца в Уэллсе имеет параллель с более ранним временем в великолепном образце романского стиля в епископском дворце в Анже.

[135] Здесь я должен процитировать профессора Уиллиса, о чем сообщается в Бристольском томе, стр. xxviii. "Первое, на что следует обратить внимание, стоит под датой 1286 года, когда был созван Капитул и перед ними была поставлена настоятельная необходимость, вытекающая из состояния церкви, не только в том, чтобы закончить новую структуру, которая была начата давным-давно, но и в том, чтобы вся структура могла быть отремонтирована и поддерживаться, и были проведены такие новые постройки, какие были необходимы. Однако, сравнивая вероятную дату постройки здания, которое, как я полагаю, можно назвать новым строением, в 1286 году, можно сказать, что это может быть только капитул; и нижняя его часть, обычно называемая криптой, была, как я заключаю, достроена именно тогда.... Структура здания капитула состоит из двух частей, и совершенно очевидно, что склеп был отделен от верхней части очень значительным промежутком. Следовательно, я полагаю, что в 1286 году часть здания капитула, называемая криптой, была достроена". В "Сомерсетширских трудах", xii. 19, профессор добавляет, что "было решено, что каждый каноник должен ежегодно выплачивать десятую часть своего пребывания в течение пяти лет".

Епископ Годвин говорит (стр. 300) о епископе Уильяме Марчском: "В это время [1293-1302] здание капитула было построено благодаря вкладу доброжелательных людей; величественное

и роскошное здание". Я полагаю, Годвин писал, опираясь на местную традицию, поскольку в истории канона в *Anglia Sacra* нет ничего подобного. Его дата вполне совпадает с выдержками профессора.

[136] Старинные английские фрагменты, которые были сложены в часовне на Викариат-Клоуз, а также те, что валяются в подвале здания капитула, вряд ли могут не принадлежать разрушенному ист-энду. Тем не менее, фрагменты в часовне викариев скорее соответствуют стилю западного фасада, чем других частей церкви; и они согласуются с фрагментами, встроенными в дом священника в Вуки (который теперь без всякой причины называется аббатством Меллифонт), которые вряд ли могли не быть частями дома Джослина там. Фрагменты в подвале имеют форму зуба, которую, я думаю, больше нигде в церкви не найти, хотя она находится в подвале здания капитула.

Что касается фактической формы ист-энда, то ясно, что это была не апсида и тем более не квадратный ист-энд во всю высоту, как в Йорке, Эли и Саутвелле. На плане местности видно, что проходы работы Джослина проходят через проход к востоку от места его главного алтаря. Это показывает, что на месте нынешнего пресвитерия была дорожка для процессий и, скорее всего, часовня за ней, хотя возможно, что она заканчивалась простым ретроконом, подобным тому, что был в аббатстве Доре, или который проходил вокруг северной апсиды в Питерборо.

[137] Церковь Гластонбери, мне нет необходимости говорить, имеет гораздо более древнее основание, чем церковь Уэллса; она была младшей просто как кафедральный собор. Бат неизмеримо старше Уэллса как город, а также как церковь, если принять во внимание основание Озрика в 676 году. Даже основание Оффы в 775 году произошло до того, как Уэллс приобрел какое-либо значение. См. *Monasticon*, ii. 256, хотя трудно понять, как монастырь мог быть разрушен датчанами до времен Оффы.

[138] Англ. *Sacra*, i. 564. "Hic sibi similem anteriorem non habuit, nec hucusque visus est habere sequentem."

[139] *Ib.* "Tandem defunctus, in medio chori Welliæ honorifice sepelitur". Годвин добавляет: "Он был похоронен посреди построенного им храма, под мраморной гробницей покойного Йира, чудовищно изуродованной".

ЛЕКЦИЯ III.

[140] Эту историю, изложенную в "Каноне Уэллса", можно подробно прочитать в "*Anglia Sacra*", i. 564, с примечанием Уортона, и более кратко в "*Quaint English*" Годвина, стр. 297. Это подытожено в "Летописях Тьюксбери" (*Ann. Mon.* i. 133): "Магистр Роджерус Кантор Сарум элигитур в епископуме Батонии. Confirmatur a Domino Papâ, non obstantibus cavillationibus Canonicorum Wellensium. Consecratur, intronizatur, et Dominus Rex reddidit ei omnia temporalia, in Junio." Этот летописец, будучи монахом, рассматривает жалобы светских жителей Уэллса как "придирки".

[141] Священная Англия, i. 565. "Unde Episcopus Rogerus in tantum ita instantius penes Papam procuravit, quod ipse pacem fecit inter partes prædictas, et formam apposuit in eorum mutuis electionibus de cætero faciendis, quæ usque hodie observatur."

[142] Главными из них были *custodia* или попечительство благочиния, т.е. Доходы от поместья деканал во время вакансии, которые, без сомнения, до сих пор доставались епископу как верховному лорду, поскольку доходы от самого Епископства доставались королю. Он также отдавал им две трети прибыли всех приходских церквей епархии во время их вакантных должностей, которая до сих пор доставалась епископу; оставшуюся треть он отдавал архидиаконам.

[143] Годвин приводит список на стр. 298. О его погребении в часовне Богоматери в монастыре уже упоминалось; см. Выше, стр. 17.

[144] Anglia Sacra, i. 566. "Ubi ad præsens multis fulget miraculis."

[145] Ib., 567. "Ad cujus tumbam olim multa præclara fiebant miracula." Чудеса на могиле Уильяма Марчского, похоже, прекратились с тех пор, как был написан Канон, в то время как чудеса на могиле Уильяма Баттона все еще продолжались. Это согласуется с тем, что говорит Годвин, стр. 299: "Многие суеверные люди (особенно те, кого беспокоила зубная боль) имели обыкновение (даже в последние годы) часто бывать на месте его захоронения, поскольку оно находится за пределами северной стороны Куэра, где мы видим мраморный камень с выгравированным на нем изображением папы римского".

[146] Его строительство зала упоминается в Anglia Sacra, i. 567, а также о продвижении его собственной семьи. Итак, Годвин, 299 лет, который говорит о "Том прекрасном зале палласа в Уэллсе, разрушенном около пятидесяти лет назад придворным рыцарем, который в награду за свое святотатство вскоре лишился головы". Имеется в виду сэр Джон Гейтс, о котором чуть позже. Роберт Бернелл был сначала казначеем, а затем канцлером Англии, а в 1278 году был избран архиепископом Кентерберийским, но избрание было аннулировано папой Николаем IV. В книге Раймера "Библиотека", том i, часть ii, стр. 559, можно найти письмо Эдуарда I. Папе римскому от имени своего канцлера. He speaks of the "fidelitatis suæ constantia quam ad recolendæ memoriæ dominum, Henricum Regem Angliæ, illustrem genitorem nostrum, et nos ac totam ecclesiam Anglicanam semper hactenus habuit incorruptam, et a quâ nullo umquam tempore nubulo vel sereno flecti potuit seu etiam deviare." He also calls him "vir tam in temporalibus quam in spiritualibus circumspectus, vir mitis, affabilis, vir benignus, vir etiam misericordiæ, mansuetudinis, caritatis, et pacis." Двое его братьев утонули в 1282 году во время войны в Уэльсе; см. Trivet, стр. 305.

О работах Гауэра в церкви Святого Дэвида см. Историю церкви Святого Дэвида, стр. 190-194.

[147] Я должен снова процитировать профессора Уиллиса из "Сомерсетширских слушаний", xii. 19. "В 1326 году епископ передал землю в восточном конце собора одному из каноников, ее длина составляет пятьдесят футов к востоку от стены *недавно построенной часовни* Пресвятой Девы Марии". Это явно означает часовню Пресвятой Богородицы в ист-энде, отличающуюся как новое здание от старой часовни Пресвятой Богородицы в монастыре. Епископ - это, конечно же, Джон Дрокенсфорд, епископ 1309-1329 годов. В бристольтском отчете профессора Уиллиса (стр. xxix.) он странно назван *Токенфилдом*, что, я уверен, не является собственным описанием профессора.

[148] О козырьковых крышах Западной Англии и Южного Уэльса, избавиться от которых современные реставраторы церквей обычно считают великим подвигом, я писал и говорил до тех пор, пока тема мне почти не надоела. Используемая арка бывает самых разных форм, но в деревянной конструкции наилучший эффект дает полукруглая арка. Крыша такого типа из дерева - это то же самое, что бочкообразный свод из камня, а свод хора в Уэллсе - это бочкообразный свод, видоизмененный окнами верхнего этажа. Более ранние цилиндрические своды романского стиля, идентичные в принципе деревянным крышам Сомерсетшира, можно увидеть в Сен-Сернине в Тулузе и часовне в лондонском Белом Тауэре, а если быть ближе к дому, то в монастырской церкви Эвенни в Гламорганшире.

[149] Сомерсетширские археологические материалы, xii. 19. "В 1325 году епископ пожертвовал половину доходов от своего посещения *"новум олус"* церкви в Уэллсе, и было издано распоряжение, что, поскольку прилавки были разрушены и деформированы, каждый каноник должен оплатить строительство своего собственного нового прилавка, а декан послал в Миделтон за досками для изготовления новых прилавков". Миделтон - это то, что мы сейчас называем Милтоном. Деканом был Джон Гедель, декан с 1308 по 1333 год. Епископом, конечно же, был Ральф.

[150] Священная Англия, i. 569. "Sepultus in presbyterio ecclesiæ Wellensis inter gradus chori et summum altare in tumbâ de alabastro, cui imago supponitur valde conforma figuræ illius."

[151] Годвин, стр. 302. "Его тело было похоронено перед главным алтарем под прекрасным памятником из алебаstra, окруженным решетками из юрона. Примерно 60 лет назад (по какой причине, я не знаю) его перенесли на северную сторону пресвитерии, но, кстати, решетки исчезли".

[152] Сомерсетширские археологические материалы, xii. 19. "В 1318 году были назначены получатели десятых долей, пожертвованных в помощь *новой колокольне*, и для жертвований святому Вильгельму.... В 1321 году мы находим грант от духовенства Тонтонского благочиния на строительство крыши *новой колокольни*", что, что не маловероятно, означает деревянный шпиль. Под святым Вильгельмом подразумевается епископ Мартовский Вильгельм; см. стр. 107.

[153] Ib., 21. "В 1337 году был созван созыв, чтобы рассмотреть, среди прочего, сбор денег нерезидентами для выплаты долга в размере 200 ли. понесенные затраты на реставрацию большей части ткани. В 1338 году был созван еще один созыв, потому что церковь Уэллса настолько сильно разрушена и деформирована ("чудовищный конфликт ... тотальный конфликт и чудовищная деформация"), что ее структура может быть восстановлена, и при достаточной оперативности, только общим советом и помощью ее прихожан ". Это, очевидно, означает, как объясняет профессор, что ущерб, нанесенный весом новой башни, и подпорки, которые мы сейчас видим, очевидно, являются результатом заказанного тогда ремонта.

[154] Сходство пришло мне в голову независимо, но я вижу, что профессор Уиллис (стр. 22) цитирует то же название, которое Лиланд применил к реквизиту того же типа, впоследствии установленному под центральной башней в Гластонбери.

[155] Священная Англия, i. 570. "Iste ad constructionem occidentalis turris in parte australi Wellensis ecclesiæ duas partes expensarum apposuit; ac pro vitro occidentalis fenestræ ejusdem ecclesiæ centum marcas persolvit; duasque magnas campanas in dictâ turri australi pendentes fieri fecit propriis sumptibus." Годвин (302) добавляет к рассказу о колоколах: "Самый большой из

которых отливался пять раз с тех пор, как я был в этой церкви, теперь, наконец, служит для самого большого звонка, самого хорошего для этого числа (всего пять) (я думаю) в Англии".

[156] Годвин, 304. "Предполагается, что он был великим благотворителем и внес свой вклад в строительство Северо-западной башни в западной части Церкви, которую его войска частично установили в различных местах того же назначения".

[157] "Он построил нашу Библиотеку над Монастырями", - говорит Годвин в своем отчете о Бабвите, стр. 304. Но я не вижу, как это можно согласовать с тем, что он говорит на следующей странице: "Он [Бекингтон] построил (как мне, по крайней мере, кажется разумным) восточную часть монастыря".

[158] Есть и другие подобные объекты, например, западный фасад Эксетера, где, я полагаю, большинство людей согласились бы с тем, что его форма определенно неприглядна. Самым ранним английским примером, о котором я знаю, был западный фасад аббатства Малмсбери в романском стиле. Сейчас он находится в руинах из-за падения западной башни, которую впоследствии пристроили. Но легко разглядеть, что у самого старого фасада была глухая стена между башнями, вместо башен или естественных окончаний проходов без башен.

[159] Такое расположение придает церкви Уэллса и Руана своего рода западный трансепт. В Линкольне и Питерборо также есть западный трансепт, но он образован другим выступом за пределы башен.

На западном фронте в Рипоне есть нечто аналогичное Уэллсу и Руану. Башни сейчас находятся в концах проходов, но, поскольку сначала в них не было проходов, они, должно быть, были построены как выступающий трансепт.

[160] Этот обычай делать фальшивый фронтон или другую отделку между башнями, не имеющую отношения к фронту нефа, распространен как во французских, так и в немецких церквях. Это доведено до крайности в церквях Брауншвейга, где любому, кто приедет с запада, покажется, что каждая церковь почти вдвое выше, чем она есть на самом деле.

[161] Я здесь говорю только о многоугольных апсидах. В наших больших романских церквях обычно использовалась круглая апсида, но их хоры обычно переделывались или разрушались, так что единственные круглые апсиды, которые мы сейчас имеем в очень большом масштабе, - это апсиды Норвича и Питерборо. В Нормандии сохранилось гораздо больше, и они также гораздо чаще встречаются в небольших церквях. Кентерберийский собор имеет апсиду для хоров промежуточной даты, помимо круглой часовни в крайнем восточном конце, которая в какой-то степени соответствует нашей многоугольной часовне Богородицы.

[162] Расположение центральной и западной башни в Уимборне когда-то было гораздо более распространенным, чем сейчас, но во многих случаях одна из башен либо никогда не поднималась, либо была впоследствии разрушена, как в Херефорде, Шрусбери, Малмсбери, Бангоре и Церкви Христа в Хэмпшире. Это мероприятие по-прежнему проводится в большом масштабе в Эли, в меньшем - в Пертоне в Уилтшире и в двух меньших церквях в Кутансе.

[163] Священная Англия, стр. 569. "Episcopale palatium apud Welliam forti muro lapideo circumcinxit, et aquam undique circumduxit;" and again, "Palatium episcopale Wellense muro lapideo batellato et cornellato cum fossatis claudere fecit."

[164] Епископ Годвин рассказывает всю историю в своей необычной манере (стр. 301). "Этот человек знаменит тем, что основал первый дом наших викариев в Уэлсе. Память о благотворительности которого можно увидеть в картине на стене у подножия ступеней холла. В нем викарии, преклонив колени, видят просьбу епископа в следующих словах:

Per vicos positi villæ, pater alme rogamus,
Ut simul uniti, de [te?] dante domos maneamus.
*Рассредоточившись по городу, мы смиренно молимся,
Чтобы мы могли жить вместе, благодаря твоей щедрости.*

Он отвечает им так:

Vestra petunt merita, quod sint concessa petita,
Ut maneatis ita, loca fecimus hic stabilita.
*Ради вашего спасения, пустыни умоляют, я сделаю то, чего вы жаждете,
Для достижения этой цели у вас будут здесь жилища.*

Эта картина к настоящему времени почти изношена; в то время, когда викарии по милости ее маэстры подтвердили им свои доходы, подвергаясь опасности быть украденными определенными святотатственными бакланами; они также приказали нарисовать картину превосходной работы, сохранив память как об одном, так и о другом. Когда эти здания были возведены; чтобы поддержать в них хоть какое-то гостеприимство, он передал их новому колледжу, маннору Уэлсли, и выделил им двадцать ноблей для выплаты из дома священника в Чу. Более того, он построил дом для Вопрошающих и их хозяина".

[165] См. выше, стр. 173.

[166] Я должен снова процитировать Годвина, стр. 306. "Своему преемнику он дал 100 фунтов стерлингов при условии, что тот примет их вместо всех убытков, в противном случае желая, чтобы его душеприказчики потратили их в судебном порядке против него: и, наконец, своим душеприказчикам он оставил всего по 20 фунтов за штуку, потребовав от них использовать все остальное его имущество с пользой по своему усмотрению. Они ответили очень справедливо, оказав мне доверие, и с такой осмотрительностью и преданностью, что я поступил бы с ними несправедливо, если бы не запомнил их. Одним из них был Ричард Суонн, мэр Уэллса и пастор Йевелтона, который до сих пор был душеприказчиком в том же роде Ричарда Прати, епископа Чичестерского (этот человек жил в кэнноникал-хаусе, который находится недалеко от рыночной площади). Другим был Хью Шугар, доктор права и казначей Уэллса (он построил чаппелл полностью из свободного камня, который раньше был деревянным, примыкал к большой кафедре и жил там, где я сейчас живу, в среднем доме из трех, которые соединяются на Камбре). И третьим был Джон Поуп, доктор богословия, пребендарий Сент-Декуманс и пастор Шайр. Эти трое (как мне рассказывали старики) были похоронены в склепе вместе, напротив большой кафедры, под тремя мраморными камнями одинаковой формы. Имущество епископов, которое осталось неиспользованным, они по большей части пожертвовали на

строительство викариатского дома в Уэллсе, которое было начато епископом Ральфом задолго до этого; роскошного и красивого здания".

[167] Некоторые замечания мистера Даймока по этому вопросу можно найти в Трудах Сомерсетширского общества археологии и естественной истории, lxii. 33.

[168] В Херефорде некоторые священники-викарии носили титул Второстепенных каноников. Я не знаю, чем они отличались от остального тела.

[169] Похоже, он ничего не сделал для ткани, хотя северо-западная башня все еще была недостроена. Но он жертвовал десятину и другое имущество Капитулу на различные цели, одной из которых было ведение общего стола; "ad mensam capitularem et alia onera in ecclesia Wellensi supportanda". Священная Англия, i. 570.

[170] Anglia Sacra, i. 570. "Fecit etiam construi per executores suos in vico vocato *la Mounterye* mansiones pro xiv capellanis in dictâ ecclesiâ Wellensi indies celebrantibus." Годвин называет это "колледжем в Уэллсе для священников-фауэртинцев, в конце переулка, который сейчас называется Колледж-лейн". Об истории этого основания см. Монастикон, viii. 1465.

[171] В отчете о деканах в Anglia Sacra, i. 590, мы читаем о нем. "Vir impense literatus, postquam in utrâque academiâ Anglicâ bonis studiis operam dedisset, in Italiam profectus, Guarini Veronensis disciplinæ se tradidit."

[172] Смотрите мистера Паркера в Материалах Сомерсетширского археологического общества, xi. 144 и xii. 25. Мистеру Паркеру можно безоговорочно доверять во всех архитектурных вопросах, но он совершенно не в состоянии разобраться в истории фонда.

[173] Когда я писал этот отрывок и более ранний отрывок на стр. 23, я не думал, насколько близки были к осуществлению мои худшие опасения. Дом органиста в Уэллсе, точнее, дом *Информатора Пуэрорума* (см. Выше, примечание 25), дом пятнадцатого века, стоит к юго-западу от церкви и был соединен несколькими зданиями меньшего размера с западной стеной монастыря. Северный фронтон с необычайно элегантным окном с двумя фонарями выделялся на фоне соборной зелени и занимал немалое место среди общей группы зданий, центром которых была церковь. Долгое время здание находилось в плачевном состоянии, и щедрое частное предложение отремонтировать его было, по каким причинам, никто не может догадаться, отклонено. С тех пор здания, соединявшие основную часть дома с монастырем, были снесены. Это был бессмысленный поступок, потому что, хотя они были сильно залатаны и изуродованы, древние части все еще сохранились, и, в любом случае, их присутствие поддерживало дом в его надлежащем положении как часть единого целого. Наконец, в ночь на 12 апреля 1870 года древняя крыша дома, которая все еще сохранилась, обрушилась, повредив фронтон и разбив ажурное окно. Как это произошло, нет четких свидетельств, но на месте происшествия считается, что это произошло не совсем случайно. Таким образом, наши древности ежедневно гибнут, потому что, хотя вкус к ним и понимание их ценности растет с каждым днем, те, чьим долгом является их сохранение, часто испытывают к ним меньше всего чувств. В данном случае ущерб, который уже был нанесен, является результатом умышленного пренебрежения, но полное разрушение здания было бы дальнейшим актом бессмысленного варварства. Я ни в коем случае не уверен, что дом даже сейчас нельзя было бы спасти

тщательным ремонтом; но даже если разрушение зашло слишком далеко для этого, то то, что осталось, следует сохранить как хорошо сохранившиеся руины, а не сносить ради какой-либо легкомысленной частной цели.

[174] С этой точки зрения история Уэллса вполне достойна внимания студентов, изучающих муниципальную историю. Число районов, возникших под сенью аббатств, таких как Сент-Олбанс и Бери-Сент-Эдмундс (о которых в последний раз смотрите статьи мистера Грина, опубликованные в журнале Macmillan's Magazine в 1869 году), немалое; но *епископских районов* немного. Дарем и Солсбери (см. Выше, стр. 3) являются ближайшими примерами, но их история не совсем такая, как у Уэллса. Ковентри, еще более крупный город, вырос в тени аббатства, которое стало епископством.

[175] Каталог епископов, стр. 307.

[176] Это было сделано в 1526 году на основании буллы папы Климента Седьмого; см., например, Отчет о монастыре Давентри в Нортгемптоншире в "Монастиконе", ст. 176.

[177] Это было в 1414 году. Список запрещенных домов приведен в "Монастиконе", viii. 1652. Среди них был монастырь Сток-Корси в нашем родном графстве, который находился в зависимости от аббатства Лонли в штате Мэн. Большая часть поместий этих монастырей отошла различным фондам, возникшим в пятнадцатом веке, таким как несколько колледжей в Оксфорде и Кембридже, Итонский колледж, в который поступил Стоук Корси, и часовня Святого Георгия в Виндзоре. Следует отметить, что это подавление имело место при короле Генрихе Пятом и архиепископе Чичли, более религиозного короля или примаса, чем он, в Англии, конечно, никогда не было. Здесь мы имеем ближайшую параллель с упразднением Ирландской церкви.

[178] Репрессии при Генрихе Восьмом были наиболее полной противоположностью репрессиям при Генрихе Пятом. Небольшая часть монастырских владений, которые каким-либо образом пошли на государственную службу, на основание епископств и колледжей и на обеспечение обороны побережья, была мелочью по сравнению с безграничными богатствами, которые были растрачены приспешниками Генриха, не говоря уже о бессмысленном и жестоком осквернении церквей и священных предметов.

[179] Мы всегда должны проводить различие между двумя репрессиями в период правления Генриха Восьмого. Подавление меньших монастырей было осуществлено юридически Актом парламента. Более крупные монастыри были подавлены путем вымогательства у каждого настоятеля и монастыря незаконной капитуляции, которая впоследствии была подтверждена Актом парламента. Но аббат Уайтинг так и не сдался, так что захват аббатства Гластонбери был простым ограблением. Аббата, конечно, действительно повесили за отказ предать оказанное ему доверие. Номинальное обвинение, по которому он был осужден комиссарами, посланными "судить и казнить" его — дело было таким образом подготовлено заранее, — было нелепым предлогом того, что он ограбил имущество монастыря, то есть попытался спасти его от тех, кто хотел его ограбить. Это следует иметь в виду, поскольку я видел, как снова и снова говорилось о том, что аббат был повешен за отрицание верховенства короля, которое аббат и монастырь Гластонбери, как и другие аббаты и монастыри, признали задолго до этого.

[180] См. выше, стр. 46.

[181] Список деканов в *Anglia Sacra*, i. 590, гласит: "vir laicus, decanatum Wellensem ab anno 1537 pessimo exemplo tenuit. Capite plexus est 1540. 28. Julii."

[182] Смотрите "Жизнь архиепископов" Хука, viii. 18.

[183] Часовня Святого Георгия в Виндзоре не была закрыта; в противном случае несколько коллегиальных церквей, которые все еще сохранились, в том числе в Рипоне и Манчестере, которые стали кафедральными соборами, были восстановлены при Елизавете и Якове Первом. Именно сейчас Беверли и несколько других крупных церквей, а также некоторые церкви поменьше, такие как Сток-саб-Хэмдон в нашем родном графстве, перестали быть коллегиальными.

[184] Акт притворного обмена напечатан в "Монастиконе", ii. 294. См. также "Годвин", стр. 311; и "Сомерсетшир" Коллинсона, iii. 395.

[185] Именно сейчас дворец в Уэллсе был возвращен епископату. После казни Сомерсета он перешел к сэру Джону Гейтсу, разрушителю часовни Леди Стиллингтон, который был обезглавлен вместе с Джоном Дадли, герцогом Нортумберлендским, в 1553 году. Это придворный рыцарь, о котором Годвин говорит в своем рассказе о епископе Бернелле.

[186] Об истории так называемого Приората см. Монастикон, vii. 664.

[187] См. примечание 44.

[188] См. выше, стр. 50.

[189] См. Годвин, стр. 311.

[190] Этот странный документ, датированный 1592 годом, насколько я знаю, никогда не печатался, и я видел только английский перевод. Сначала в нем излагаются сомнения относительно правового положения Капитула, возникшие в связи с капитуляцией, сделанной деканом Фицуильямсом во времена Эдуарда Шестого, и последующим учреждением нового деканата Актом парламента. Затем королева заново основывает кафедральный собор со всеми его достоинствами и пребендами, как они существовали прежде. Затем она переходит к основанию "некоторых других достоинств или должностей", а именно резиденции канонов. Зачитываются названия существующих резиденций, а декан и Каноническая резиденция объединяются в корпорацию под названием "Декан и капитул Кафедральной церкви Уэллса". Этой недавно основанной корпорации королева дарует кафедральную церковь, ее принадлежности и движимое имущество, здание Капитула и другие земли и имущество, а именно такое, которое было общей собственностью Капитула. Затем она предоставляет им полномочия издавать, при определенных условиях, уставы "для хорошего правления и упорядочивания Резиденции каноников и *других пребендариев* в указанной Кафедральной церкви". Затем она определяет количество резидентов, которых должно быть не менее шести и не более восьми, и порядок их избрания. Они должны быть выбраны из Пребендариев, при этом сильное предпочтение отдается Высокопоставленным лицам, включая архидиаконов, а декан имеет право на место Резидента, если он пожелает претендовать на него. Срок проживания установлен как минимум в четыре месяца ежегодно для Высокопоставленного лица, являющегося Резидентом, и как минимум в три месяца для Резидента, не являющегося Сановником. Следует помнить, что это ровно половина условий проживания, установленных

Джослином; см. Выше, стр. 90. Далее в документе регулируются полномочия епископа по посещению, которые считаются само собой разумеющимися. Затем следуют пожертвования различным Сановникам и пребендариям нескольких их тел, и предусматривается выплата определенных обычных сумм ткани, викариям и на другие цели. Затем следуют имена существующих пребендариев; и предписывается, что Пребендарии "должны быть навсегда соединены с вышеупомянутым деканом и Капитулом и их преемниками для достижения целей, намерений и задач, следующих только за этим, то есть вышеупомянутые пребендарии, каждый из них и их преемники, и преемники каждого из них должны иметь место в хоре вышеупомянутой Соборной церкви, и что они и каждый из них должны иметь место и голос в Капитуле указанной Соборной Церкви только для избрания епископа". в вышеупомянутый епископальный престол Бата и Уэллса, когда в этом возникнет необходимость". Затем возобновляется право епископа назначать на должности и пребенды, за исключением того, что право назначения на благочиние сохраняется за короной. Остальные положения носят чисто формальный характер.

Очевидная цель этого документа - узаконить определенное положение вещей, которое постепенно сложилось в результате злоупотреблений. Вероятно, стало обычным, что каноники-нерезиденты вызывались на заседания Капитула только тогда, когда должен был быть избран епископ. Теперь они были формально лишены права голоса в другое время. Декан и Ординаторы, которые до сих пор были просто уверены в Канонах или пребендариях, выбранных для определенной цели, теперь сами стали корпорацией, и корпоративный стиль декана и Капитула был передан им. Из этого вытекают некоторые гротескные результаты. Капитул прежде всего определяется как орган, членами которого не являются каноники-иностранцы, а затем каноники-иностранцы определяются как члены этого органа для одной конкретной цели; и старая формула, согласно которой у каждого Канона было "*voce in capitulo et stallum in choro*", сохраняется, с тем ограничением, что голос должен использоваться только при избрании епископа. Затем практика, согласно которой согласие существующих Резидентов было необходимо для того, чтобы любой Каноник сохранил действительное место жительства, ужесточается до фактических выборов существующими Резидентами. Наконец, обычай, по которому Капитул всегда избирал кандидата от Короны в Деканат, заменен фактическим назначением декана Короной. Во всех этих случаях целью является легализация королевской властью существующей порочной практики.

Любопытно отметить, что, несмотря на все это, некоторые древние обычаи все еще сохраняются в качестве формальных. Каноник, при его первом назначении пребендой, торжественно устанавливается в хоре и капитуле, но такой церемонии не следует при его избрании на постоянное место жительства, когда он просто передается во владение домом. Это, конечно, связано с тем, что при прежнем положении вещей резиденты были не отдельным органом, а просто теми из каноников, на кого возлагалась обязанность проживания от имени всего общества. Когда Каноник начал работать, ему не выделили никакого нового офиса; следовательно, он не нуждался в новой установке. По Елизаветинской хартии Резиденты были преобразованы в обладателей определенных званий или должностей, но никакая форма установки не была предписана или не могла быть предписана, потому что Резидент сохранил стойло, которое он занимал раньше, и не имел специального стойла в качестве резидента. К небрежной современной практике Ординариев или других каноников, занимающих лавки, принадлежащие другим их собратьям, ни древний орден, ни Елизаветинский устав не имеют никакого отношения.

Стоит отметить, что в списке, приведенном в книге Коллинсона "Сомерсетшир", посвященном Капитулу в том виде, в каком он существовал в его время, все сановники и пребендарии расположены в надлежащем порядке, а к тем, кто таковым оказался, добавлены слова "Канонический ординарий". Сейчас вошло в моду печатать Жилые дома сначала крупным шрифтом, а остальные Каноны после них - более мелким. Таковы соломинки, которые указывают путь ветру, и так растёт олигархия во все времена и в разных местах.

[191] Фактические права каноников, не являющихся резидентами, как в Уэллсе, так и в других местах, являются вопросом права, который должен быть урегулирован путем правовой экспертизы различных местных законодательных актов и общих актов парламента. Результат, вероятно, был бы не совсем одинаковым в каждой церкви. Но несомненно, что, если мы хотим, чтобы наши капитулянтские органы вообще были хоть сколько-нибудь полезны, они должны быть восстановлены на своей старой широкой основе. Группе из сорока или пятидесяти священнослужителей, избранных епархией, частично проживающих в соборе, частично в других местах, можно было бы доверить делать многое, чего нельзя доверить олигархии из четырех или пяти человек. В Новых Фондах цель была бы достигнута путем передачи голосов в Капитуле Почетным каноникам.

[192] С трудом верится, если не считать того, что такой же хаос был учинен в некоторых других церквях, что в английском кафедральном соборе в 1869 году были установлены четыре печи невероятного уродства, *с дымоходами, пробитыми сквозь сводчатую крышу!* Для лучшего показа одного из них часть балдахина епископа Бекингтона, уже сдвинутая со своего места, была срезана; но по прибытии в резиденцию каноника с лучшим вкусом ее вернули на место. Если бы церковь хотела согреться, цель, несомненно, могла быть достигнута каким-то другим способом. В Бристольском соборе есть печи, которые ничем не уродуют.

[193] Однако у них был бы прецедент в знаменитой сцене между архиепископами Ричардом и Роджером во времена Генриха Второго, которую я опишу словами Годвина, стр. 51. "В назначенное время легат пришел и занял свое место, и архиепископ Кентерберийский усадил его рядом с легатом по правую руку. После этого вошел Роджер, архиепископ Йоркский, и хотел, чтобы Нидс сместил Кентербери и сел над ним: чтобы, когда другой не будет страдать, он усадил его к себе на колени. Другие присутствующие епископы, удивленные таким странным поведением архиепископа Йоркского, накричали на него; люди архиепископа Кентерберийского силой вытащили другого из его неудачно выбранного места, повалили его на землю, сорвали с него мантию чуть ли не с плеча, наступили на него, избили и обращались с ним так пренебрежительно, что легат, то ли от стыда, то ли от сомнений в том, что с ним самим может случиться в такой суматохе, вывел его и пошел своей дорогой".

На могиле виновника этого опустошения написано с неосознанным сарказмом: "Multum ei debet ecclesia Wellensis". Эти слова, по-видимому, удачно заимствованы из обращения Лукана к Нерону:

"Multum Roma tamen debet civilibus armis,
Quod tibi res acta est."

Декан Дженкинс, однако, не использовал огонь; печи были береганы для следующего эра.

[194] В деталях работы в Llandaff есть многое, что заслуживает порицания, но принцип расположения во всем безупречен, и общий эффект достоин восхищения.

[195] Предлагается "восстановить", как это называется, западный фронт стоимостью во много тысяч фунтов стерлингов, в то время как нет никаких признаков какого-либо движения к избавлению от вопиющих злоупотреблений внутри церкви. Я верю, что нет никакого страха перед бессмысленным разрушением какой-либо древней работы или перед такими нелепостями, как установка новых статуй. И все же мне кажется странным ставить телегу впереди лошади - тратить такую сумму или даже один фартинг на чисто декоративную работу, в то время как внутреннее убранство таково, что церковь не выполняет должным образом свою первую обязанность как место поклонения. Когда неф Уэллсского собора снова будет использован по назначению, у него будет достаточно времени подумать о навесах и резьбе снаружи. И мне ни в коем случае не ясно, следует ли вообще реставрировать чисто декоративные работы такого рода. Все, что действительно необходимо для сохранности ткани, должно быть сделано со всей смелостью, и все действительно важные элементы должны быть выполнены качественно. Если бы западные башни, скорее всего, рухнули, их поддержание или восстановление было бы делом долга, в зависимости от обстоятельств. А поскольку двери и окна являются важнейшими частями здания, я бы без колебаний восстановил их обветшалые основания, лепнину и другие детали. Но что касается чисто декоративных работ, статуй и их балдахинов, мне кажется, что их ценность полностью проистекает из того, что они являются подлинными частями оригинальной работы, и что любой современный ремонт здесь неуместен. Я должен был бы принять все меры, чтобы сохранить их и сохранить на своих местах; но, если они упадут или рассыплются, я не должен их заменять. Поэтому я искренне сожалею, что была предпринята работа, которая вряд ли может не привести к тому, что реальное восстановление церкви Уэллса будет отложено на многие дни.

[196] Если экран имеет какое-либо конструктивное значение для поддержания опор восточной арки башни, а я в это не верю, то очевидным решением будет установить четвертый Андреевский крест в восточной арке, как и в трех других.

КОНЕЦ.

"Р. КЛЕЙ, СЫНОВЬЯ" И ТЕЙЛОР, ТИПОГРАФИЯ, БРЕД-СТРИТ-ХИЛЛ.

[1] Переведено на Кентербери.

[2] Похоже, что это был случай оспаривания выборов.

[3] Переведено на Кентербери.

[4] Переведено на Йорк.

[5] Перевод с Вустерского.

[6] Переведено на Ely.

- [7] Перевод с Ковентри и Личфилда.
- [8] Переведено на Даремский.
- [9] Перевод с Солсбери.
- [10] Переведено на Йорк.
- [11] Переведен из Лондона в Солсбери, а оттуда в Бат и Уэллс.
- [12] Переведено на Кентербери.
- [13] Перевод с Эксетерского.
- [14] Переведен в Дарем, оттуда в Винчестер.
- [15] Перевод с Эксетерского.
- [16] Перевод с Херефорда.
- [17] Лишен за заговор против папы Льва Десятого.
- [18] Хранится во множественном числе у Йорка.
- [19] Обменян на Дарем.
- [20] Перевод с Сент-Дэвидса.
- [21] Лишен при восшествии на престол королевы Марии и повторно назначен в Чичестер при королеве Елизавете.
- [22] Лишена при вступлении на престол Елизаветы.
- [23] Отец Фрэнсиса Годвина, историка, каноника Уэллса, а впоследствии епископа Лландаффского.
- [24] Переведен на Винчестер.
- [25] Перевод с Сент-Дэвидса.
- [26] Переведен в Лондон, а оттуда в Кентербери.
- [27] Перевод с Рочестерского.
- [28] Переведен на Винчестер.
- [29] Перевод с Питерборо.
- [30] Переведен на Винчестер.
- [31] Лишен за отказ от присяги Уильяму и Марии.
- [32] Перевод святого Асафа.
- [33] Перевод с Сент-Дэвидса.

[34] Перевод с Глостерского.

[35] Перевод с Карлайла.

[36] Перевод из Оксфорда.

[37] Перевод с Содора и Человека.

[38] Подал в отставку. Умер в 1870 году.

Примечания переписчика

Орфографические, пунктуационные различия и расстановка переносов сохранены, за исключением очевидных случаев типографских ошибок.

Лишняя сноска на странице 15, относящаяся к примечаниям в конце книги, была удалена.

Расположение и структура примечаний в оригинале сохранены.